

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

№ 1 (17)

2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Токмакова Т. Н.</i> Французская книга в частных коллекциях первой четверти XVIII в. в России	3
<i>Бессонова Т. В.</i> Мещанские семьи Казани в середине XIX в.	12
<i>Лобеева В. М.</i> Социальная философия Б. Н. Чичерина: анализ системы теоретической методологии	21
<i>Логачева Н. В.</i> Судебная реформа 1864 г. в Нижегородской губернии: адвокатура, прокуратура, мировая юстиция	30
<i>Уразова С. А.</i> Изменение функций профсоюзов в начальный период нэпа	36

ФИЛОСОФИЯ

<i>Исаева О. С., Кошарный В. П.</i> Нравственно-философские основания социального проекта евразийцев	43
<i>Немыкина О. И.</i> Понятие виртуальности в философском контексте	53
<i>Маслянка Ю. В.</i> Современная философия сознания, природа субъективности и феномен смысла	63
<i>Стерледева Т. Д.</i> К вопросу о различии естественно-научного и философского исследования электронно-виртуальной реальности	70

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Акимова Т. И.</i> «Ответ» свободных дворян Екатерине II в жанрах дружеского послания и сказочной поэмы конца XVIII – первой четверти XIX вв.	78
<i>Дорофеева Ю. Г.</i> «Похищение Прозерпины»: попытка атрибуции комической поэмы	89
<i>Жаткин Д. Н.</i> Антологические эпиграммы А. А. Дельвига в литературном процессе XIX в.	97
<i>Крохина Н. П.</i> О драме софийных тем и смыслов в русской литературе XIX – начала XX вв.	109
<i>Петрова С. А.</i> Интермедальная специфика повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната»	116

<i>Беляева М. В.</i> «Нейтральное» и «разговорное» в устном дискурсе: сильная и слабая синтаксические позиции (на материале немецкого языка).....	123
---	-----

ПЕДАГОГИКА

<i>Яковлева Е. В.</i> Формирование логической культуры преподавателя высшей школы.....	131
<i>Белухина Н. Н.</i> Концептуальные подходы к отбору содержания дистанционного образования	138
<i>Раскачкина Е. В.</i> Формирование ценностно-смысловых компетенций будущих кадастровых инженеров с позиции компетентностного подхода	145
<i>Макарова С. В.</i> Формирование готовности к профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта на основе парадигмы педагогической поддержки.....	153
<i>Бахтин В. В.</i> Формирование у младших школьников ценностного отношения к музыкальной деятельности в процессе художественного анализа музыкальных произведений на внеурочных комплексных занятиях	162
<i>Хевсокова М. Ю.</i> Особенности методики изучения геометрических преобразований пространства в условиях профильного обучения.....	168

РЕЦЕНЗИИ

<i>Карнишин В. Ю.</i>	177
-----------------------------	-----

УДК 94 (47) 05: 027.1

Т. Н. Токмакова

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА В ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. В РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы франко-русских культурных связей в первой четверти XVIII в., в частности проблеме восприятия французской литературы российским столичным дворянством. Выявление особенностей книжной культуры в данной статье происходит на основе изучения и анализа частных книжных коллекций императора Петра I и ряда выдающихся деятелей Петровской эпохи. Статья основана на архивных (в том числе неопубликованных) документах и мемуарных исторических источниках.

Ключевые слова: частная книжная коллекция, галломания, французская культура, российское дворянство, книжная мода, Петровская эпоха.

Abstract. The article is devoted to investigating the problem of French-Russian cultural relations in the first quarter of the eighteenth century. In particular, the problem of perception of French literature by metropolitan nobility. Revealing of bookish culture peculiarities in the article is based on examining and analyzing private book collections of the emperor, Peter the Great, and a number of outstanding public figures of the Peter's epoch. The article is based on archive documents (including unpublished) and autobiographical historical sources.

Key words: private book collection, Gallo mania, French culture, Russian nobility, bookish fashion, the Peter's epoch.

Проблема взаимодействия и взаимовлияния культур, безусловно, очень важна. Культурный диалог Россия–Франция не мог установиться сколь-нибудь прочно ранее начала XVIII в. Начиная с эпохи Петра Великого Россия активно начала процесс европеизации, который успешно продолжался и его потомками. Петр I неистово стремился ввести Россию в европейское образование, сблизить Россию с Западной Европой и ее цивилизацией, сгладить разницу между Россией и Западом. Главным образом западные веяния касались дворян, как наиболее образованной прослойки русского общества. Ядром в развитии франко-русских отношений являлась галломания¹ – интенсивное проникновение французского языка и культуры. Пик этого явления в русской культуре приходится на вторую половину XVIII в. – первую треть XIX в.

Первую четверть XVIII в. можно характеризовать как начальный этап галломании. В период правления царевны Софьи французские книги в составе частных коллекций были еще редкостью. В петровскую же эпоху французская книга получает распространение, но только среди ближайшего окружения императора и верхушки российского дворянства.

¹ По В. И. Далю, галломания – это пристрастие ко всему французскому [1, т. 1, с. 342].

На формирование «книжной моды» в исследуемый период влияли особенности внешней и внутренней политики государства, установление с другими государствами не только дипломатических, но и культурных связей, особенности дворянского воспитания и другие факторы. Еще одним немаловажным фактором, влияющим на комплектование частного книжного собрания, является профессиональная деятельность ее владельца.

Галломания в России сочетала в себе два основных элемента: популярность французского языка и французской литературы. Обучение французскому, немецкому и другим иностранным языкам становится необходимым и существенным звеном в системе образования. Мемуарист Ф. Ф. Вигель отмечает, что уже к середине XVIII в. среди умений, приобретенных дворянской молодежью, знание иностранных языков, особенно французского, было очень важно, и «французский язык был исключительный орган хорошего тона» [2, с. 88]. Действительно, многие из русских предпочитали употреблять французский язык в разговоре, частной и даже деловой переписке. Это было не только данью моде, но и попыткой отделиться от других сословий и родом занятий, и социальным положением, и внешними отличиями – одеждой, языком, нравами [3, с. 117].

Знание иностранных языков, в особенности французского, делает западноевропейскую книгу доступной для российского дворянства. Язык определяет круг литературных вкусов российской привилегированной прослойки. Приобретение книг самой разнообразной тематики, изданных за рубежом, стало обычным явлением.

Безусловно, на формирование читательских вкусов влияли и издания, выпускавшиеся внутри страны, а также поступавшие из-за границы. Отсутствие на книжном рынке той или иной книги в печатном виде зачастую восполнялось рукописной книгой¹.

О расширении культурного влияния стран Западной Европы в XVIII в., в частности Франции, можно судить по составу частных книжных коллекций российского дворянства в исследуемый период. Частные коллекции пополнялись преимущественно за счет российского книжного рынка, основными центрами которого с середины XVIII в. являлись Москва и Петербург. Однако нередко дворяне осуществляли покупку книжных изданий за границей, главным образом путем заказа, но позволить себе это могли только представители знати.

Частные книжные собрания, как правило, формировались в течение долгих лет. Конечно, многие книги, стоявшие на полках российской знати, были данью моде, другие являлись подарком владельцу от автора, третьи – удовлетворяли различные интересы хозяев библиотек.

Изучение книг из частных библиотек XVIII в. дает богатый и интересный материал не только для истории книжной культуры этого времени. Книжки иногда очень выразительно рассказывают о своих владельцах, их вкусах, характере, устремлениях. Изучение и анализ книжных коллекций на предмет выявления в них французского репертуара важны не только для раскрытия духовного мира его владельцев, но и в качестве оценки понимания ими самого направления духовной жизни того времени.

¹ Распространение рукописных книг преимущественно относится к началу и середине XVIII в.

Появление французского репертуара в частных собраниях можно отнести к эпохе Петра Великого. Сам император, еще будучи ребенком, проявлял интерес к книгам. Когда к пятилетнему царевичу приставили в качестве учителя дьяка Никиту Зотова, Петр с увлечением принялся за уроки грамоты. Живой и пытливый ум Петра рано понял, что книга может служить не только для душеполезного и спасительного чтения, но и для расширения познаний. В этом он видел главное назначение книги.

Существовавший в России Печатный двор, равно как и другие типографии, до Петра выпускали исключительно богослужебные и духовные книги [4, с. 82]. Однако Петр обратил свое внимание на книги иного характера, так называемые книги о «художествах», под которыми император понимал военные, физические, математические, медицинские, а затем книги по истории, политике, географии и другим наукам. И Петр сам определял, какие книги должны быть переведены и изданы на русский язык.

Русские книги первой четверти XVIII в. были связаны с практическими задачами и нуждами государства, способствовали проведению преобразований, помогали усвоению всего нового, вводившегося в жизнь России. Характерной чертой петровского книгопечатания является его светский характер и широкая тематика печатной продукции. Тематика изданий петровского времени (1701–1724) характеризуется следующими цифрами: религиозная литература составляла 256 изданий, издания законодательного и информационного характера – 185 изданий, литература, посвященная военному и морскому делу, кораблестроению, – 69, гуманитарная литература – 63, естественнонаучная литература – 27, художественная литература – 84, календари – 43, азбуки и буквари – 30, помимо этого около 600 выпусков газет, большое число карт и иллюстративных материалов [5, с. 183].

Петр был император-деятель, он нуждался в распространении в России научных знаний, которые необходимо было применять на практике: поднять отечественную промышленность, построить мощный флот, вооружить армию, чтобы одержать победу в Северной войне. Поэтому он приложил немало сил и старания для распространения в России иностранной книги на оригинальном языке или в переводе, так как среди русских людей того времени трудно было найти таких, которые могли бы составить и самостоятельно писать книги по разным наукам.

О Петре I существует множество отзывов современников и еще больше отзывов историков. Но большинство из них, в частности современники, отмечали любознательность, трудолюбие, рассудительность, прилежность, глубокомыслие Петра I, его стремление к науке и хорошее владение им иностранными языками [6, с. 88, 123, 126, 144]. Библиотека Петра I по своему составу полностью отвечала интересам и характеру императора. Она включала в себя книги, полученные императором в наследство, подаренные книги или приобретенные Петром I нередко за границей. У многих исследователей возникают разногласия, владел ли Петр I французским языком или нет. Так, в мемуарах герцог Сен-Симон, который в 1717 г. пристально следил за визитом императора в Париж, отметил: «Царь хорошо понимал по-французски и, я думаю, мог бы говорить на этом языке, если бы захотел; на латыни же и других языках он говорил очень свободно» [7, с. 9–10]. Еще одним доказательством является значительный французский компонент в составе его библиоте-

ки. Анализируя справочник «Библиотека Петра I»¹, можно сказать, что французская часть библиотеки императора Петра составляла около 210 названий или 288 томов [8, с. 28–32]. Таким образом, почти каждая восьмая книга его собрания являлась французской. Можно заметить, что как в общем собрании библиотеки, так и во французской ее части преобладали книги по естественным наукам. Свое книжное предпочтение император отдавал книгам по военному и морскому делу, архитектуре, географии, страноведению, математике, физике. В императорской библиотеке, кроме того, находились книги по истории, торговле, садовому искусству, нравоучительная и религиозная литература, филологическая литература. Говоря о тематическом составе французских книг петровской библиотеки, можно сделать следующие выводы. В процентном соотношении большую часть собрания составляли книги по военному делу – 30 %, морскому делу – 6 %, книги по математике и физике – 8,3 %, по архитектуре и градостроительству – 16,7 %, по страноведению и географии – 13,8 %, но количество книг по политике, истории, религиозной или нравоучительной литературы на французском языке было весьма незначительно.

Тематика французских книг петровской библиотеки полностью соответствует читательским интересам самого императора. Петр I был знаком с трудами известных французских полководцев, военных теоретиков, инженеров: графа де Турвиля, Поля Оста, Жана Эррара, читал труды Кугорна и Сен Жильена по фортификации, по артиллерии – Пьера Сюрирея де Сен-Реми и Лафонтена [9, № 1549, 1189, 936, 1586].

Петр увлекался технической литературой: трудами по кораблестроению, строительству каналов, шлюзов, мельниц. Довольно большое число книг в библиотеке Петра касалось физико-математических наук. Здесь следует отметить труды С. Маролуа по геометрии, Н. Малезье «Элементы геометрии герцога Бургундского», Ж.-Ф. Нисерона «Чудеса оптики», А.-М. Маллэ (4 тома).

По архитектуре у Петра были книги Жан Берена, Шаля Лебрена, Даниэля Маро и др. [9, № 917, 918, 1301]. Если вспомнить, что в собрании Петра было свыше 1300 карт, то очевиден интерес его к картографии, в значительной степени связанный с его увлечением морским делом. В числе книг по географии у Петра было много описаний, книги по геодезии, астрономии.

Сделанное нами краткое описание библиотеки Петра показывает, что главное его внимание привлекала литература по военному делу, морскому делу и кораблестроению, географии, архитектуре, истории. Однако его интересы были гораздо шире.

Именно с Петра в России начинается сколько-нибудь систематизированное устройство библиотек. В период петровской эпохи личные библиотеки были как у духовных лиц, например у Феодосия Яновского, Феофана Прокоповича, так и у светских лиц: у генерал-фельдмаршала Я. В. Брюса, графа А. А. Матвеева, князя Д. М. Голицына, вице-канцлера Шафирова.

У ближайшего сподвижника Петра – светлейшего князя А. Д. Меншикова – была большая для того времени библиотека. Она насчитывала около 13 тыс. томов [10, с. 230]. Но являлась ли частная коллекция Меншикова да-

¹ В справочнике «Библиотека Петра I» учтены книги 1663 названий, хотя современные исследователи полагают, что библиотека Петра насчитывала около 2000 названий.

ню моде или имела важное практическое значение для своего хозяина? Современники не всегда лестно отзывались об интеллектуальных способностях светлейшего князя. Так, Юст Юль писал: «Уровень ума его весьма посредственный и во всяком случае не соответствующий тем многочисленным важным должностям, которые ему доверены. <...> В таком великом муже и полководце, каким он почитается, подобная безграмотность особенно удивительна» [11, с. 100]. Но, судя по переписке светлейшего князя, он являлся весьма образованным и любознательным человеком и сам лично заказывал интересующие его книги и книжные собрания [12, 13, л. 20]. Как и библиотека Петра I, частная коллекция Меншикова соответствовала основным направлениям его деятельности.

«Реестр книг А. Д. Меншикова» [14, с. 145–160] показывает, что большую часть его собрания составляли книги по военному искусству, морскому делу, исторические труды, политические трактаты, путешествия, труды и сочинения по вопросам права, медицины, садово-парковому и архитектурному искусству, а также нравоучительная литература и художественные произведения. Здесь представлены издания и Священного Писания, труды по теологии и философии. Меншиков, очевидно, неплохо знал иностранные языки, что подтверждается наличием в его библиотеке книг на французском, немецком, итальянском, английском, латинском языках.

В реестре преобладают книги на французском языке (примерно третья часть). Среди них описания Парижа, Версаля и Марли [14, с. 152–160, № 23, 41, 45], «Приключения Телемака» Фенелона [14, № 65], басни Эзопа во французском переводе [14, № 51], издание Ветхого и Нового Завета, изданные пастором Д. Мартеном [14, № 10], записки об артиллерии П. Серире де Сен Реми [14, № 28], труды по фортификации М. Кугорна и М. Дегена [14, № 75]. Тематика французских книг в библиотеке А. Д. Меншикова разнообразна. Однако большая часть книжной коллекции представлена трудами по военному делу (инженерия, фортификация, военное строительство, физика, реляции, литература о воинских порядках), по истории (история Европы и европейских государств, отдельных правителей, в частности Александра Великого и Людовика XIV), библейские тексты и религиозная литература, книги по придворному искусству, художественные произведения¹.

Таким образом, библиотека А. Д. Меншикова органично вписывалась в общий контекст культуры Петровской эпохи. Интерес к науке, военному делу, к окружающему миру, характерные для того времени, нашли свое отражение в подборе книг.

Большое собрание книг было у князя Д. М. Голицына. Дмитрий Михайлович Голицын принадлежал к одной из наиболее родовитых семей русской знати петровского времени. В 1697 г. был послан Петром в числе стольников в Италию. Возможно, его пребывание за границей явилось для Голицына стимулом для серьезного изучения истории и политики. В 1798–1721 гг., будучи губернатором в Киеве, он поддерживал связи с наиболее просвещенными людьми Киева и Украины [15, т. 17, с. 48–49]. Д. М. Голицын известен

¹ В «Реестре А. Д. Меншикова» насчитывается 311 книг, из них 114 книг на французском языке. Книги по истории составляют 32 %, по военному искусству – 15 %, по истории – 32 %, религиозная литература – 12 %, книги по придворному искусству – 5,5 % и философская литература – 2,6 %.

как противник Петровских реформ, осуждавший императора за поспешность нововведений.

Безусловно, политические взгляды Голицына были отражением чаяний наиболее родовитой русской знати. Голицын – прежде всего «человек родовый». Вместе с тем Голицын был просвещенным человеком, понимавшим значение европейской цивилизации. Он знал несколько иностранных языков, всю жизнь он собирал свою личную библиотеку, хорошо знал иностранную литературу.

Библиотека Д. М. Голицына принадлежала к числу крупнейших книжных собраний своего времени. В правительственном послании от 9 января 1737 г. по поводу конфискации имущества Голицына говорится о 6 тыс. книг [10, с. 206]. Как известно, библиотека Голицына находилась в подмосковном имении – в селе Архангельском. Из всего книжного собрания около 994 книг было на французском языке [16, л. 52–73, 104–150]. Таким образом, более трети всех книг Голицына была на французском языке. Это характерная особенность библиотеки. Ни у Петра, ни у Брюса ничего подобного не наблюдалось.

Состав французской части библиотеки Голицына интересен. Она представлена и периодикой, и книгами по политике, истории, праву, философии, военному делу, и художественной литературой. Однако значительную часть коллекции составляют сочинения по истории, политике, праву и философии, а также периодика¹. Поражает ничтожное количество художественной и религиозной литературы, а также книг по архитектуре и искусству. Но Д. М. Голицын – прежде всего государственный деятель, что в большой степени и определяет состав его книжной коллекции.

Безусловно, что занимаемые должности накладывали свой отпечаток на подбор книг в личную библиотеку. Видный дипломат, один из ближайших сподвижников Петра, князь Голицын приобретал и собирал главным образом сочинения по внешней истории государства, дипломатическому искусству, покупал книги иностранных писателей о России. Недаром сочинения по политике, истории и праву составляют большую часть его коллекции, труды и документы, касающиеся международного и государственного права, – один из самых важных компонентов в его собрании. Он представлен множеством трактатов, договоров и конвенций. В его библиотеке были философские труды: «Шесть книг о республике» Жана Бодена, «О праве войны и мира» Г. Гроция², «Философские основы гражданина» Т. Гоббса и «О человеческом разуме» Д. Локка. Назначенный президентом коммерц-коллегии, он пополнил свое собрание книгами об Ост-Индской компании, руководствами по торговому праву и сочинениями по счетоводству; назначенный киевским губернатором, он усердно стал интересоваться соседней страной – Польшей – и приобрел целую библиотеку польских книг. Много книг разнообразнейшего

¹ Французская часть библиотеки Д. М. Голицына составляет 994 книги. В процентном соотношении книги по истории и политике составляют 35 %, периодика – 30 %, сочинения по праву – 10 %, книги по философии – 8 %, по естественным наукам – 3 %, путешествия – 3 %, художественная литература – 2,3 %, литература по военному делу – 2 %.

² Это основополагающее сочинение по естественному праву. Оно имело во многих частных собраниях того времени на латинском, французском и других языках.

содержания было у князя Голицына, кроме того, на голландском, испанском, английском и шведском языках. Художественная литература была представлена «Приключениями Телемака» Фенелона, «Аргенидой» Баркляя, сочинениями Монтескье и П. Бейля («Персидские письма», «Исторический и критический словарь»), сочинениями Мольера и Буало. У Голицына был полный набор классических авторов: Геродот, Фукидид, Тацит, Тит Ливий и т.д. [10, с. 207–208]. Это характерная черта данного книжного собрания, отличающая владельца: среди классических авторов нет поэтов, очень мало философов, в основном это историки и ораторы [17, с. 1–16].

Хотя число военных книг незначительно в собрании Голицына, но он был знаком с трудами Кугорна и Вобана, которые также стояли на полках императорской библиотеки и библиотеки А. Д. Меншикова. Большое число книг по геральдике и генеалогии весьма характерна для Голицына, который противопоставлял петровскому демократизму свою родовитость.

Книги библиотеки князя Голицына по образу иностранных библиотек были снабжены особыми книжными знаками или ярлыками, «экс-либрисами», с печатной надписью: «Ex bibliotheca Arcangelina», по имени родового поместья Голицыных – знаменитого села Архангельского Московской губернии [18, с. 172].

В собрании Д. М. Голицына виден строгий отбор и направление: история, политика, право, философия. По составу его частной коллекции можно судить о нем как об образованнейшем в духе своего времени человеке, как о просвещенном европейце, государственном муже, стремившемся к реформированию государства, но более плавному, чем петровские реформы. В собрании прослеживается, прежде всего, интерес государственного человека, который старался найти в книгах ответ на вопрос «Какова лучшая форма политического устройства государства?».

Андрей Артамонович Матвеев, сын известного дипломата, получил прекрасное образование, хорошо знал польский, латинский, греческий, а впоследствии и французский языки [15, т. 18а, с. 778]. При Петре I он быстро продвигался по служебной лестнице. В 1715 г. получил титул графа, был президентом Морской академии. В 1719 г. был назначен президентом юстиц-коллегии, а в 1724 г. – президентом Московской сенатской конторы [15, т. 18а, с. 778].

Андрей Артамонович принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Его ум, знания и любовь к чтению отмечают его современники. Он был автором «Записок о Стрелецком бунте», во время которого погиб его отец, а также одним из составителей статейного списка посольства во Францию в 1705–1706 гг. При работе над статейным списком он широко пользовался книгами из своей библиотеки, которая насчитывала свыше 30 книг по французской истории [19, с. 637–638]. По описи в библиотеке А. А. Матвеева значится 1301 книга, из них 1072 на иностранных языках (82,4 %) и 299 на русском языке (17,6 %). Из иностранной литературы больше всего книг было на латинском и немецком языках. Далее по числу книг шли французский и польский.

В его библиотеке около 191 книги были французскими [20, с. 57–59]. Что касается тематики, то можно отметить широкий профиль книжной коллекции. Здесь содержатся книги по истории, юриспруденции, филологии, философии, географии, естествознанию, военным наукам, морскому делу и т.д.

Но все же литература гуманитарная преобладала над естественно-научной. Особенно было много книг юридических и исторических. Это обуславливается профессиональной деятельностью и занимаемыми должностями Андрея Артамоновича, которые требовали от него определенных умений и навыков.

Среди исторических книг, как уже отмечалось выше, можно выделить около 30 работ по истории Франции, а также по истории европейских государств. В собрании юридической литературы можно отметить различные кодексы и сочинения, в частности «Регламенты королей французских», «Корпус прав гражданских» и т.д. [21, 14–16]. На религиозную тематику и по естественным наукам очень мало книг в частной коллекции Матвеева. Художественной литературы тоже было сравнительно немного, в основном это сочинения античных авторов во французском переводе.

Таким образом, первая четверть XVIII в. – это первый этап широкого проникновения французских книг в Россию, которые стали постепенно заполнять полки личных библиотек и самого императора, и его ближайших сподвижников, и российского дворянства. Петр I приложил немало сил и старания для распространения в России иностранной книги на оригинальном языке или в переводе, так как среди русских людей того времени трудно было найти таких, которые могли бы составить и самостоятельно писать книги по разным наукам.

Следует отметить, что не только сам император Петр Великий, но и его ближайшее окружение, да и большая часть российского дворянства в первой четверти XVIII в. – это люди-деятели, чья жизнь целиком посвящалась государственной службе и военному делу. Это вполне объясняет и читательские спросы данного хронологического периода. Книги Петровской эпохи – это преимущественно книги военного, военно-морского или технического содержания, математические, физические, логические, исторические книги или книги, имеющие описательный характер.

Изданием светских и иностранных книг Петр постепенно изменил взгляд русского общества на книгу в первой четверти XVIII в. Он сам являлся живым примером для своего окружения, для образованного дворянства, прививая любовь к книге и зарождая новую моду – моду на иностранную книгу.

Список литературы

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1998.
2. **Вигель, Ф. Ф.** История светской жизни императорской России / Ф. Ф. Вигель. – М. : ЭКСМО, 2008. – С. 638.
3. **Коваленко, Т. А.** Менталитет дворянской культуры XVIII в. / Т. А. Коваленко // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 108–117.
4. **Баренбаум, И. Е.** История книги / И. Е. Баренбаум, Т. Е. Давыдова. – М. : Книга, 1971. – С. 464.
5. **Луппов, С. П.** Печатная и рукописная книга в России в первом сорокалетии XVIII в. / С. П. Луппов // Рукописная и печатная книга. – М. : Наука, 1974. – С. 182–192.
6. Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – М. : Пушкинский фонд. Третья волна, 1993. – С. 446.
7. **Сен-Симон, Л. де.** О пребывании Петра Великого в Париже в 1711 г.: Из записок герцога Сен-Симона / Л. де. Сен-Симон // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1856. – № 1. – Отд. 2. Словесность, науки и художества.

8. **Хотев, П. И.** Французская книга в библиотеке Петербургской Академии наук (1714–1742) / П. И. Хотев // Французская книга в России в XVIII в. – Л. : Наука, 1986. – С. 57–83.
9. Библиотека Петра I. Указатель-справочник / сост. Е. И. Боброва. – Л., 1978.
10. **Луппов, С. П.** Книга в России в первой четверти XVIII в. / С. П. Луппов. – Л. : Наука, 1973. – С. 374.
11. **Юст Юль.** Записки датского посланника при Петре I / Юст Юль // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – М. : Пушкинский фонд. Третья волна, 1993. – С. 100.
12. ОР РГБ. Ф. 166. Меншиковы. К. 12. Д. 3. Л. 1.
13. ОР РГБ. Ф. 166. Ф. 166. П. I. Д. 2.
14. **Саверкина, В. А.** Реестр книг А. Д. Меншикова / И. В. Саверкина, В. А. Сомов // Книга в России в эпоху Просвещения. – Л., 1988. – С. 145–160.
15. **Брокгауз, Ф. А.** Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – Ярославль : ТЕРРА-TERRA, 1991.
16. РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 5. № 13891. Л. 52–73, 104–150.
17. **Голицын, Н. В.** Новые данные о библиотеке кн. Д. М. Голицына (верховника) / Н. В. Голицын // ЧОИДР. – 1900. – Кн. 4. – Отд. 4. – С. 1–16.
18. **Либрович, С. Ф.** История книги в России / С. Ф. Либрович. – М. : Издательство Государственной публичной библиотеки России, 2000. – С. 238.
19. **Шаркова, И. С.** Статейный список посольства А. А. Матвеева во Францию (1705–1706) / И. С. Шаркова // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР : сб. статей. – М. ; Л., 1963. – С. 637–638.
20. **Викторов, А.** Описание библиотеки гр. А. А. Матвеева и гр. Матвеевой / А. Викторов // Летописи русской литературы и древностей. – М. : Изд. Н. Тихонравовым, 1863. – Т. 5. – Отд. III. – С. 57–79.
21. Библиотека А. А. Матвеева. – М., 1985. – С. 14–16.

Токмакова Татьяна Николаевна

аспирант, Орловский
государственный университет

E-mail: tanya-nik-90@mail.ru

Tokmakova Tatyana Nikolaevna

Postgraduate student,
Orel State University

УДК 94 (47) 05: 027.1

Токмакова, Т. Н.

Французская книга в частных коллекциях первой четверти XVIII в. в России / Т. Н. Токмакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 3–11.

МЕЩАНСКИЕ СЕМЬИ КАЗАНИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.¹

Аннотация. В первой половине XIX в. большинство городского населения в губернском городе составляло мещанство. Казань имела в составе мещанства две наиболее многочисленные диаспоры – русскую и татарскую. Принадлежность к мещанству была законодательно определена без учета национальных и религиозных различий горожан. Однако в действительности мещане-татары имели определенные особенности, отличающие их от русского мещанства Казани, выявляемые путем изучения семьи на основе анализа структуры мещанских семей Казани середины XIX в., занятий мещан, места жительства, наличия недвижимости и стоимости домов, среднего числа детей в семьях, среднего возраста вступления в брак, исполнения семьями рекрутской повинности, наличия судимостей, участия в общественной службе.

Ключевые слова: губернский город, мещанство, татарские и русские мещанские семьи.

Abstract. At the beginning of the 19th century the majority of provincial town population consisted of petty bourgeois. Kazan had two main communities – Russian and Tatar ones. Being a member of petty bourgeois was legally determined without taking into account national and religious differences of the citizens. Thus in reality Tatar bourgeois had special peculiarities that distinguished them from the Russian bourgeois. Those peculiarities were revealed through studying the life of families on the basis of the structural analyses of 19th cent. Kazan families, their occupations, accommodation, real estate and costs of dwelling, average number of children in families, average age of marriage, army servicing and criminal records, taking part in social/public activities.

Key words: provincial town, petty bourgeois, Russian and Tatar families.

Сословная структура населения России формировалась постепенно, окончательно сложившись в XVIII в. Серия узаконений, завершившаяся жалованными грамотами дворянству и городам 1785 г., сформировала четыре сословия российского общества: дворянство, духовенство, сословие городских обывателей и крестьянство, еще более четко оформленных «Законами о состояниях» 1832 г. Сословие городских обывателей, созданное Городовым положением Екатерины II, завершило длительный процесс формирования городского торгово-ремесленного населения, которое прошло трансформацию от посадских до купцов, а затем «мещан вообще» – городских обывателей.

Данная система окончательно закрепила Городовым положением 1785 г., которое делило городское общество на купцов трех гильдий, цеховых ремесленников, посадских или мещан и именитых граждан. К последним относились ученые, художники, банкиры, крупнейшие купцы, владельцы кораблей [1]. В 1832 г. категория именитых граждан была отменена, вместо нее вошла категория почетных граждан. Подобная стратификация сохранялась на протяжении всего дореформенного периода.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 10-01-29104а/В.

В количественном отношении страты городских граждан заметно различались. Основную часть городских обывателей первой половины XIX в. составляли купцы, мещане и цеховые ремесленники, из которых самой массовой группой горожан были мещане. В 1795 г. мещане и цеховые составляли 80 % населения городов европейской России (без Польши и Финляндии), в 1811 г. – 84 %, в 1835 г. – 91,4 %, в 1850 г. – 93 % [2]. Причем категория цеховых относительно мещанства была невелика. Несмотря на отмечаемый прирост цеховых ремесленников, к 1858 г. они составляли не более 7 % городских обывателей [3]. Доля гильдейского купечества по подсчетам Б. Н. Миронова, в дореформенной России также постепенно уменьшалась с 20 % в 1795 г. до 7 % в 1850 г. [2].

Изучение мещанства, особенно дореформенного, наталкивается на выраженную скудность источников, отмеченную многими исследователями социальной истории российского города, поскольку массовый слой рядовых горожан практически не отразился в источниках личного происхождения. Со словная группа, чьей основной задачей было воспроизводство собственной жизни, а не служение государственным или общественным интересам, осталась мало замеченной в канве политической истории. «Забытым сословием» называют мещан современные исследователи истории российских городов [4]. К тому же, в отличие от крестьянства или рабочих, в среде мещанства мы не встречаем выраженного социального протеста, что также отразилось на информативности источников. Мещане – слой населения, живущего исключительно повседневными заботами. В этом плане именно изучение семьи позволит представить образ жизни мещанства Казани.

Казань, будучи многонациональным и поликонфессиональным губернским городом, имела в составе мещанства две наиболее многочисленные диаспоры – русскую и татарскую. Первоначально к категории мещан в Казани было отнесено только православное население. Татарское население представляло собой служилых и торгующих татар. Только в 1821 г. крупные татарские предприниматели получили право входить в гильдейское купечество. Остальное население осталось в разряде торгующих татар, а с 1825 г. вошло в состав мещанского сословия и в судебном отношении стало подчиняться татарской ратуше, которая была упразднена в 1854 г., после чего все мещане города независимо от национальности стали подведомственны городскому магистрату. Таким образом, только к середине XIX в. принадлежность к мещанству была законодательно определена без учета национальных и религиозных различий населения. В данном случае мы имеем дело с процессом применения русских правовых категорий к нерусским людям, сообществам и социальным структурам в рамках интеграции населения России в единую общность. Формально интеграция происходила благодаря вступлению татар в одно из юридически зафиксированных сословий, в частности мещан [5]. Однако в действительности мещане-татары имели определенные особенности, отличающие их от русского мещанства Казани, выявляемые, в том числе, и через изучение семьи.

Для исследования семей русского мещанского общества основным источником стал Именной список казанских мещан, составленный в казанской мещанской управе на 1 сентября 1858 г. В источнике содержатся данные о 205 мещанских семьях Казани общим количеством 727 человек [6]. Информация о татарских мещанских семьях содержится в семейном списке казан-

ского татаро-мещанского общества рекрутского участка много рабочих, составленном в 1855 г., в котором упоминается о 79 татарских семейных гнездах, в составе которых проживало 785 человек [7].

Как известно, принадлежность к мещанству определялась приписыванием к мещанскому обществу определенного города. Переход в другую сословную группу, как и переезд в другой населенный пункт, были ограничены рядом законодательно обозначенных условий. Однако в действительности несоответствие формальной принадлежности к сословной группе встречалось довольно часто. Так, из исследуемых 79 татарских семейств шесть семей проживали в деревнях, три из них занимались хлебопашеством. Среди 205 русских семейств 27 семей числились казанскими мещанами, но проживали за пределами города: в сельской местности 10 семейств, в губернских и уездных городах – 11 семейств, еще шесть семей находились в отлучках по паспортам, и источник не содержит сведений об их местонахождении.

Наиболее распространенным занятием мещан-татар была торговля, упоминание об этом виде деятельности встречается в документе относительно 57 семей (72 %), причем, как правило, торговлей занимались все мужчины в семействе (табл. 1). Торговля, как и полагалось мещанам, была незначительных масштабов. Торговали в основном мелочным товаром, а также кожами, что исторически характерно именно для татарской части горожан Казани. В единичных случаях встречается упоминание о торговле шапками, печеным хлебом, китайкой. Торговля производилась исключительно вразнос, только Сайфутдин Шамсутдинов производил торговлю в лавке.

Таблица 1

Занятия казанских мещан

Вид деятельности	Русские мещане (количество семей)	Мещане-татары (количество семей)
Торговля	45 (30 %)	57 (72 %)
Наем в услужение	56 (33,5 %)	7 (8,8 %)
Ремесло и производство	33 (19,7 %)	5 (6,3 %)

На втором месте по частоте упоминания в источнике стоит наем в услужение, чем занимались семь семейств, по три семьи занимались сапожным ремеслом и плотничали. Среди ремесленных занятий встречается однократное упоминание о тележном и шапочном мастерах, маляре, ичиговом закройщике, часовщике. Семейство Мустафы Заманова занималось мыловарением, Фаткула Загитов с сыновьями были разнорабочими. Абдулгафур Мамятов был муллою, а три его племянника вели торговлю.

Собственное производство имели только две семьи. Исхак Кадымов имел салотопенный завод, а Ахмет Бастяков владел Китаечной фабрикой и вместе с двумя братьями совместно осуществлял производство и продажу китайки. Они вместе проживали в довольно дорогом на общем фоне доме стоимостью 485 руб. и единственные из всех мещан данного списка знали грамоту как по-татарски, что вообще-то было не редкостью для татарских мещанских семей города, но и по-русски. 10 семейств в источнике упоминаются как неграмотные (12,6 %).

Только одна семья из списка перешла в купечество: в 1855 г. Абдулкарим Залюлиев с десятилетним сыном Хусайном и тремя своими семейными братьями общим количеством 11 человек вошли в состав казанских купцов.

В отличие от татарских семейств, где занятия торговлей явно преобладали, у русских мещан заметного преимущества какого-либо одного вида деятельности нет. На первом месте по частоте упоминания стоит наем в услужение – 56 семейств из 167 (33,5 %), далее следует торговля – 45 семей (30 %). Ремеслом занимались в 33 семьях (19,7 %), причем довольно разнообразным. В источнике с частотой от одного до трех случаев упоминаются башмачное, веревочное, каретное, красильное, кузнечное, плотницкое, портное, санное, сапожное, свечновосковое, скорнячное, столярное, суконное, часовое и цирюльное ремесла, изготовление изразцов. Три брата Кувшинниковых были мельниками на мельницах в Самарской губернии. Кроме того, среди мещан были представители видов деятельности, требующих определенного образования: три письмоводителя, приходской учитель, фельдшер. Два человека являлись студентами университета, еще двое содержали постоянные дворы. Рабочими на заводах и фабриках были всего три человека.

Подобные предпочтения среди рядовых горожан подтверждаются при изучении образа жизни казанских суконщиков. Казанская суконная мануфактура возникла в начале XVIII в. как посессионное предприятие, задачей которого было обеспечение казенного заказа на солдатское сукно. Суконщики находились в наследственной зависимости от предприятия. Изучение истории мануфактуры показывает, что, пока ее развитие шло по восходящей линии, суконщики относились к предприятию как к главному источнику жизненных средств, поэтому в XVIII в. упоминаний о нефабричных занятиях суконщиков по извлечению дополнительного дохода в источниках практически нет. По мере нарастания застойных и кризисных явлений в производстве работа на мануфактуре, обрекавшая семьи суконщиков на нищету, стала рассматриваться как ярмо. К. А. Пажитнов подсчитал, что в конце XVIII – начале XIX вв. 1/3 часть среднего заработка суконщика должна была уходить только на хлеб [8]. Возможность заработать средства на жизнь была лишь вне предприятия. Известный казанский краевед Н. Я. Агафонов записал воспоминания суконщика А. С. Юрьева под заголовком «Генеалогия казанских суконщиков» [9]. В них содержатся упоминания о разнообразных нефабричных занятиях суконщиков: преобладающими были ремесло, мелкое производство и торговля, причем данные «зарабатыванья» были очень широко распространены и носили повсеместный характер.

Таким образом, являясь работными людьми посессионной мануфактуры, казанские суконщики по образу жизни были типичными мещанами. Привлекательность мещанского образа жизни в сравнении с жизнью работников промышленного предприятия подтверждается тем, что после отмены в 1849 г. посессии на Казанской суконной мануфактуре абсолютное большинство работников перешло в казанское мещанство. Из 1193 фабричных лишь 159 человек купленных к предприятию крестьян перешли в разряд государственных. Жители Суконной слободы в количестве 1034 человек вступили в городское сословие в качестве мещан. Наемными рабочими остались единицы. Это позволяет опровергнуть сложившийся в советской литературе тезис о принадлежности работных людей мануфактур к нарождающемуся пролетариату. «Пролетарский» образ жизни, обусловленный работой на мануфактуре, воспринимался большинством суконщиков как насильственно насаждаемый, чуждый их мировоззрению. Центральное место в стремлениях суконщиков занимало желание порвать с подобным образом жизни. После освобо-

ждения суконщики стали полноправными горожанами, получили в собственность свои дома [10]. По содержащимся в «Генеалогии казанских суконщиков» фактам можно установить, что практически все мастерские избрали себе род занятий, связанный с торговлей или мелкотоварным производством.

Создавая мещанство как «средний род людей», Екатерина II одним из важнейших признаков мещанства выделяла наличие собственной недвижимости в городе. Тем не менее к середине XIX в. далеко не всегда данный признак сохранял свое определяющее значение. Собственные дома имели только 43 русские мещанские семьи (20,9 %), еще 27 семей проживали в других населенных пунктах. Из упомянутых 79 татарских семей свое жилье имели 64,5 % семей. Только 22 семьи (27,8 %) не имели своего дома и проживали в Казани, снимая жилье, еще шесть семейств, как было отмечено ранее, жили в деревне. Столь заметное отличие объясняется, по-видимому, тем, что дома, принадлежащие мещанам-татарам, находились исключительно в третьей части города в Татарской слободе, определенной для места жительства татар после вхождения Казанского ханства в состав Российского государства, и были построены на собственные средства. В источнике содержится только одно упоминание о доме мещанина-татарина, находящемся в Ямской слободе. Это также был район сосредоточия мещан, отставных нижних воинских чинов, но проживание в нем татар нетипично для середины XIX в.

Среди русских мещан большинство имеющих собственные дома проживало в Суконной слободе – из 43 мещанских семей, владеющих недвижимостью, 29 семей (67,4 % от общего числа мещан, имеющих дома в собственности). Этот факт также объясняется тем, что исторически в процессе формирования Суконной слободы суконщики сами строили собственные дома, используя лес, в изобилии имевшийся на окраинах Казани. «Оныя наши дома строены своим коштом, не требуя ниоткуда помощи предками нашими», – писал в челобитной суконщик И. С. Шадрин в 1799 г. [11].

В списке татарских мещанских семей содержатся сведения о стоимости домов, размер которой имел значительный разброс: от 30 до 714 руб. Средняя стоимость домов была 240 руб., при этом 28 домов (58 %) не превышали стоимость в 200 руб. Эти показатели можно сравнить со стоимостью домов жителей казанской Суконной слободы, которую казанский губернатор И. А. Баратынский называл местом, «где обитали самые бедные» [12]. В 1831 г. в Суконной слободе 40 % жителей имели стоимость домов до 258 руб., тогда как средняя стоимость составляла 761 руб. [13]. Таким образом, представленные в источнике татарские мещанские семьи, судя по стоимости домов, имели такой же низкий уровень жизни, как и семьи казанских суконщиков – посессионных работников Казанской суконной мануфактуры.

Из 79 татарских семейных гнезд, упомянутых в источнике, 35 (44,3 %) имели общий дом, проживали вместе и платили общие подати. Еще семь семейств (10,1 %) также проживали вместе, но подати платили раздельно. Как правило, такие семьи состояли из родителей, вместе с которыми проживали женатые сыновья с детьми. Также достаточно часто в их состав входили семьи нескольких родных братьев, реже – двоюродных братьев или племянников. В официальном разделе находились лишь три семейства мещан (3,7 %). 13 семей находились в самовольном разделе (16,4 %), жили раздельно и платили подати каждый за себя, еще 13 семейств находились в самовольном разделе, но в источнике нет указаний, совместно проживали или нет. Таким об-

разом, в самовольном разделе были 32,8 % семей. Это совпадает с общей тенденцией разрушения патриархальных и обособления индивидуальных семей, характерной для эпохи капиталистического развития [14]. Однако значительные масштабы сохранения больших семей говорят в первую очередь об экономической слабости семейных хозяйств, что подтверждается также данными об отсутствии собственного жилья у части мещан, о чем говорилось выше.

Из упомянутых 79 татарских семейных гнезд с учетом данных о разделе семей можно выделить 121 семью, среди которых имелись семьи разных типов. Сравнительный анализ состава семей русских мещан и мещан-татар показывает, что среди мещан обеих национальностей преобладала малая индивидуальная семья, состоящая из двух поколений – родителей и детей (табл. 2).

Таблица 2

Структура семей казанских мещан

Группы семей	Количество исследуемых семей	Большие семьи I типа*, %	Большие семьи II типа**, %	Семьи переходного типа, %	Малые индивидуальные семьи, %
Русские мещане	205	1,5	9,3	10,7	49,7
Мещане-татары	121	0,2	24,8	17,3	56,2

Примечание. * – семьи, состоящие из родителей, детей, внуков, правнуков; ** – состоящие из отдельных семей нескольких братьев.

Заметным явлением были семьи так называемого переходного типа от малой простой семьи к большой неразделенной, когда в структуру малой семьи включалось поколение престарелых родителей – 10,7 % от числа изучаемых семей у русских мещан и 17,3 % у мещан-татар. Однако среди татар значительно больше больших семей, чем среди русских, – 10,8 % у русских мещан и 25 % у мещан-татар, причем у последних значительно преобладают семьи, состоявшие из отдельных семей нескольких братьев.

Выделив в источнике семейные пары, где оба супруга живы, можно рассмотреть среднее число детей в семьях и средний возраст вступления в брак. В списке мещан-татар содержатся данные о 153 таких семьях. Из них 37 семей (24 %) были бездетными, причем в их составе есть и совсем юные супруги, по-видимому недавно вступившие в брак, поэтому еще не успевшие обзавестись потомством. Не исключено, что в некоторых семьях были дети, но они умерли. В большинстве семей было по одному, два или три ребенка (21,5, 22 и 13,7 % соответственно), 7,2 % семей имели четверых детей. Самой многодетной была семья 73-летнего Фаткуллы Загитова, у которого было восемь детей, старшему из которых было 34 года, младшему – шесть лет. Среднее число детей в семьях составляет два человека, но это приближенные цифры, поскольку в источнике нет указаний, женаты мужчины первым или вторым браком. По-видимому, второй брак нередко имел место, так как в ряде случаев при достаточной молодой супруге в семье были взрослые дети (табл. 3).

Среди русских мещанских семей выделены 140 пар, где живы оба супруга. Среди них бездетными были 38 семей (27,1 %), по одному ребенку имели 35 семей (25 %), по два ребенка – 30 семей (21,4 %), 17 семей имели четы-

рех детей (6,4 %). Самая многодетная семья – 54-летнего Николая Климентьевича Лабутина, у которого было восемь детей, старшему из них – 26 лет, а младшей дочери – два года. Русские семьи чуть менее многодетны: среднее число детей в семьях составляет 1,7 человек. В 11 семьях мужчины женаты вторым браком, в двух семьях – третьим.

Таблица 3

Количество детей в мещанских семьях

Число детей в семье	Татарские семьи		Русские семьи	
	Количество семей	%	Количество семей	%
0	37	24	38	27,1
1	33	21,5	35	25
2	34	22	30	21,4
3	21	13,7	17	12,2
4	11	7,2	9	6,4
5	6	3,9	5	3,5
6	7	4,6	3	2,5
7	3	1,9	2	1,4
8	1	0,6	1	0,7

Если исходить из предположения, что первый ребенок в семье рождался примерно через год после заключения брака, можно попытаться установить средний возраст вступления в брак. В татарских семьях для мужчин он составлял 26,9 года, для женщин – 20,7 года, в русских семьях – соответственно 27,6 и 22,9 года. Как видно, в русских семьях средний возраст заключения брака выше, чем в татарских, как для мужчин, так и для женщин. Эти цифры несколько отличаются от данных, приведенных А. Б. Каменским для семей русских городских обывателей середины XVIII в. По подсчетам исследователя, средний возраст вступления в брак у мужчин составлял 25,7 года, а у женщин – 23,2 года [15, с. 80]. Как видим, в татарских мещанских семьях женщины вступали в брак более юными. Еще более заметной особенностью татарских семей, основанной на религиозных традициях, было многоженство. Несмотря на общий невысокий уровень жизни рассматриваемых мещанских семей, у восьми мужчин из 153 семей было по две жены.

Важнейшей повинностью, исполняемой мещанами, в том числе и мещанами-татарами, была рекрутская повинность. В списке татарских мещанских семей содержится история рекрутских наборов, коснувшихся указанных семей с 1820 по 1855 гг. Всего в рекруты было отдано 76 человек, в двух случаях повинность исполнялась покупкой квитанций. Таким образом, практически каждой семье коснулось это испытание. В большинстве случаев (58,9 %) рекрутскую повинность осуществляли в порядке очереди, отправляя служить молодого человека – сына, брата или племянника. Достаточно нередко за очередника отправляли в рекруты добровольца по найму (30,7 % от числа призванных). Четыре человека были отданы за дурное поведение по приговору общества. В 36 семьях за указанный период были отправлены в рекруты по одному человеку, в 18 семьях – два. Только в одном случае из семьи Мухаметзяна Ишимова в рекруты взяли трех человек: двоюродный брат Мухаметзяна ушел в порядке очереди в 1835 г., в 1843 г. другой брат был отдан по приговору общества за дурное поведение, в 1855 г. за подошедшего очередника был отправлен наемник. 24 семьи рекрутскую повинность за указанный пе-

риод не отправляли. В том случае, когда из одной семьи рекрутов забирали дважды, продолжительность перерыва между двумя призывами составляла от 34 до 12 лет, в среднем перерыв составлял около 19 лет. Только в трех случаях перерыв был довольно коротким – от трех до восьми лет.

Кандидат в рекруты должен был не только отвечать определенному уровню физического и психического здоровья, но и не иметь судимостей. В связи с этим в анализируемом документе по отношению к каждой семье указывались случаи совершения преступлений. Как правило, преступления встречались относительно нечасто. Из более 700 человек, зафиксированных в источнике, судимость в период с 1835 по 1855 гг. имели только восемь мящан, что составляет 1 % от общего числа. В основном судимости были за неоднократное хулиганство, квалифицируемое как «дурное поведение». В этом случае само общество имело механизм избавления от тех своих членов, которые создавали ему угрозу. Так, по приговору мящанского общества четыре человека за дурное поведение были отправлены в рекруты. Еще два человека были судимы за кражи. Более серьезные преступления для данной группы в указанный период не зафиксированы. Это подтверждает наблюдения, сделанные А. Б. Каменским, о сохранении в целом патриархального характера городских нравов, при котором городская община обладала довольно высоким уровнем регуляции поведения своих членов [15, с. 218].

В списке русских мящанских семей данных о рекрутах не содержится, но, как известно, в этом вопросе никаких различий между разными национальностями в рамках одной сословной группы государство не делало.

В источнике отражены сведения об общественной службе, выполняемой русскими мящанами в период с 1833 по 1858 гг. В разное время ее несли по одному представителю из 22 семей, а в двух семьях – Красильниковых и Михайловых – по два человека. Семен Красильников в 1841 г. был сборщиком полицейской повинности, с 1842 по 1848 гг. – депутатом по решению общественных дел. Его брат Матвей непрерывно служил на общественное благо в течение 10 лет: с 1848 по 1851 гг. окладчиком по сбору податей, в 1851–1854 гг. депутатом по решению общественных дел, а с 1854 по 1857 гг. – гласным городской думы. Матвей Михайлов в 50-летнем возрасте был избран гласным в городскую думу на период с 1839 по 1842 гг., а его сын Дмитрий занимал эту же должность с 1857 по 1860 гг., получив ее в 32 года.

Чаще всего мящане были помощниками мящанского старосты, гласными городской думы, сборщиками полицейской повинности – по восемь случаев упоминания в источнике; четыре человека занимали должность депутатов по решению общих дел; словесными судьями и окладчиками были по три человека. Дважды в документе упоминаются депутаты квартирной комиссии, ратманы городской полиции и рекрутские старосты. В единственном случае в документе речь идет об исчетчике в городской думе. Чаще всего должности были одновременными – 14 человек занимались общественной службой один раз в жизни. Для пяти человек службы повторялись дважды, шесть человек за свою жизнь трижды побывали на общественной службе. При этом, как правило, должности каждый раз были разными, чаще всего с постепенным повышением статуса. Так, чаще всего гласными думы становились, пройдя уже некоторые должности общественного самоуправления. Например, мящанин Дормидонт Матишев в свои 43 года стал гласным думы на три года 1857–1860 гг., отслужив до этого в 1848 г. сборщиком полицейской повинности, а затем рекрутским старостой. При этом 63,6 % тех, кто участвовал в общественной

службе, имели собственные дома, таким образом, в управлении обществом принимали участие наиболее состоятельные и твердо стоящие на ногах люди.

В целом приведенные данные дают возможность пополнить представления о городской мещанской семье середины XIX в., показывая, что татарские мещанские семьи Казани имели как общие черты, характерные в целом для российского мещанства, так и сохраняли некоторые особенности, обусловленные национальными традициями.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи: Первое собрание. – Т. 22. – № 16188.
2. **Миронов, Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) / Б. Н. Миронов. – Т. 1. – СПб. : ДБ, 2003. – С. 116.
3. **Пажитнов, К. А.** Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма / К. А. Пажитнов. – М. : Наука, 1952. – С. 115, 166.
4. **Кошман, Л. В.** Город и городская жизнь в России XIX столетия / Л. В. Кошман. – М. : РОССПЭН, 2008.
5. **Виртшафтер, Э.** Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Э. Виртшафтер. – М. : Логос, 2002. – С. 36.
6. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 570. Оп. 1. Д. 1.
7. НАРТ. Ф. 570. Оп. 1. Д. 29.
8. **Пажитнов, К. А.** Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Т. 1: Шерстяная промышленность / К. А. Пажитнов. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 66.
9. ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 216.
10. НАРТ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 492. Л. 1.
11. История Татарии в материалах и документах. – М., 1937. – С. 458.
12. НАРТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 669. Л. 3.
13. **Бессонова, Т. В.** Казанская Суконная слобода в XVIII – первой половине XIX вв. – Набережные Челны : Изд-во Ин-та управления, 1999. – С. 112.
14. **Михайличенко, Е. В.** Семейный и общественный быт русского сельского населения Казанской губернии (конец XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1971. – С. 94.
15. **Каменский, А. Б.** Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А. Б. Каменский. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007.

Бессонова Татьяна Викторовна
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель директора по учебной
работе, Казанский (Приволжский)
федеральный университет (филиал
в г. Набережные Челны)

E-mail: t.bessonova@list.ru

Bessonova Tatyana Viktorovna
Candidate of historical sciences, associate
professor, deputy director for academic
affairs, Kazan (Volga region) Federal
University (affiliated branch
in Naberezhny Chelny)

УДК 94-058(470.41-25) “18”

Бессонова, Т. В.

Мещанские семьи Казани в середине XIX в. / Т. В. Бессонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 12–20.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА: АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируется система теоретической методологии, лежащая в основе социальной философии Б. Н. Чичерина. Выделены основные элементы методологической системы: подходы, принципы, методы и категории. Исследуются их содержание, взаимосвязь, особенности проявления, роль и значение в социальной философии ученого.

Ключевые слова: методология, методологическая система, философский идеализм, системность, историзм, детерминизм, всесторонность, эмпирические методы, теоретические методы, категории.

Abstract. The article analyzes the system of theoretical methodology that is the foundation of the social philosophy by B. N. Chicherin. It emphasizes the basic elements of the methodological system: approaches, principles, methods and categories of cognition. The author investigates its' essence, interrelation, features of manifestation, role and importance in the social philosophy of the scientist.

Key words: methodology, methodological system, philosophical idealism, systematic approach, historicism, determinism, comprehensiveness, empirical and theoretical methods, categories.

Понятие «методология» многозначно и употребляется в науке в различных смыслах. Наиболее распространенными являются две трактовки его содержания. Одни авторы под методологией понимают учение о методах познания и преобразования действительности, т.е. теорию метода (Д. Бахлер, В. А. Штофф). Другие авторы считают, что методология – это вся совокупность методов, применяемых в процессе познания и преобразования действительности, или, иными словами, совокупность научных положений, которые имеют характер предписания в процессе научного исследования (В. С. Добряннов, А. Г. Спиркин, Э. Г. Юдин). Проведенный автором статьи анализ социально-философских сочинений Б. Н. Чичерина дает основание отнести его понимание содержания методологии ко второй из обозначенных позиций.

Представляется, что основными элементами методологической системы Чичерина можно считать используемые ученым подходы, принципы, методы и категории. Целью данной работы является проведение краткого, что обусловлено форматом журнальной статьи, анализа представленной методологической системы.

Исходным и определяющим подходом в философском учении Чичерина, в том числе в его социальной философии, является философский идеализм, посредством которого были сформулированы и тщательно обоснованы социально-философские идеи ученого.

В философском идеализме Чичерина присутствуют элементы гегелевского идеализма. Однако теория русского мыслителя имеет существенное своеобразие и собственные отличительные характеристики, на которые он сам указывает в ряде работ. Признавая неоспоримые заслуги идеалистической системы Гегеля, раскрывшего диалектику развития бытия, выделившего противоположности из первоначального единства, Чичерин все же считает

данную систему не совсем точной, поскольку она основывается на признании того, что мир есть саморазвитие Абсолютного, возвращающегося к себе, и явно недооценивает значение природы и деятельно-мыслительную активность человека. В собственной идеалистической системе русский философ ставит вопрос об отношении противоположностей («материального мира» и «мира мыслящих субъектов») к связывающему их высшему единству (Духу). Отвечая на этот вопрос, Чичерин утверждает «высшее сочетание противоположных элементов, сохраняющих свою самостоятельность» [1, с. 236], над которыми область Духа возвышается как высшее согласующее и взаимодействующее с противоположностями начало.

Таким образом, принципиальная позиция Чичерина состоит в признании самостоятельными элементами мирового бытия материального мира и мира мыслящих субъектов, действующих в общем процессе наряду с абсолютным Духом. Применение этой идеалистической конструкции к области социальной философии нашло выражение в анализе исторического процесса как результата диалектического взаимодействия Духа, «материального мира» (природы) и «мыслящих субъектов» (людей).

Кроме того, Чичерин делает важное для понимания его теории замечание о том, что истинное постижение Духа, раскрытие смысла и значения социальных процессов, исследование их связи и взаимодействий возможно только через метафизику (логику), под которой он понимал учение об абсолютном Духе и наиболее общий подход к изучению первооснов бытия – философию.

Философско-идеалистический подход обусловил сущность и содержание других элементов методологической системы, применяя которые ученый осуществляет анализ общества.

Важная роль в теоретической методологии принадлежит также системному подходу. Системный подход, широко применяемый Чичериным в философских исследованиях, отмечался и его коллегами-учеными, и исследователями его творчества. Так, С. Н. Трубецкой назвал философию Чичерина «философией абсолютного систематизма» и подчеркивал, что «система «западника» Б. Н. Чичерина есть до сих пор единственная цельная и законченная философская система, созданная в России, система, отличающаяся внутренним и формальным единством, обнимающая энциклопедически все области человеческого ведения» [2, с. 172]. Достоинства системного подхода очевидны и состоят в том, что он избавляет научные исследования от неясности и сбивчивости, обеспечивает их стройность и верифицируемость.

Систематизация действительно является отличительной и важной характерной особенностью всей философии Чичерина, однако это не лишает ее жизненной правды, научной оригинальности и здравого смысла, а лишь подчеркивает все это. Кроме того, многие сочинения написаны философом не только в качестве научных трудов, но и как потенциальная учебная литература, которая предполагает систематичность изложения в качестве обязательного атрибута.

В социально-философской теории ученого данный подход проявляется в исследовании им общества именно как системы, т.е. взаимосвязанной совокупности элементов, обладающих собственными качественными и количественными характеристиками, но в своем взаимодействии дающими каче-

ственные и количественные характеристики, свойственные только системе – обществу.

Представляется важным обратить внимание на специфику использования системного подхода. Она заключается в том, что Чичерин одним из первых отечественных мыслителей начинает анализировать общество именно как структурно-функциональное единство, в котором все элементы находятся во взаимосвязи и выполняют определенные функции. Таким образом, в социальной философии Чичерина нередко используется структурно-функциональный анализ как разновидность системного подхода. Эту особенность данной теоретической системы в известной степени можно рассматривать как предшествовавшую структурно-функциональным теориям, появившимся в философии и социологии XX в. (теории Т. Парсонса, Р. Мертона, Б. Малиновского, А. Р. Рэдклиффа-Брауна и других исследователей).

В социальной философии Чичерина структурно-функциональный анализ выражается в формулировании нескольких основных идей. Во-первых, Чичерин считает, что фундаментальным условием существования общества как стабильной системы является согласованность функционирования всех его частей. Во-вторых, ученый неоднократно отмечает функциональную природу всех социальных феноменов (процессов, связей, отношений, предметов и т.д.). В-третьих, Чичерин последовательно проводит идею о том, что непременным признаком социальности элементов является их способность к функционированию в составе общественной системы.

Философ выделяет основополагающие структурные элементы общества: экономический быт; общественные союзы – семью, церковь, гражданское общество, государство; духовные образования – религию, искусство, нравы, воспитание, науку. Он всесторонне исследует их в динамике и статике, проводит анализ структуры, социальных функций и процессов взаимодействия.

Следующей группой элементов анализируемой методологической системы являются принципы. В социальной философии Чичерина особо значимую роль приобретают принципы историзма, детерминизма, всесторонности, активно используемые ученым. Необходимо заметить, что содержательное применение принципов обусловлено названными выше подходами.

Принцип историзма выражается в изучении социальных объектов в процессе их возникновения и развития. Данный принцип широко используется Чичериным в анализе сущности исторического процесса, источников его развития, периодизации, направленности, а также в исследовании развития отдельных социальных феноменов.

В методологии Чичерина принцип историзма имеет существенные особенности. Во-первых, в нем используются элементы циклической и линейной трактовки исторического процесса. Во-вторых, сам Чичерин делает замечание о том, что процесс исторического развития «можно рассматривать с религиозной точки зрения как волю Провидения, управляющего судьбами народов, а с философской как явление Духа, связывающее человечество в одно целое и направляющее к конечной цели его существования. Во всяком случае тут есть высшее начало, которое действует не путем внешнего принуждения, а внутреннюю силою, направляющею деятельность как отдельных лиц, так и государство» [3, с. 54]. Под этим началом ученый имеет в виду свободу, которая многое объясняет в теории Чичерина.

Чичерин полагает, что феномен свободы играет главную роль в развертывании исторического процесса. Свобода – одна из центральных категорий философии Чичерина. Свобода трактуется как метафизическая сущность человека, как один из существенных элементов общества (внешнюю свободу ученый понимает как право) и как внутренняя движущая сила исторического развития.

Обнаруживает себя и осуществляется начало свободы, а следовательно, и закон развития в деятельности людей, ибо «истинным выражением духа являются не формальные и мертвые учреждения, а живое лицо, обладающее сознанием и волею. <...> В том именно состоит существо духа, что орудиями его являются разумные и свободные лица» [4, с. 179–180]. Конкретизируя это общее философское суждение, Чичерин приходит к более частным выводам. Отдельные общественные учреждения развиваются и совершенствуются потому, что их наличное состояние перестает удовлетворять людей. Особенно активно в подобных ситуациях действуют великие исторические личности. Причем их деятельность только тогда может реально способствовать развитию общества, когда она совпадает с объективными законами исторического развития, детерминированными «мировым разумом». Когда личность в своем нравственном развитии начинает опережать общество и предъявляет к общественным установлениям и институтам требования, проистекающие из вечных законов правды и добра, тогда эти требования становятся движущей пружиной всего человеческого развития.

Чичерин отмечает, что в историческом процессе деятельность людей носит разнонаправленный характер. Поэтому в нем никогда не прекращается противоборство совокупных сил определенного статичного порядка, который чем-либо не устраивает общество, и сил свободы, стремящихся изменить старый порядок. Продолжается «борьба между старым и новым, между свободой и порядком до тех пор, пока движение жизни не приведет к новому сочетанию, способному согласить изменившиеся элементы» [5, с. 284–285]. С опорой на это суждение делается вывод о том, что исторический процесс – это процесс смены двух порядков (эпох), в которых преобладают либо начала свободы, либо начала единовластия. Таким образом, в данном построении обнаруживает себя интерпретация исторического процесса как циклического феномена.

В структуре каждого общественного порядка (эпохи), взятого как бы в состоянии статики, содержатся основные элементы человеческого общежития: общая цель, свобода, закон, власть. Каждое из названных начал преобладает в определенном общественном союзе: общая цель – в семье, свобода – в гражданском обществе, закон (в форме нравственного закона) – в церкви, власть – в государстве. Степень развитости и состояние этих начал в каждый отдельный момент времени характеризует состояние общества в данный момент истории.

Линейная интерпретация исторического процесса обнаруживает себя в его периодизации: Древний мир, Средние века и Новое время. Кроме того, выделяются переходные этапы – античность и эпоха Возрождения. Основные этапы рассматриваются как время стабильности, переходные – как время активных исторических перемен, которые и приводят к установлению нового основного этапа. В обществах Древнего мира преобладает начало общей цели, в средневековых обществах доминируют начала свободы (в повседневной

жизни людей) и закона (в церковно-религиозной жизни), в обществах Нового времени основным становится начало власти.

Эпоха Средних веков высоко оценивается Чичериным потому, что в это время на основе начала свободы у европейских народов развиваются высоко оцениваемые ученым представительные учреждения. Историческая важность эпохи Нового времени усматривается в утверждении значимости государства среди других общественных союзов. Новое время, в свою очередь, делится на два периода. Первый период – это время преобладания государственной монархической власти (эпоха абсолютизма). Своего могущества монархическая власть достигает в Европе в XVII в. Второй период – это время либерализации государства, его превращения из самодержавного в конституционное и представительное (в форме монархии или республики). У европейских народов эти процессы приходятся на конец XVIII в.

Чичерин также ставит и по-своему решает проблему направленности исторического процесса. Он видит ее в движении к идеальному государству, в котором власть соединяется с законом и свободой во имя общей цели. Это государство представляется мыслителю как либеральное, правовое, с сильной и легитимной властью, ибо «право вводить новый порядок вещей принадлежит единственно законной власти» [5, с. 307]. Великая же цель общественно-го развития усматривается в движении человечества к конечному совершенству, выражающемуся в сознании Абсолютного и в связи с Духом Божьим.

Принцип детерминизма (причинности) состоит в выявлении необходимой обусловленности социальных явлений, отношений, процессов. Чичерин понимает причинность и необходимость как моменты всеобщей связи явлений социальной действительности. Кроме того, этот принцип в трактовке ученого имеет выраженную диалектическую окраску. Исследователь, считает Чичерин, усматривает разумом единую субстанцию, лежащую в основании различий вещей и их признаков. «Прилагая к этому отношению форму времени, он определяет единое как причину, а признаки как действие или следствие. Но во времени единое не только предшествует различиям, но может и следовать за ними. Последующее единое, определяющее предшествующие различия, представляет отношение цели и средств. Наконец, получившие самостоятельность различия, приходя в соотношения, находятся во взаимодействии, управляемом общим законом. Таковы четыре основные категории ума, определяющие реальное отношение вещей: субстанциональность, причинность, целесообразность и взаимодействие» [3, с. 285].

Как уже было отмечено выше, глубинными детерминантами социального развития ученым признаются абсолютный Дух, начало свободы и деятельность людей. При этом ни один конкретный социальный факт, событие, процесс, о которых пишет Чичерин в своих сочинениях, не приводится без тщательного выяснения их причинно-следственных связей. Исследуя причины и следствия образования государства, права, семьи, церкви, гражданского общества, радикальных движений и других социальных феноменов, Чичерин всегда дает им исчерпывающее и логичное обоснование.

Важное место в анализируемой методологии принадлежит принципу всесторонности. В процессе познания принцип всесторонности обусловлен тем, что необходимыми условиями реального существования предмета являются его многообразные связи с другими предметами, определенная система отношений с ними. Из этого следует, что познаваемый предмет и исследо-

ваться должен не изолированно от необходимых условий его существования, а с учетом всех этих связей и отношений.

Социально-философские сочинения Чичерина показывают, что ученый постоянно следует принципу всесторонности. Примером тому отчасти могут служить приведенные в данной статье краткие тезисы, связанные с анализом исторического процесса.

Еще одним красноречивым подтверждением следования принципу всесторонности является философский анализ сущности и особенностей существования человеческой личности. Личность трактуется Чичериным не как малая единица большого цельного общественного организма, а как центр, с которого все в обществе начинается и к которому все возвращается. Кроме того, он неоднократно подчеркивает идею о том, что личность «есть корень и определяющее начало всех общественных отношений» [4, с. 58]. Ученый анализирует личность не только на категориальном, но и на онтологическом уровнях. Формулируется содержание категории «личность», исследуются взаимосвязь Бога и человека, отношения «личность – нравственность», «личность – право», анализируются положение и роль личности в системе общественных союзов, системы «общество и конструктивно действующая личность» и «общество и деструктивно действующая личность», роль личности в историческом процессе и многие другие аспекты бытия личности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что принцип всесторонности обнаруживается в аспектах метафизического анализа, в решении теоретических и практических проблем соотношения отдельной личности и общества, при рассмотрении проблем философии истории.

Большое внимание Чичерин уделяет методам исследования, которые также входят в качестве элементов в его систему теоретической методологии.

В самом общем виде принципиальная позиция по вопросу методов научного познания сводится к утверждению необходимости не противопоставлять, а сочетать эмпирические и теоретические методы познания, данные опыта с философскими («метафизическими», «логическими») обобщениями, а также верно определять совокупность категорий и законов, посредством которых будут изучаться эмпирические явления. Поэтому в процессе познания, в том числе социального познания, считает ученый, необходимо: «1) ясное и точное определение умозрительных понятий и связывающих их законов: это – задача метафизики; 2) точное и достаточно полное знание фактов: это – дело опытной науки. <...> 3) Надобно построить явления так, чтобы общий закон мог быть приложим» [6, с. 652].

Ясно и определенно высказывается ученый о цели научного познания. Она состоит в стремлении к истине, к которой ведет сочетание реализма («опыта», «эмпирики») и рационализма («умозрения», «логики»). «Факты, – подчеркивает философ, – удостоверяют нас в правильности сделанных нами умозрительных выводов и приводят нас к тому желанному сочетанию умозрения с опытом, к которому стремится человеческая наука. Опыт дает ответы на поставленные философией вопросы. Каждый из этих двух путей науки сам по себе недостаточен: философия без опыта пуста, опыт без философии слеп. Соединение же обоих путей озаряет ярким светом всю бесконечность мысли и бытия» [7, с. 451].

Эта мысль сама по себе не была новой, но на фоне распространившихся антипозитивистских настроений в общественных науках в конце XIX в. ее ак-

туализацию ученым следует признать своевременной и целесообразной. Несмотря на то, что особенности наук, которыми занимался Чичерин, обусловили преимущественное использование им теоретических методов, это вовсе не исключало частого обращения ученого к эмпирическим данным.

Философ также подчеркивает, что социальное познание обязательно предполагает изучение социального явления от момента его возникновения, включает исследование всех этапов его развития, а также взаимосвязей с другими социальными и природными системами. В этом требовании находят выражение основные составляющие анализируемой методологической системы: системный подход, принципы историзма, детерминизма и всесторонности, использование совокупности эмпирических и теоретических методов познания. Уже в ранних своих работах Чичерин отмечает необходимость видеть единичный социальный факт или процесс как органичную часть исторического процесса в целом. Это является залогом познания не только конкретного явления, но и дает возможность составить общую картину, определить место и назначение части в целом, обеспечивает понимание общей логики исторического развития и, значит, может стать основой грамотных государственных решений. Последняя часть данного суждения очень важна для понимания гражданской позиции ученого, который был убежден, что наука призвана служить человеку, обществу, государству, а не оставаться только теоретическим занятием ученых.

Таким образом, сочетание умозрительно-рационального и наглядно-чувственного при изучении социальных явлений, согласно социальной гносеологии Чичерина, включает в себя метафизическое познание мира, эмпирическое познание социальных фактов или явлений, приложение опытных данных к общему закону развития.

Следует также отметить, что Чичерин активно использует компаративистский метод, сочетающий в себе элементы эмпиризма и рационализма. Ученый часто сопоставляет и сравнивает историческое развитие России и других стран и регионов, проводя аналогии, выстраивая социально-исторические параллели, вычлняя специфику социального процесса. Как верно заметил А. В. Пролубников, «Чичерин охотно пользуется компаративистским методом в своих историко-политических исследованиях, являясь, по сути, одним из пионеров этого перспективного метода в отечественной мысли» [8, с. 91].

Составной частью теоретической методологии являются категории. Их разработке ученый уделяет большое внимание, понимая, что категории являются основаниями научной культуры, залогом успеха научного исследования. Для Чичерина категории выступают в качестве мировоззренческих и предметно-исследовательских универсалий, в которых воплощены не только рациональность, но и аксиологические императивы ученого.

Дальнейшие рассуждения по данному вопросу стоит предварить некоторыми замечаниями. Во-первых, несмотря на то что Чичерин являлся сторонником строгой систематизации в научном исследовании, представляется, что в его социальной философии нет единой системы категорий. Во-вторых, мировоззрением ученого и объективно-идеалистическим подходом, примененным в социальной философии, обусловлено то, что анализ практически всех проблем начинается с использования в качестве исходных категорий «абсолютный Дух», «свобода», «личность». В-третьих, категориальная схематетрада «отношение – единство – множество – сочетание», выросшая из пре-

образованной гегелевской схемы-триады «тезис – антитезис – синтез», детерминирует категориальные построения Чичерина. Напомним, он утверждает, что в основе бытия общества лежат власть, закон, свобода, общая цель. Основными общественными союзами признаются семья, гражданское общество, церковь, государство. В общественных союзах преобладают: в семье – общая цель, в гражданском обществе – свобода частного лица, в церкви – нравственный закон, в государстве – власть. Основными формами государства названы монархия (основана на единстве власти), аристократия (основана на господстве разума и закона), демократия (основана на свободе и равенстве лиц), смешанное правление (это политический идеал, основанный на сочетании всех элементов). В анализе социально-философских проблем ученый в основном следует этим схемам.

Однако, кроме названных категорий, философ разрабатывает и использует много других категорий, не вошедших в его схемы-тетрады. На взгляд автора статьи, в исследовательских целях их можно систематизировать и объединить в проблемные категориальные группы, т.е. совокупности категорий, используемых Чичериным для анализа общества как определенной целостности или для анализа отдельных его сфер. Естественно, следует учитывать известную долю условности в отнесении категорий к выделенным группам, поскольку жестких границ между ними быть не может. В этом случае мы получим следующую классификацию. Общую социально-философскую группу образуют категории «общество», «природа», «народонаселение», «естественные союзы», «общественные союзы», «сословия», «сферы общественной жизни», «историческое развитие», «социальный идеал». В философско-антропологическую группу входят категории «человек», «духовность», «разум», «воля», «вера», «самосознание». К социально-экономической группе относятся категории «экономический быт», «собственность», «производство», «оборот», «распределение», «потребление», «конкуренция». Социально-политическую группу образуют категории «власть», «политика», «государство», «управление», «политические партии», «политические идеологии», «реформа», «революция», «политический идеал». В философско-правовую группу входят категории «естественное право», «субъективное право», «объективное право», «положительное право», «права граждан», «обязанности граждан». К группе категорий, примененных к исследованию духовной сферы социума, относятся категории «духовные интересы», «религия», «искусство», «нравы», «нравственность», «воспитание», «образование», «наука».

Анализ содержания социально-философских категорий оставлен автором за пределами данной статьи, поскольку он уже был проведен ранее [9].

Таково системное содержание и функциональное назначение основных элементов системы теоретической методологии, использованной Б. Н. Чичериным в его масштабном социально-философском построении. С помощью данной методологии исследуется общество как динамичная и рациональная система, анализируются отдельные социальные сферы и элементы. Система теоретической методологии стала научным инструментом ученого и позволила ему успешно достичь исследовательскую цель – осуществить глубокий и всесторонний философский анализ общества.

Список литературы

1. **Чичерин, Б. Н.** Существо и методы идеализма / Б. Н. Чичерин // Вопросы философии и психологии. – 1897. – Кн. 2 (37). – С. 185–238.

2. **Трубецкой, С. Н.** Новая книга Б. Н. Чичерина / С. Н. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. – 1894. – Кн. 1 (21). – С. 171–182.
3. **Чичерин, Б. Н.** Социология / Б. Н. Чичерин. – Тамбов : ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2004.
4. **Чичерин, Б. Н.** Философия права / Б. Н. Чичерин. – СПб. : Наука, 1998.
5. **Чичерин, Б. Н.** О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. – М. : Товарищество И. Д. Сытина, 1899.
6. **Чичерин, Б. Н.** Метафизика есть ли наука? / Б. Н. Чичерин // Вопросы философии и психологии. – 1900. – Кн. IV (55). – С. 640–657.
7. **Чичерин, Б. Н.** Наука и религия / Б. Н. Чичерин. – М. : Республика, 1999.
8. **Пролубников, А. В.** Идеи монархической государственности / А. В. Пролубников. – М. : Социально-политическая мысль, 2002.
9. **Лобеева, В. М.** Социальная философия Б. Н. Чичерина: анализ содержания основных категорий / В. М. Лобеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3. – С. 44–53.

Лобеева Вера Михайловна

кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии, истории
и социологии, Брянский
государственный технический
университет

E-mail: doktor70@bk.ru

Lobeeva Vera Mikhailovna

Candidate of philosophy, associate
professor, sub-department of philosophy,
history and sociology, Bryansk State
Technical University

УДК 1(091).9:16

Лобеева, В. М.

Социальная философия Б. Н. Чичерина: анализ системы теоретической методологии / В. М. Лобеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 21–29.

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.
В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ:
АДВОКАТУРА, ПРОКУРАТУРА, МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процесса реформирования судебной системы Нижегородской губернии согласно судебным уставам 1864 г.: ликвидации старых судебных мест; введению мировой юстиции, адвокатуры; преобразованию деятельности прокуратуры. В статье исследованы изменения, произошедшие в судебной системе губернии. В результате реформы судопроизводство приобрело гласность и состязательность, был улучшен кадровый состав судей и чинов прокурорского надзора.

Ключевые слова: мировые судьи, окружной суд, присяжные поверенные, прокуроры, гласность, состязательность, судебные уставы, судопроизводство.

Abstract. The article is focused on the reforms in judicial system of Nizhegorodskaya province brought by judicial statutes of 1864 such as liquidation of old judicial institutions, introduction of magistrates, defense attorneys and reorganization of prosecution. This article researches the major changes in the judicial system driven by the aforementioned reforms. As a result the legal procedures became more open and competitive, more qualified judges and prosecutors were hired.

Key words: magistrates, district court, barristers, prosecutors, freedom of speech, competition, judicial statutes, legal procedures.

Несмотря на довольно значительное количество публикаций по проблеме реализации судебной реформы 1864 г. в провинции [1–3], эта тема по-прежнему остается недостаточно исследованной. Целью статьи является рассмотрение процесса введения судебных уставов 1864 г. в Нижегородской губернии.

Согласно судебным уставам их введение должно было осуществляться поэтапно и постепенно в различных частях Российской империи [4]. В Нижегородской губернии этот процесс начался уже в 1866 г. с упразднения городских магистратов и ратуш. Дела передавались в уездные суды и городскую думу. Техническую работу выполняли уездные стряпчие, разбором архива каждого уездного суда занимался специально назначенный для этого канцелярский чиновник, получавший дополнительное вознаграждение – 18 рублей [5]. Вскоре началось упразднение уездных судов. В марте 1869 г. были ликвидированы совестные суды [6]. В апреле 1867 г. была закрыта Нижегородская палата гражданского и уголовного суда, упразднены должности уездных стряпчих. Их обязанности были временно переданы секретарям полицейских управлений.

Ревизию дореформенного судопроизводства в Нижегородской губернии осуществлял сенатор А. Н. Шахов. Процесс упразднения судебных мест по назначению Шахова возглавил товарищ председателя Нижегородской палаты гражданского суда П. А. Муллов [7]. Приводили в порядок делопроизводство старых судебных мест помощники П. А. Муллова – товарищ председателя палаты гражданского суда Литвинов и губернский стряпчий Дмитриев. Упразднение старой судебной системы осуществлялось достаточно орга-

низованно и безболезненно: при ликвидации очередного уездного суда его дела передавались еще сохранившемуся, чиновники ликвидируемого суда оставались за штатом с сохранением жалования.

Процесс формирования новых судебных мест (мировых судов и окружного суда) взамен упраздненных продолжался в Нижегородской губернии в течение 1869 г.

Юрисдикции мировых судей подлежали незначительные гражданские и уголовные правонарушения. Мировой судья единолично рассматривал дела по обвинению в преступлениях, за совершение которых могло быть определено одно из следующих наказаний: замечание, выговор, денежное взыскание на сумму не более трехсот рублей, арест на срок не более трех месяцев, заключение в тюрьму на срок до одного года. Каждый мировой судья осуществлял судебную власть на определенной территории-участке. Определенное число участков составляло мировой округ. Мировой судья был обязан принимать прошения в любом месте, а иногда и разбирать дела там, где они возникли. Он вел разбирательства устно и решал вопрос о виновности или невиновности единолично, по внутреннему убеждению, основанному на выясненных обстоятельствах дела. Стороны имели право прибегать к помощи поверенных. Решения мирового судьи о виновности и наказании считались окончательными, если приговор о денежном взыскании не превышал 15 руб., а арест – трех дней. По окончательным решениям допускались только кассационные протесты и кассационные жалобы, подаваемые в том случае, когда стороны считали, что при рассмотрении дела в суде нарушены процессуальные формы судопроизводства.

Второй контролирующей инстанцией был съезд мировых судей, в который входили все участковые и почетные судьи данного округа. Из своего состава они избирали председателя сроком на три года. Заседания съезда происходили в сроки, назначенные земскими собраниями или городскими думами. В зависимости от характера рассматриваемых дел съезд мировых судей был апелляционной или кассационной инстанцией.

Предполагалось, что большинство дел у мировых судей будут заканчиваться мировыми соглашениями, а судопроизводство будет скорым и дешевым [8].

В Нижегородской губернии первым был разделен на три мировых участка Ардатовский уезд (село Оленевка, город Ардатов, село Выкса) [9]. Арзамасский уезд был разделен на четыре участка, Нижегородский – на шесть участков, Макарьевский уезд был разделен на четыре мировых участка. Таким образом, в течение 1869 г. мировые судебные участки были созданы во всех уездах губернии. Основным критерием разделения было количество и социальный состав жителей уезда. Требования к кадровому составу мировых судей определялись судебными уставами [10]. Кандидатом в мировые судьи мог быть житель данной местности, обладающий определенным количеством имущества. Требуемый размер земельных владений устанавливался отдельно по каждому уезду, но нигде не опускался ниже 400 десятин. Эквивалентом ему являлось другое недвижимое имущество, оцениваемое в сельской местности не ниже 15000 руб., в городах не ниже 3000 руб. Кандидаты в мировые судьи должны были иметь определенный уровень образования (может быть не юридическое). Необходим был опыт работы в суде не менее трех лет. Объ-

зательными условиями были добропорядочность (мировыми судьями не могли быть лица, находившиеся под судом или несостоятельные должники) и доверие и уважение населения. Мировые судьи избирались земскими собраниями на три года и утверждались Сенатом.

Объявления желающих стать мировыми судьями публиковались в губернских ведомостях [11]. Деятельность мировых судебных участков Нижегородской губернии зависела от личных качеств мировых судей. Например, судьями Горбатовского уезда были «молодые, энергичные, одаренные и любящие дело» М. К. Гутьяр, М. Е. Бабкин, С. Т. Погуляев, А. Н. Бекешев. Судебные дела рассматривались ими быстро, справедливо, в соответствии с буквой закона. В. Г. Кораблев «страдал пьянством, делом интересовался мало». А. И. Святозарский, по мнению товарища прокурора Гогеля, «человек без всякого образования и воспитания, занимался интригами и скандалами» [12].

Достойные мировые судьи, продвигаясь по карьерной лестнице, становились членами окружного суда (И. А. Махотин, Б. И. Пусков, И. Краснопольский) и товарищами прокурора (М. Е. Бабкин – мировой судья Горбатовского уезда, Н. Баженов – мировой судья Арзамасского уезда, Д. С. Зыбин – мировой судья Макарьевского уезда).

Уголовные и гражданские дела, не подсудные мировым судьям, рассматривались в окружных судах. Судебные округа не всегда совпадали с существующим в России административным делением. В некоторых губерниях было несколько окружных судов. Окружной суд состоял из председателя, его товарищей (их число зависело от категории окружного суда) и членов суда, которые по представлению министра юстиции назначались царем.

Судебный процесс в окружном суде был гласным, велся устно и проходил по принципу состязательности сторон. На каждую сессию окружного суда с участием присяжных заседателей по жеребьевке избиралось 30 очередных и три запасных заседателя. Перед рассмотрением дела сторонам представлялось право немотивированного отвода определенного количества присяжных. Из оставшихся по жребию определялись 12 человек основных и два запасных заседателя, которые приводились к присяге и участвовали в процессе. Процесс мог осуществляться и без присяжных заседателей. Приговоры окружного суда с участием присяжных заседателей считались окончательными. Их можно было обжаловать только в кассационном порядке в Сенате.

Нижегородский окружной суд был открыт 23 апреля 1869 г. в Верхне-базовском общественном корпусе. Председателем суда был назначен известный юрист, знаток гражданского права Н. К. Панов [13]. Товарищами председателя были назначены А. Д. Карпов – выпускник Санкт-Петербургского университета, бывший судебный следователь Г. Н. Мулов, П. А. Гартман. Все они были опытными юристами-профессионалами. По назначению министра юстиции членами суда стали М. Берг, М. Баршев, И. Чаговец, И. Еропкин, В. Соколовский, Н. В. Домерников [14]. Судебная канцелярия состояла из губернского секретаря И. Десницкого, надворного советника А. Ключарева, помощников секретарей Н. Неофитова, А. Дьяконова.

Таким образом, судопроизводство в Нижегородском окружном суде осуществлялось людьми образованными, уважаемыми, опытными. Гласные заседания суда всегда вызывали интерес населения, залы были переполнены, билетов не хватало. Особенно это характерно для двух первых дел, рассмот-

ренных судом, где в качестве защитников выступали блестящие российские адвокаты П. Н. Плевако и А. И. Урусов.

Адвокатура как самостоятельное звено судебной системы стало серьезным новшеством судебной реформы. Адвокаты, именуемые присяжными поверенными, объединялись избранным на общем собрании советом (если в округе имелось не менее 20 присяжных поверенных), который наделялся распорядительной и дисциплинарной властью. Совет осуществлял прием в адвокатуру. Присяжными поверенными могли быть лица, отвечающие определенным требованиям: высшее юридическое образование, пятилетний стаж работы в судебных органах или в качестве помощника присяжного поверенного. Не могли быть зачислены в состав адвокатуры лица, не достигшие 25-летнего возраста, лишенные прав или ограниченные в правах, ранее исключенные из сословия присяжных, женщины, а также иностранные подданные. Совету предоставлялось право немотивированно отказать в приеме в адвокатуру, причем подобное решение не подлежало обжалованию.

На совет также возлагался контроль за деятельностью присяжных поверенных и их помощников, разбирательство поступивших на них жалоб. Совет назначал защитников лицам, пользовавшимся так называемым правом бедности (т.е. лицам, которые не имели возможности оплатить услуги адвоката в суде). Совет рассматривал материалы о дисциплинарных проступках присяжных поверенных. Его решения о предостережениях и выговорах были окончательными, а о таких мерах, как временное или постоянное запрещение исполнять обязанности поверенного, могли быть обжалованы в судебную палату.

В Нижегородской губернии видным адвокатом и общественным деятелем был А. М. Меморский [15]. Выходец из семьи священника, он окончил Демидовский юридический лицей в Ярославле. Вначале служил помощником присяжного поверенного, затем стал осуществлять самостоятельную адвокатскую практику. Хотя Меморский состоял присяжным поверенным при Московской судебной палате, он неоднократно участвовал в заседаниях как Нижегородского окружного суда, так и в заседаниях палаты в Нижнем Новгороде, избирался гласным в Нижегородскую городскую думу, нижегородским городским головой, принимал активное участие во многих городских и земских комитетах и комиссиях. Согласно архивным данным, А. М. Меморский слыл дельным и востребованным присяжным поверенным по делам о наследстве, по делам о земельных и имущественных спорах [16].

Важнейшую роль в пореформенной судебной системе играла прокуратура. Вместо дореформенных губернских прокуроров и стряпчих, согласно судебным уставам, в окружные суды Правительствующим сенатом по назначению министра юстиции утверждались прокуроры и товарищи прокуроров. Требования к кандидатам на эти должности предъявлялись высокие: высшее юридическое образование; опыт работы по судебному ведомству; безупречный морально-этический облик.

Прокурорами Нижегородского окружного суда в период реализации судебной реформы были В. И. Анненков, Н. П. Томсен [17]. В. И. Анненков, бывший судебный следователь, характеризовался как человек, который ориентировался не на «букву закона, а на мнение начальства». При расследовании преступлений он вел себя скорее как толковый судебный следователь, а не как компетентный прокурор. Свидетельством тому служит дознание 1869 г. о чиновнике М. Попкове, который был связан с членом революционной

группы «Народная расправа» П. Успенским. В. И. Анненков получил предписание сенатора Я. Чемодурова о производстве следствия по данному факту, что и было сделано. Под руководством Анненкова грамотно были произведены допросы и обыски, и, хотя улики участия Попкова в революционной организации были косвенными, основания для продолжения расследования оставались. Решающим в этом деле было мнение жандармского штаб-офицера А. Коптева, который по неизвестным причинам приказал прекратить расследование [18, с. 101].

В 1871 г. В. И. Анненкова на посту прокурора Нижегородского окружного суда сменил надворный советник Н. П. Томсен. Он был твердым и даже суровым чиновником, ежегодно выносившим десятки обвинительных приговоров по уголовным делам. Под его руководством была вскрыта деятельность религиозной секты, в которой было совершено 52 ритуальных убийства. Дело в связи с его важностью было передано на доследование в Московскую судебную палату. Н. П. Томсен был переведен на должность председателя Рыбинского окружного суда [18, с. 106].

Товарищами прокурора были назначены А. Фатьев, М. В. Талицкий, И. Х. Исакович, Г. Г. Гогель, В. С. Аббакумов, Д. М. Аверкин, В. И. Вейсман [19]. В 1872 г. на эту должность были назначены А. Гудиел-Левкович, А. Н. Мосолов, И. О. Мандрыгин. Согласно формулярным спискам состав прокурорского корпуса выглядел следующим образом: все православные; средний возраст – 35–40 лет; социальный состав – дворяне, мещане, купцы; все имели высшее образование; примерно 50 % имели родовые поместья, 50 % основным источником дохода имели жалование 2000 рублей (1000 рублей – оклад, 500 рублей – столовых, 500 рублей – на канцелярские расходы). Прокурорские чины имели звание коллежских секретарей, коллежских ассессоров, надворных советников и имели в среднем восемь-девять лет стажа в судебных ведомствах [17, л. 8]. Кадровый состав прокурорского надзора был достаточно компетентным и работоспособным, что, безусловно, делало его деятельность результативной.

Введение судебных уставов значительно изменило к лучшему судебную систему России. В Нижегородской губернии была проведена серьезная работа по созданию новых судебных учреждений: окружного суда, мировой юстиции, аппарата судебных следователей, прокурорского надзора. Положения судебной реформы были реализованы: судопроизводство обрело гласность и состязательность, исчезли неразбериха и канцелярщина, свойственная дореформенному суду. Не обошлось, конечно, и без нарушений (на должность мировых судей предлагались лица, не имевшие тех качеств, которые предполагались судебными уставами: опыта работы или образования) [22]. В целом к началу 1870-х гг. судебная система Нижегородской губернии была реформирована и выглядела вполне работоспособной.

Список литературы

1. **Галай, Ю. Г.** Суд и административно-полицейские органы в пореформенной России (1864–1879 годы) / Ю. Г. Галай. – Нижний Новгород, 1999.
2. **Галкин, Ю. В.** Очерки истории юстиции Саратовского края / Ю. В. Галкин, А. В. Воронихин. – Саратов, 2002.
3. **Биюшкина, Н. И.** Судебная реформа в Российской империи в 1864–1890-х гг. / Н. И. Биюшкина, А. В. Киселева. – М., 2007.

4. Указ о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 года // ПСЗ-2. – Т. XL. – № 42587.
5. Указ Правительствующего Сената от 15 апреля 1866 года № 22 // ЦАНО. Ф. 5. Оп. 47. Д. 2837.
6. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 48. Д. 5167.
7. Циркуляр сенатора А. Н. Шахова от 25 марта 1869 г. // ЦАНО. Ф. 178. Оп. 766. Д. 53. Л. 37.
8. Высочайший указ о введении судебных уставов в отдельных губерниях частично, то есть открывать в них лишь мировые суды от 23 февраля 1869 года // ПСЗ-3. – Т. XLIV. – № 46950.
9. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 48. Д. 5175.
10. ПСЗ-2. – Т. XXXIX. – № 41473, 41475–78.
11. Нижегородские губернские ведомости. – 1868. – № 29, 30, 31.
12. ЦАНО. Ф. 179. Оп. 639. Д. 72. Л. 7.
13. Циркуляр министерства юстиции Нижегородскому окружному суду // ЦАНО. Ф. 1854. Оп. 2. Д. 25.
14. ЦАНО. Ф. 1854. Оп. 1. Д. 12.
15. ЦАНО. 1829. Оп. 1.
16. ЦАНО. Ф. 1828. Оп. 1. Д. 8. Д. 12.
17. ЦАНО. Ф. 179. Оп. 639. Д. 125.
18. **Макаров, И. А.** Нижегородские прокуроры: 272 года на страже закона / И. А. Макаров. – Нижний Новгород, 2003.
19. Указ Правительствующего Сената от 19 декабря 1868 года № 98206 // Нижегородские губернские ведомости. – 1868. – № 4 (22 января).
20. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 48. Д. 6180.

Логачева Наталья Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра государственно-правовых
дисциплин, Пензенский
государственный университет

E-mail: logachevan@gmail.com

Logachyova Natalya Viktorovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of public
and legal disciplines, Penza State University

УДК 63.3(2)+34(091)

Логачева, Н. В.

Судебная реформа 1864 г. в Нижегородской губернии: адвокатура, прокуратура, мировая юстиция / Н. В. Логачева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 30–35.

ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ ПРОФСОЮЗОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению изменения функций профсоюзов при переходе к новой экономической политике. В центре внимания находится проблема участия трудящихся в управлении производством. Автор анализирует деятельность отраслевых профсоюзов, прежде всего, на государственных предприятиях и хозяйственных объединениях Среднего Поволжья. Выделены противоречия в следующих направлениях работы профсоюзов: заключении коллективных договоров, организации производственных совещаний, борьбе с безработицей и др. Рассмотрена проблема усиления контроля партии над профсоюзным движением.

Ключевые слова: профсоюзы, новая экономическая политика, производственные совещания, коллективные договоры, трудовые конфликты, безработица.

Abstract. The article reads about the changes in trade unions' functions that took place during the period of New Economy Policy. The author devotes much attention to the problem of the workers' participation in production management. The article analyzes the activity of sectoral trade unions, first of all, at state factories and associations of the Middle Volga region. The article shows major contradictions in the following fields of trade unions' activity: signing collective agreements, organizing production conferences, struggling against unemployment etc. The problem of the Soviet party control over trade unions is also described in this article.

Key words: Trade unions, new economy policy, production conferences, collective agreement, labor conflicts/disputes, unemployment.

Деятельность профсоюзов в условиях нэпа проходила противоречиво, во многом это было связано с неопределенностью их функций. В ходе партийной дискуссии 1920–1921 гг. в ожесточенных спорах обсуждался вопрос о роли и задачах профсоюзов. Представители так называемой рабочей оппозиции выступали за ликвидацию партийного диктата на производстве и передачу управления отраслевым профсоюзам. Л. Д. Троцкий для укрепления профсоюзного движения предлагал сращивание профсоюзов с хозяйственными органами и, как следствие, их полное подчинение государству. Победа ленинского лозунга об использовании профсоюзов для проведения в массы коммунистической идеологии оставила открытым вопрос об участии трудящихся в управлении производством и политизировала деятельность общественных организаций.

Э. Карр обратил внимание, что тезисы ЦК, принятые X съездом партии, «ничего не дали для решения основного вопроса: какие реальные функции возложить на профсоюзы, не превращая их в органы государства» [1, с. 579]. Конкретных предложений в этом вопросе не выдвигали ни платформа «десяти», ни платформа «рабочей оппозиции». Но идеи о самоуправлении рабочих, свободной организации трудящихся, активном участии профсоюзов в управлении производством считались «оппозиционными» на всем протяжении 1920-х гг. Логическим следствием перехода к нэпу стала независимость профсоюзов от государства и усиление на них партийного влияния.

Несмотря на неопределенность функций профсоюзов, их опыт участия в социально-экономической жизни общества в сложных условиях кризиса, перехода к новым методам управления сегодня востребован и актуален. Особенно важно изучение конкретной деятельности региональных организаций, которые в период нэпа активно защищали экономические и социальные интересы трудящихся.

К началу 1920-х гг. профсоюзное движение обладало разветвленной системой союзных и межсоюзных органов. Во Всероссийский центральный совет профсоюзов входили 23 отраслевых профсоюза, которые объединяли 6,8 млн чел. [2, с. 82]. Но в начале нэпа произошло сокращение численности отраслевых профсоюзов. В Среднем Поволжье этому способствовали следующие факторы: продовольственный кризис, снижение военных заказов в обувной и швейной отраслях, реорганизация управления промышленностью и сокращение значительной части рабочих, прежде всего малоквалифицированных. Симбирский губотдел союза пищевиков отмечал сокращение членов союза с 3 500 человек на 1 января 1921 г. до 1 232 человек на 1 января 1922 г. [3].

Важным этапом организационной перестройки профсоюзов стал переход к добровольному членству. Эта кампания также вызвала сокращение числа членов профсоюзов: в Самарской губернии с 112 000 человек на 1 мая 1921 г. до 69 195 на 1 октября 1923 г. [4, с. 39]. Но рост численности рабочего класса прервал эту тенденцию.

На XI съезде партии по докладу М. П. Томского была принята резолюция «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики». В ней был сделан шаг вперед по сравнению с решениями X съезда, так как она опиралась на уже имеющийся опыт и отмечала противоречивость функций профсоюзов в рабочем государстве. В резолюции содержались конкретные предложения, отражающие роль рабочих в управлении производством: о коллективных договорах, об участии профсоюзов в формировании хозяйственных органов, производственных совещаниях. Признавая необходимость участия профсоюзов в социально-экономической деятельности государства, резолюция называла «безусловно вредным и недопустимым всякое вмешательство профсоюзов в управление предприятиями» [5, с. 478].

Для обсуждения изменившихся в условиях нэпа функций профсоюзов во второй половине 1921 – начале 1922 гг. в Среднем Поволжье прошли губернские съезды и конференции отраслевых союзов. Делегаты VI Симбирского губернского съезда союза кожевников подчеркнули, что профсоюзы должны взять на себя главную роль по организации и восстановлению промышленности путем воспитания «коллективистской инициативы пролетариата в новых хозяйственных условиях» для увеличения производства изделий, необходимых деревне [6]. Большую социальную направленность имели решения VII конференции фабкомов и директоров текстильных предприятий Симбирского района (март 1922 г.), в которых говорилось о том, что основной задачей профсоюзов в условиях перевода предприятий на коммерческий расчет является защита интересов трудящихся [7].

Активно вопрос о роли профсоюзов в связи с переходом к нэпу обсуждался и на уровне губернских партийных организаций. Так, на заседании Самарского губкома 15 июля 1921 г. был сделан вывод, что первоочередной задачей профсоюзов является улучшение положения рабочих крупной промышленности для предотвращения дальнейшего распыления пролетариата [8, л. 3].

Важное место в выработке тактики профсоюзов в новых условиях занимал вопрос их взаимоотношений с хозяйственными органами. Циркуляр ВСНХ и ВЦСПС от 20 февраля 1922 г. подчеркивал, что лучший способ взаимодействия профсоюзов и руководителей предприятий – заключение коллективных договоров. Циркуляр предусматривал участие профсоюзов в обсуждении персонального состава органов управления, в рассмотрении производственных программ, но прямое вмешательство в управление предприятием со стороны фабзавкома считал недопустимым [9]. На заседании Самарского губкома партии при рассмотрении этого циркуляра были сделаны следующие выводы: профсоюзы должны участвовать в выработке производственных программ, разработке плана рационального трестирования и определении предприятий для сдачи в аренду. Хозяйственные органы не реже одного раза в месяц, по требованию отраслевого союза, должны были докладывать о своей работе на заседаниях правления и общих собраниях рабочих. Кроме того, назначение руководителей предприятий должно было проходить «с ведома профсоюзов» [8, л. 64].

Пересмотр трудового законодательства несколько отставал от экономических реформ. Издание основных трудовых законов приходится на конец 1921 г. и главным образом на 1922 г. Согласно основным принципам, определяющим характер законов о труде, профсоюзы должны были отказаться от обязательного регулирования труда и объединить наемных работников в организацию для представления их интересов по вопросам труда и быта.

Кодекс законов о труде, принятый в ноябре 1922 г., определял условия заключения коллективных и трудовых договоров и роль профсоюзов в этом процессе. Коллективный договор заключался между профсоюзом, как представителем рабочих и служащих, с одной стороны, и нанимателем, с другой, а также определялись условия труда и содержание личных (трудовых) договоров найма. Так, коллективный договор, подписанный Союзом кожевников и правлением Самарского кожевенного треста на срок с 1 октября 1922 г. до 1 января 1923 г., определял условия приема и увольнения рабочих, взаимные обязательства руководства треста и работающих, процедуру разрешения трудовых конфликтов. Договор содержал подробные выкладки по оплате труда рабочих, которые распределялись по 17 разрядам. В исполнение постановления ВЦИК от 2 мая 1922 г. «Об установлении предельного минимума на предприятиях» трест обязался держать на каждом заводе учеников-подростков в возрасте от 14 до 16 лет. Для реализации договора на предприятиях треста организовывалась Рабочая контрольная комиссия из представителей заводоуправления и фабзавкома. До окончательного утверждения коллективного договора проходило его обсуждение и уточнение ряда пунктов. Так, в окончательном варианте договора был исключен пункт, в котором шла речь о возможности замены рабочих – не членов профсоюза безработными членами союза той же квалификации [10]. К осени 1922 г. в Самаре действовало 130 коллективных договоров и тарифных соглашений [11]. В Симбирске к концу 1922 г. было заключено 144 коллективных договоров, которые охватывали 70 % всех работающих [11].

Президиум ВСНХ в циркулярном распоряжении от 1 ноября 1922 г. предписывал хозяйственным органам на местах усилить контроль за деятельностью профсоюзов при заключении коллективных договоров. Это было вызвано тем, что в первые годы нэпа профоганы проводили политику, направ-

ленную на рост зарплаты. Нередко при заключении договоров возникали конфликты между профсоюзами и администрацией, как правило, при определении уровня зарплаты. По стране было зарегистрировано в 1923 г. 2 702 конфликта, в 1924 г. – 3 964, в 1925 г. – 5 527 [12, с. 49].

Профсоюзы активно боролись с проблемой задержки выплаты зарплаты. В циркуляре Пензенского губотдела профсоюза пищевой промышленности отмечалось, что в случае невыплаты зарплаты профсоюзы должны были предъявить запрос с требованием объяснения причины задержки, имели право в судебном порядке требовать погашения задолженности по курсу рубля и даже в «случае явной халатности и злоупотреблений передавать дела в Ревтрибунал» [13]. На всем протяжении 1920-х гг. проблема выплаты зарплаты остается актуальной. В 1924 г. по Пензенскому суконному тресту она составила три месяца. Пензенский губотдел профсоюза текстильщиков установил взимание пени в 2 % за каждые просроченные 15 дней с частного предпринимателя фабрики «Война дворцам», но при этом не считал нужным принимать аналогичные меры к государственному тресту [14]. Профсоюзы более активно отстаивали интересы трудящихся в негосударственном, прежде всего частном, секторе экономики.

Одной из попыток привлечения рабочих к управлению производством стала организация производственных совещаний и комиссий. ВЦСПС 23 сентября 1923 г. принял «Положение о производственных совещаниях на предприятиях», в котором конкретизировал их цели и задачи. Практическое руководство производственными совещаниями осуществляли местные комитеты через производственную комиссию [15, с. 355].

Экономический кризис осени 1923 г. вновь остро поставил вопрос об участии рабочих в развитии производства. Циркуляр Пензенского ГСНХ предписывал всем хозяйственным органам и профсоюзам обязательное осведомление рабочих на общих и делегатских собраниях о состоянии производства, серьезное рассмотрение инициативы работающих. Губсовнархоз также считал необходимым расширение контрольных функций профсоюзов путем рассмотрения отчетов руководителей предприятий, проведения систематических ревизий производства [16]. А пензенская газета «Трудовая правда» подчеркивала: «...в настоящее время лозунгом дня для профсоюзов является ближе к производству, но без прямого вмешательства» [17]. Профсоюзы должны были вовлекать рабочих через производственные совещания и беспартийные конференции в решение задач по снижению себестоимости продукции, улучшению ее качества и снижению накладных расходов.

На промышленных предприятиях Среднего Поволжья производственные совещания были организованы в 1923–1924 гг. В сентябре 1924 г. их работа обсуждалась на Пензенской городской рабочей конференции. В ее решениях был сделан вывод, что работа производственных совещаний способствует привлечению рабочих к управлению производством [18]. В 1924–1925 гг. на фабриках Пензенского суконного треста было проведено 12 заседаний производственных комиссий и 22 заседания производственных совещаний, на которых было внесено более 110 различных предложений по улучшению производства [19]. Только на Игнатовской фабрике Ульяновского суконного треста производственная комиссия рассмотрела 89 вопросов, касающихся работы предприятия [20]. А в докладе о работе Самарского губкома партии отмечалось, что производственные совещания «дали глубокий толчок рабочим

массам. Они поняли, что их задача не только работать, они почувствовали себя хозяевами» [21, с. 10].

Однако были и серьезные недостатки в работе производственных совещаний: они часто дублировали фабрично-заводские комитеты, и многие вопросы рассматривались дважды, были излишне бюрократичны и заорганизованны, плохо устанавливали связь с рабочими. В отчете Самарского губотдела союза пищевиков (за период с 1 января по 1 апреля 1925 г.) подчеркивалось, что на предприятиях пищевой промышленности «производственные совещания не работоспособны и занимаются не своими делами...» [22]. Предложения рабочих, высказанные на заседаниях производственных комиссий, зачастую были недостаточно продуманными и компетентными. Так, XVI Ульяновская партийная конференция рекомендовала профсоюзным организациям улучшить работу производственных совещаний, привлекая к ней специалистов для рассмотрения предложений рабочих [23].

Мешали более эффективной работе производственных совещаний и идеологические установки. Экономическое развитие ставило одни задачи, а политика диктовала совсем другие. Об этом свидетельствует дискуссия об организации производственных совещаний на частных предприятиях. Сторонники создания производственных совещаний аргументировали свою точку зрения тем, что рабочие через эти организации подтянутся экономически и политически, смогут влиять на процесс производства. Но противников этой идеи было гораздо больше, они считали, что возникнет парадоксальная ситуация: «партийные и профсоюзные организации будут устраивать производственные совещания с целью улучшения производства и, следовательно, обогащения предпринимателя» [24]. Для роста уровня рабочих на этих предприятиях предлагалось привлекать их к работе производственных совещаний государственных фабрик и заводов. На частных предприятиях производственные совещания так и не были организованы.

Ленинский лозунг «Профсоюзы – школа коммунизма» на практике реализовывался в усилении влияния партийных органов на профсоюзное движение и увеличении числа коммунистов в руководящих органах отраслевых союзов. На протяжении 1920-х гг. увеличивалось число членов партии в составе правлений губернских отраслевых союзов. Так, в Самарской губернии количество коммунистов в руководстве отраслевыми профсоюзами составило 60,6 %, а в фабкомах предприятий их численность выросла с 21,4 % (на 1 марта 1923 г.) до 31,3 % (на 1 марта 1924 г.) [25, с. 22]. А благодаря активной работе Симбирского губкома, фабрично-заводские комитеты текстильщиков на 50 % состояли из коммунистов [26, с. 36].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: задачи и функции профсоюзов при переходе к нэпу и отказу от трудовой повинности и внеэкономических методов принуждения менялись, но не были четко определены. Можно выделить двоякость функций профорганов на государственных и частных предприятиях. В негосударственном секторе экономики они более активно защищали права и требования рабочих в вопросах роста зарплаты, снижения интенсивности труда, улучшения условий труда и быта. В государственном секторе социальные функции не были так ярко выражены, здесь первоочередными были задачи увеличения выпуска продукции, снижения ее себестоимости, роста производительности труда. Политика материального стимулирования сводилась к совершенствованию структуры зарплаты, в раз-

личных отраслях и по профессиям, уравниванию оплаты труда. Профсоюзы уделяли большое внимание борьбе с безработицей путем активного сотрудничества с биржами труда, организации коллективов безработных, переподготовки кадров. Но их деятельность в этом направлении зачастую сводилась к политике «протекционизма» при устройстве на работу и выплате пособий.

Вопрос об участии трудящихся в управлении производством так и остался открытым. Официальные документы подчеркивали недопустимость прямого вмешательства профсоюзов в экономическую жизнь государства. Но отраслевые союзы и региональные профорганизации уделяли большое внимание хозяйственным вопросам, активно обсуждая экономические проблемы: переход на хозрасчет, организацию трестов, взаимоотношение центральных и местных хозяйственных органов. Представители профсоюзов входили в состав областной плановой комиссии, экономических совещаний, отдела труда, участвовали в формировании хозяйственных органов, составлении производственных программ и планов, привлекали рабочих к управлению производством через производственные совещания и комиссии.

Нэп ослабил проблему взаимоотношений профсоюзов и государства, но усилил партийное влияние и идеологическое давление на общественные организации.

Список литературы

1. **Карр, Э.** История Советской России. Большевицкая революция. 1917–1923 / Э. Карр. – М. : Прогресс, 1990. – Т. 1.
2. **Лобок, Д. В.** Роль профсоюзов в становлении системы социального партнерства в период нэпа / Д. В. Лобок // Правоведение. – 2006. – № 6.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5471. Оп. 5. Д. 26. Л. 62.
4. **Андреев, А.** Профсоюзы России в 1921–1922 гг. / А. Андреев. – М., 1922.
5. О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики : Резолюция 11 съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях пленумов, съездов, конференций. – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1983. – Т. 2.
6. ГАРФ. Ф. Р-3453. Оп. 5. Д. 5. Л. 19.
7. ГАРФ. Ф. Р-5457. Оп. 6. Д. 4. Л. 33.
8. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 443. Л. 3.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 59. Л. 21–22.
10. ЦГАСО. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 16. Л. 4–10.
11. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 6. Д. 169. Л. 155.
12. **Буш, В. Ф.** Рынок труда в 20-е годы и в наше время / В. Ф. Буш // Экономика и организация промышленного производства. – 1989. – № 10.
13. ГАПО. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
14. ГАПО. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 258. Л. 61.
15. Положение о производственных совещаниях на предприятиях // Профсоюзы СССР. Документы и материалы. – М. : Профиздат, 1963. – Т. 2.
16. ГАПО. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 778. Л. 71.
17. **М. Б.** Профсоюзы и ножницы / М. Б. // Трудовая правда. – 1924. – 5 января.
18. На рабочей конференции // Трудовая правда. – 1924. – 1 октября.
19. ГАПО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 192. Л. 155.
20. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 138. Л. 14.

21. Тринадцатая губернская партийная конференция // Сеятель правды. – 1925. – № 32.
22. ЦГАСО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 294. Л. 3.
23. ГАУО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1177. Л. 12.
24. **Никаноров, А. О.** Производственные совещания на частных предприятиях / А. О. Никаноров // Правда. – 1924. – 23 августа.
25. Годовая работа Самарского губкома РКП (б) от XI до XII губернской партийной конференции. – Самара, 1924.
26. К XIII губернской партийной конференции. – Симбирск, 1924.

Уразова Светлана Альбертовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет

E-mail: history-pnzgu@mail.ru

Urazova Svetlana Albertovna

Candidate of historical sciences,
associate professor, sub-department
of Fatherland, state and law history,
Penza State University

УДК 94(470+571) «1920-е гг.»

Уразова, С. А.

Изменение функций профсоюзов в начальный период нэпа /
С. А. Уразова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 36–42.

УДК 1(091)

О. С. Исаева, В. П. Кошарный

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА ЕВРАЗИЙЦЕВ

Аннотация. Статья посвящена оригинальному и самобытному явлению русской философии зарубежья – евразийству. Выделены наиболее актуальные концептуальные положения трудов Н. Н. Алексева, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина и других лидеров евразийства. Рассматриваются нравственно-философские принципы евразийства как фундамент их социального проекта. Определен созидательный потенциал евразийской социальной философии.

Ключевые слова: евразийство, русское зарубежье, проект Россия-Евразии, симфоническая личность, гарантийное государство, хозяйнодержавие, принцип функциональной собственности.

Abstract. The article is devoted to an original and distinctive phenomenon of Russian expatriates' philosophy called Eurasism. The authors emphasize the most urgent conceptual aspects extracted from the relevant papers by N. N. Alekseev, N. S. Trubetsky, P. N. Savitsky, L. P. Karsavin and other leaders of eurasism. The article considers moral and philosophical principles of eurasism as the foundation of their (eurasism leaders') social project, as well as determines the creative potential of eurasism social philosophy.

Key words: eurasism, Russian expatriates, Russia-Eurasia project, symphonic personality, the protector state, functional property principles.

Евразийское течение оформилось в русском зарубежье в начале XX столетия и представило собой одно из мощных направлений философской и исторической мысли. Трагичность судеб молодых эмигрантов, изгнанных из России, во многом определяет позицию евразийцев, вызвавшую в кругах эмиграции бурные дебаты. Заявив о себе в 1921 г. выходом в свет сборника трудов под символическим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», авторы выражают настроения части эмиграции, уже пришедшей к выводу, что для России нет пути обратно, революция – это факт свершившийся, но, вопреки сложившемуся мнению, несущий в себе не только разрушительный, но и созидательный, конструктивный момент. Евразийцы полагали, что революция ознаменовала собой начало нового пути для России, пути, который раскроет все ее могущество и силу, а главное, это возможность сохранить и возродить самобытную национальную русскую культуру. Сами о себе евразийцы писали как о представителях «нового начала в мышлении и жизни, работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие» [1, с. 76].

Основоположниками евразийского течения были четыре автора, чьи работы и вошли в первый евразийский сборник. Это были языковед и этнограф Н. С. Трубецкой, искусствовед П. П. Сувчинский, философ Г. В. Фло-

ровский и экономист-географ П. Н. Савицкий. В разное время в евразийском движении также участвовали правовед Н. Н. Алексеев, историк и философ Л. П. Карсавин, историк Г. В. Вернадский и другие талантливые и видные мыслители своего времени. Книга Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920) послужила важным стимулом начала обсуждения вопроса об исторических судьбах России и своеобразии ее культурно-исторического развития.

Евразийство олицетворило собой новое мировоззрение, сформировавшееся в кругу молодых эмигрантов под воздействием войны и революции. В той исторической обстановке, которая сложилась в России в начале XX в., когда традиционные левые идеологии уже не выдерживали натиска современности, возникла необходимость поиска идеологий новых, на деле ни левых, ни правых. Приняв революцию как неизбежность, как логическое завершение европейского этапа развития России, евразийцы выстраивают свой проект новой России-Евразии. По замыслу евразийцев, она должна предстать как особый культурный мир, свободный от навязываемых ей западных стереотипов, берущий свои корни из Древней Руси и унаследовавший византийские культурные и православные традиции. Россия – это не Восток и не Запад, не Европа и не Азия, а именно Евразия. Она должна осознать свою самобытность, свою особую роль в мировом развитии. По глубочайшему убеждению евразийцев, особенность и уникальность евразийской цивилизации заключается в особом географическом положении России. Россия-Евразия является носителем срединной евразийской культуры и представляет собой уникальный сплав традиций и устоев, долгие годы формировавшихся в рамках одной неповторимой географической обстановки – евразийского месторазвития.

Проект новой России-Евразии, созданный участниками евразийского течения, охватывает все общественные, идеологические, социальные и экономические уровни. Евразийцы полагали, что век коммунистического режима не долговечен, и, когда он падет, на смену абстрактной коммунистической идеологии должна придти идеология истинная, «принципиально иная, сознательно-религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская» [2, с. 59]. Евразийцы предлагают оригинальный проект новой постсоветской России, в основании которого лежат религиозные и нравственные принципы, находящие свое выражение в силе любви, солидарности, жертвенности, служении и подвиге. Мораль и нравственность, с точки зрения евразийских теоретиков, являются основополагающим моментом для устойчивого и стабильного государственного устройства.

Философским фундаментом евразийского проекта является учение о личности (просопология или персонология). Наибольший вклад здесь внес Л. П. Карсавин своим учением о симфонической личности [3–5]. Идея бытия личности, как главная социально-философская идея, лежит в основании всей евразийской философии. По мнению евразийских теоретиков, не только индивид есть личность. Социальная группа (сословие, класс), и народ, и субъект культуры (например, культуры русско-евразийской, объемлющей многие народы, культуры европейской и т.д.), и государство, и человечество – все это личности, но, в отличие от индивидуумов, личности соборные, или симфонические. Евразийцы вкладывают в понятие личности принципиально новый для своего времени смысл. Они противопоставляют его понятию старого мирозерцания – отделенного и замкнутого в себе социального атома. Лич-

ность, по их мнению, есть живое и органическое единство многообразия. Евразийцы заменяют понятие механической связи между индивидами понятием органического единства целого, единства личного. Отсюда и их определение симфонической личности не просто как суммы индивидов, а как «их согласования (симфонии), согласованного множества и единства и – в идеале и пределе – всеединства» [6].

Каждая симфоническая личность существует только в индивидуумах и через индивидуумов, включает в себя индивидуальные личности и низшие симфонические личности и также выражает в себе высшую симфоническую личность. В свою очередь, всякая индивидуальная личность есть свободное и своеобразное выражение ближайшей к нему соборной личности. Весь мир мыслится евразийцами как единая симфоническая личность. Но всякая личность, будь то народ, культуро-субъект или даже отдельный индивид, остается потенциальной, пока не выльется в соответствующую форму своего личного бытия. Истинной формой личного бытия, как индивидуального, так и симфонического, по мнению евразийцев, является бытие церковное. Каждая личность стремится стать церковной и Церковью, а единственной истинной личностью, по мнению евразийцев, является Бог.

Ключевым моментом в системе симфонических личностей является их иерархическое расположение. Каждая симфоническая личность, по мнению Л. П. Карсавина, включает в себя не просто сумму других симфонических личностей, а их организованное и согласованное иерархическое единство. Так, например, «христианская культура, как симфоническая личность, осуществляет себя в ряде низших симфонических личностей (культуры евразийско-русская, европейско-католическая и др.), а эти низшие – в ряде народов, как народы – в последнем счете – в индивидуумах» [7, с. 144]. Иерархия определяется функциональной полнотой и спецификой деятельности той или иной личности. Каждая функциональная личность, считает Л. П. Карсавин, становится действительной лишь путем постоянного и живого взаимодействия с другими такими же личностями. Взаимообщение предполагает обмен социальным опытом между социальными группами либо отдельными индивидами, которые «жертвуют» своими предвзятыми убеждениями, отдают свои «души» другим и, таким образом, совершенствуются и развиваются. «Только чрез общение с другими людьми, т.е. чрез самоотдачу, без которой такое общение невозможно, достигается личное многообразие и личное единство индивидуума», – считают евразийцы [6]. Умственное и духовное развитие индивидуальной личности происходит, по мнению евразийцев, посредством проявления у них чувства любви. Только человек, способный любить, отдавая свою душу другим, способен найти себя как личность. Таким образом, именно любовь, любовь к людям, к Богу, как считают евразийцы, есть основа всех человеческих отношений. Сущность этого великого чувства, благодаря которому вообще существует мир, выражается в «отказе от всего «своего», от себя самого ради других, в свободной жертве, в самоотдаче» [6]. Любовь есть условие единства человека с Богом. Таким образом, по мнению евразийцев, стать действительной, обрести «полноту своего личного бытия» личность способна лишь при том условии, что ее поступками движет любовь, эмпирически выражаемая в глубоко нравственной идее – «идее бескорыстного служения другим и целому» [6].

Евразийское учение характеризуется опорой на личность, личность высоконравственную, морально устойчивую к эгоистическим проявлениям человеческой природы. Говоря о поведении индивидуальной личности, евразийцы обращаются к опыту Востока, к опыту великой монгольской монархии, основанной Чингисханом. Н. С. Трубецкой, подчеркивая великие организаторские способности Чингисхана, дает характеристику двум типам личности, посредством выделения которых Чингисхан обеспечивал своей империи силу и необыкновенную мощь. Ценимому великим завоевателем и особо импонирующему евразийцам типу личности были присущи такие добродетели, как верность, стойкость и преданность. Те же, кого он презирал, были изменниками, трусами и предателями. Первый психологический тип личности – это люди с высокими нравственными принципами, четкими моральными и жизненными установками, именно на них и хотел Чингисхан «строить свою государственную систему». «Люди такого, ценимого Чингисханом, психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия» и остаются верными своему господину до самого конца, даже когда их верность явно сулит им смерть [8, с. 39]. Они не боятся умереть, не боятся боли, несмываемым позором для них является поступок, который хоть сколько-нибудь обесчестит их или умалит их достоинство в их собственных глазах. «В сознании их всегда живет особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, – что для них страшнее смерти» [8, с. 39]. Человек этого психологического типа, повинувшись своему господину, повинувшись не ему лично, – в его лице он подчиняется начальнику наиболее высокого ранга, который, в свою очередь, является ставленником еще более высокого начальника, на вершине же этой иерархической лестницы находится Бог. Беспрекословное подчинение власти своего господина, а в его лице и в конечном итоге Богу, божественному закону – святая заповедь истинного гражданина своего государства.

Другой тип личности, выделяемый Чингисханом, – это люди с «рабской психологией». Выше чести и достоинства у этих людей стоит материальное благополучие. Страх перед повелителем, боязнь лишиться материального достатка не позволяет им вести себя в соответствии с нравственными принципами. Единственной мотивацией поведения такого человека является его собственное благосостояние и опасение лишиться его.

Такое деление людей на две психологические категории Чингисхан ставил во главу угла при своем государственном строительстве. Созданная им империя была столь могущественна именно потому, что возведена она была не на жалком безропотном подчинении, а на прочных нравственных основаниях. Могущество этого правителя заключалось в крепости духа его людей. Не физическая сила и угрозы в лице кодексов и законодательных актов делают государственное устройство стабильным и обеспечивают его устойчивость, а преклонение его граждан перед своим внутренним нравственным законом – вот та аксиома, которая делает государство сильным. Эта идея покорила евразийцев. Твердый нравственный стержень граждан и в первую очередь правительства – вот основа стабильности государства. Таким образом, нравственность – константа, лежащая в основании евразийского фило-

софского учения о личности, личности, всегда стремящейся соединиться с Богом посредством самоотдачи.

Из всего вышесказанного легко можно сделать вывод, что евразийцы утверждают абсолютный приоритет нравственности в государстве и тем самым полагают исключить право из системы социальных регуляторов общественной жизни, но это далеко не так. Евразийские мыслители лишь всячески хотят показать, что право – не основной и уж ни в коем случае не единственный регулятор. Сознательность граждан, их религиозно-нравственная деятельность, причем абсолютно свободная (ведь принудительно нравственным сделать никого нельзя), позволяют личности обрести всю полноту своего бытия. Право, по мнению евразийцев, связано лишь с низшей сферой нравственности – с идеей справедливости, и, в отличие от нравственности, право формально и обладает принудительным характером.

В середине 20-х гг. XX в. к числу участников евразийского движения присоединится правовед Н. Н. Алексеев, чья теория государственно-правовых отношений и ляжет в основу евразийского проекта. Одним из основополагающих моментов в правовой теории Алексеева является вопрос о расстановке приоритетов между правом, религией и нравственностью как социальных регуляторов. Отрицая концепцию «естественного права», как концепцию, культивирующую образец западного права, которая для русского сознания всегда оставалась нераскрытой, Алексеев отводит религии и нравственности центральное место. Право, по его мнению, устанавливает «то, что можно, а не то, что должно» [9, с. 507]. Понятие права Алексеев теснейшим образом связывает с понятием социального служения и фактически заменяет концепцию права концепцией «правообязанностей». Государство обязано служить своим гражданам, заботясь об их благополучии, и граждане, в свою очередь, должны служить своему государству, осуществляя, таким образом, все вместе «общее дело». В таком государстве все служит всему, осуществляя роль, заданную целым. Служение же и жертвенность есть понятия нравственные и религиозные. Поэтому и государство – явление по идее своей более нравственное, нежели правовое. «Служить можно и должно не только по праву, но и, главным образом, по глубоким духовным эмоциям, по чувству долга и по любви» [9, с. 532]. Таким образом, духовной основой права, согласно евразийцам, являются религия и нравственность. Отличительным моментом права «отнюдь не является внешнее принуждение». «Право есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек «свободно может» и к чему насильственно не принужден» [9, с. 604].

Подобные мысли евразийские теоретики черпают из глубокого прошлого, из Древней Руси, и, являясь последователями заволжских старцев и Нила Сорского, строят свое «государство правды» на началах религиозных и нравственных. Власть правителя такого государства происходит от Бога, милосердие должно быть основой его поступков и решений, а основной задачей его является построение истинного, праведного государства. «Государство правды» являет собой гармоничный синтез нравственности и права. По мнению Алексеева, на смену «объективному» (нормативному) праву должно прийти право установочное, гораздо в большей степени укорененное в культурно-историческом опыте народа. Для «государства правды» характерен «религиозный пафос», для правового государства – материальные устремления. Евразийцы считают, что «будущее принадлежит православному право-

вому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде» [10, с. 116].

Евразийский проект государственного устройства исходит прежде всего из определения государства, государственности как формы личного бытия и личного качественного культуры. Государственность определяет идея культуры, а устройство государства должно исходить из ясного осознания его значения как преимущественной сферы единства всей культуры. Среди сфер культуры государство формально играет ведущую роль, но по отношению к целому культуры – служебную.

Отрицая и всячески доказывая несостоятельность либерализма как формы государственного устройства, евразийцы полагают, что новая Россия-Евразия должна быть государством сильным и единым. Образ нового государства ассоциируется у евразийцев с идеей государства гарантийного. Противопоставляя гарантийное государство государству релятивистическому, евразийцы мыслят его как учреждение, обеспечивающее осуществление некоторых постоянных целей и задач. Это государство исключительно с положительной миссией. Государство гарантийное не должно руководствоваться определенными, стремящимися к совершенной цельности философским или религиозным мирозерцанием, не должно силой внушать это мирозерцание гражданам и принуждать их к исповеданию определенной системы идей любыми доступными ему средствами. То есть гарантийное государство не должно быть государством доктринальным. В нем обеспечивается проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов, некоторой стабилизированной социально-политической программы, которая рассчитывает на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, религиозных и научных убеждений. Формируя у своих граждан не мирозерцание, но «общественное мнение», государство гарантийное построено на «внешней правде», на «общественном признании», а не на «исповедании». Иными словами, согласно евразийской концепции, государство гарантийное является государством правовым, где право имеет новое, вложенное в него евразийцами значение. Права граждан в таком государстве должны быть гарантированы обязанностями государственного целого.

Главным признаком гарантийного государства является его демотичность. Подробно анализируя смысл термина «демократия», Алексеев выделяет два его значения. В широком, социальном смысле, описанным еще в древности Периклом, демократическое государство характеризуется следующими принципами: постоянным стремлением к благу наибольшего количества своих граждан; провозглашением равенства всех перед законом; оказанием человеку почести для того, чтобы вознаградить добродетель, а не для создания привилегии. Эти характеристики раскрывают «абсолют» демократической идеи. Более узкий смысл понятия «демократия» заключается в самоуправлении народа. Ключевой принцип здесь – политическое равенство, равенство главным образом в управлении государством. Это плебисцитарное значение демократии. Определяющим здесь является способность и желание голосовать. То есть самоуправление, голосование, выборы – все это, по мнению евразийцев, лишь средства, при помощи которых государство осуществляет свои цели. Таким образом, заключают евразийцы, первое понятие термина «демократия» должно называться демотией, поскольку в нем речь идет «о со-

циальном содержании государства, о его истинно «народном» характере». [11, с. 383]. Второе понятие концентрирует в себе соответствующий филологическому содержанию слова смысл: демократия, по сути, есть народоправство. Постулаты, лежащие в основе первого смыслового содержания, отражают, по мнению евразийцев, истинное значение гарантийного государства, государства, построенного по принципу социальной справедливости. Демотия – это цель государственного устройства, основной «гарантией» демотического государства является нравственность, нравственное чувство народа, «демократия есть только средство для упрочения демотического порядка» [11, с. 383].

Гарантийное государство – это государство, служащее определенной идее, поэтому его также можно назвать идеократическим. Соответственно, режим, главенствующий в гарантийном государстве, евразийские мыслители называют демотической идеократией либо идеократической демотией, что констатирует сочетание статического и динамического моментов, постоянного и подвижного. Постоянство олицетворяют собой постоянная цель, выраженная в утвержденной в конституции идее, и принципы государственной деятельности, а народ, а точнее его изменяющиеся потребности, интересы и вкусы, олицетворяет собой момент движения и развития. «Принцип и народ в известном смысле нераздельны – идея нема без народа, народ слеп без идеи», – убеждены евразийцы [11, с. 384].

Властные органы в гарантийном государстве должны представлять собой группу лиц, готовых служить ему. Формируется правящий слой путем специального «отбора» из народных масс. В «ведущий слой» должны входить люди, свободные от себялюбия и любого проявления эгоизма. Это не бюрократическая организация, ведущий слой – это воплощение «принципов высшего духовного общения», «нечто вроде духовного ордена, который призван водить морально, а не насильственно» [9, с. 589]. Характерная черта ведущего слоя – служение другим, способность жертвовать собой ради других, ради идеи. «Ведущий слой в совершенном государстве должен быть «идеократическим» отбором, то есть отбором, построенным на власти одной идеи» [9, с. 592]. Такую «идею-правительницу» Алексеев называет «эйдос», и, по их замыслу, она должна отражать не субъективную убежденность в истине, а быть истиной объективной. «Эйдос, в отличие от психологически окрашенного слова «идея», не есть одно из возможных многочисленных понятий о существующем, но необходимый, цельный, созерцательно и умственно осязаемый смысловой лик мира» [9, с. 592]. Ведущий слой должен обладать знанием высшего «эйдоса», «ему должна быть открыта высшая религиозно-философская истина, которой он призван служить и которая не может не объединять его в одно целое» [9, с. 592]. Итак, по замыслу евразийцев, идея-правительница совершенного государства должна быть такова, что ради нее правящий слой должен быть готов пожертвовать собой, и жертва эта принесется только лишь во благо какого-то общего дела, во благо всего общества, утверждая тем самым господство нравственных начал. Евразийцы подчеркивают моральную ценность идеи-правительницы и наличие морального престижа у членов правящего отбора как основного признака этой группы, главной функцией которого является нравственное руководство обществом.

С этических и нравственных позиций подходят евразийцы и к устройству экономической сферы общества. В основе их «экономического подхода»

лежат постулаты философии «подчиненной экономики», в которых подчеркивается, «как нечто необходимое и должное, связь удовлетворения наших экономических потребностей с общими началами нравственности и религии» [1, с. 85]. В евразийской теории они находят отражение в концепции «хозяйнодержавия» П. Н. Савицкого. Савицкий полагает, что настоящий хозяин должен быть «добрым хозяином», для которого первостепенной целью является забота о благополучии своих работников. В этом заключается различие между хозяином и предпринимателем, поскольку для второго главной целью является материальное обогащение. Евразийцы вовсе не считают, как можно было подумать, что хозяйство как основная производственная единица не ставит перед собой цели достичь материальной выгоды и увеличить свою прибыль. Но они замечают главное: «В хозяйском отношении к людям, кроме материальной и рациональной стороны, есть также сторона нематериальная, иррациональная. Добрый хозяин привлекает к себе людей на основе человеческих с ними отношений, т.е. в сфере, иррациональной по существу... Он заставляет уважать и любить себя – тем уважением к чужой личности и той заботой о ней, которые он проявляет» [12, с. 221]. Уважение и опять же чувство любви лежат в основе взаимоотношений хозяина и работника. Хозяин ценит свое хозяйство и как источник «чистого дохода» и, с другой стороны, как «ощутительное единство, как одухотворенную систему». Само хозяйское цениение, по мнению Савицкого, заложено изначально в природу человека.

Стать добрым хозяином, добиться хозяйственно-экономического успеха, по мнению Савицкого, можно благодаря религиозным чувствам. Система хозяйнодержавия «устанавливает связь хозяйствующей личности с Богом, утверждает богоисповедную, а не безбожную личность», утверждая тем самым личное начало в хозяйстве [12, с. 242]. Систему хозяйнодержавия Савицкий определяет как систему особого рода хозяйственной соборности, понимая соборность как категорию, которая «в противовес коллективизму, не пригнетает, но утверждает личность и через нее раскрывает некоторое общее (общественное) начало» [12, с. 242]. Таким образом, концепция хозяйнодержавия лаконично сочетает в себе начало личное и общественное как гармоничную соборную связь «хозяина-личности» и «хозяина-общества». Хозяин-личность нужен, по мнению Савицкого, там, где требуется творчество и развитие. Хозяину-личности присущи хозяйская воля и хозяйский глаз, что несвойственно хозяину-обществу и делает его ущербным, по сравнению с хозяином-личностью. Хозяин-общество возможен, лишь когда требуется «охранение» и не нужно развитие и творческий потенциал личности.

Таким образом, П. Н. Савицкий строит систему хозяйнодержавия на законах нравственности. Обосновывая личнохозяйственное начало в хозяйстве и разграничивая сферу хозяйства и сферу экономики, он предлагает выйти за пределы «чисто» экономического принципа в ведении хозяйственной деятельности. Экономика может быть и бесхозяйственной, нанося тем самым ущерб и самому человеку, поэтому в мотивации поступков хозяина должны превалировать ценности абсолютные, духовные, а вовсе не беспринципное стремление к обогащению и максимальной прибыли.

Существенное внимание в своем проекте евразийцы уделяют вопросу собственности. В чьих руках должна быть сосредоточена собственность и кому, в соответствии с этим, она должна приносить пользу? Казалось бы, все предельно просто: владелец частной собственности всю прибыль, которую

ему приносит его владение, забирает себе, не считая, конечно, «некоторых» налоговых обложений. Если же собственность находится в руках государства, блага, ею приносимые, должны способствовать улучшению благосостояния всего общества. Евразийцы же решают вопрос иначе. Они полагают, что собственник владеет собственностью по воле других людей, а не в результате естественного права, т.е. относительно, а не безусловно. Право распоряжения собственностью должно ограничиваться государством в случае, если оно наносит вред обществу. Согласно евразийской концепции, собственность должна быть функциональной. Собственность, частная она или же общественная, должна приносить максимальную социальную пользу всему обществу. Функциональная собственность устанавливает особое отношение между общественным целым и субъектом права собственности. Тот, кто владеет собственностью, имеет права, но в то же время на нем лежат и обязанности терпеть право собственности других и не мешать его использованию, с одной стороны, с другой – на всяком другом лежат обязанности и в то же время и права. Такая двусторонняя связь характеризует принцип функциональной собственности. Осуществление принципа функциональной собственности возможно, по мнению евразийцев, только в государственно-частной системе хозяйствования.

Итак, будущее государственное устройство России видится евразийцами исходя из нравственных установок. Этический, моральный компонент пронизывает весь их социальный проект. Евразийцы полагают, что сильное государство – это государство, в котором право подчинено морали и религии, его надежным фундаментом выступает твердый нравственный стержень личности, личности, для которой приоритет соборного целого стоит на первом месте. Евразийцы мыслят будущее идеальное государство «государством Общего Дела», где каждый гражданин способен пожертвовать собой во благо государства, а оно, в свою очередь, создает для него условия для полного духовного совершенствования. Строй, где личный эгоизм не затмевает здравого смысла, где ценности духовные и абсолютные не должны оспаривать свой приоритет перед ценностями материальными – это ли не актуально для современной России! Россия находится на краю пропасти. Кто знает, как долго ей еще удастся балансировать на грани духовного и нравственного кризиса. Моральное совершенствование граждан, воспитание нравственно «здорового» поколения – вот главная задача сейчас (то, о чем евразийцы писали уже десятки лет назад). Государство должно быть гарантом социальной справедливости. Россия в очередной раз стоит перед выбором пути развития. Настало время обратиться к прошлому, к традициям, к национальной культуре, к религии, чтобы не совершить ошибок в будущем, услышать призыв евразийцев.

Список литературы

1. **Савицкий, П. Н.** Евразийство // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли / П. Н. Савицкий. – М. : Беловодье, 1997.
2. **Савицкий, П. Н.** Евразийство (опыт систематического изложения) / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
3. **Карсавин, Л. П.** Церковь, личность и государство / Л. П. Карсавин. – Париж : Евраз. кн. изд-во, 1927. – 30 с.
4. **Карсавин, Л. П.** О Личности / Л. П. Карсавин. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 437 с.

5. **Кошарный, В. П.** Л. П. Карсавин: учение о симфонической личности и философия истории // В. П. Кошарный // История русской философии : учеб. для вузов / редкол.: М. А. Маслин [и др.]. – М. : КДУ, 2008. – 638 с.
6. **Карсавин, Л. П.** Основы политики / Л. П. Карсавин // Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5. – С. 185–239.
7. **Карсавин, Л. П.** Феноменология революции / Л. П. Карсавин // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М. : Беловодье, 1997.
8. **Трубецкой, Н. С.** Наследие Чингисхана // Вестник Московского университета. – 1991. – № 4. – С. 33–78. – (Сер. 9. Филология).
9. **Алексеев, Н. Н.** Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи / Н. Н. Алексеев // Русский народ и государство. – М. : Аграф, 1998. – 640 с.
10. **Алексеев, Н. Н.** Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев // Русский народ и государство. – М. : Аграф, 1998. – 640 с.
11. **Алексеев, Н. Н.** О гарантийном государстве / Н. Н. Алексеев // Русский народ и государство. – М. : Аграф, 1998. – 640 с.
12. **Савицкий, П. Н.** Хозяин и хозяйство / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.

Исаева Оксана Сергеевна
аспирант, Пензенский
государственный университет
E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Isaeva Oksana Sergeevna
Postgraduate student,
Penza State University

Кошарный Валерий Павлович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Пензенский государственный
университет
E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Kosharny Valery Pavlovich
Doctor of philosophy, professor,
head of sub-department of philosophy,
Penza State University

УДК 1(091)

Исаева, О. С.

Нравственно-философские основания социального проекта евразийцев / О. С. Исаева, В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 43–52.

ПОНЯТИЕ ВИРТУАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. В статье раскрывается философская сущность виртуальности. Выявлены общий механизм и феномены виртуального, систематизируется круг понятий, описывающих и объясняющих виртуальное, находится общая природа множественности виртуальных явлений. Предлагаются категории, раскрывающие смысл виртуального: состояние, взаимодействие, взаимосвязь. На данном основании выводится определение виртуального и обобщаются его свойства.

Ключевые слова: виртуальность, виртуальное, состояние, взаимодействие, взаимосвязь, бытие.

Abstract. The article reveals the philosophical essence of virtuality. The author discloses the general mechanism and phenomena of virtual, systemizes the descriptions and explanations the virtuality, and analyzes the multiplicity nature of virtual events. The article offers the categories that explain the meaning of the virtual: a status, an interaction, an interrelation. Taking into account those categories the author defines virtuality and summarizes its qualities.

Keywords: virtuality, virtual, state, interaction, interrelation, objective reality.

С последней четверти XX в. мы все интенсивнее слышим с экрана телевизора, читаем в научной и художественной литературе о проблемах виртуального. Об этом говорят политики, государственные деятели, ученые, философы. С виртуальными явлениями мы сталкиваемся в быту, на работе, при решении множественных жизненных проблем. Очевидно, происходит перестройка всех сфер жизни общества, «становление информационно-модельной системы интенсификации», стимулирующей все большее использование информации как ресурса развития и важнейшего качественного фактора... В роли ускорителя данного процесса выступают информационные технологии [1, с. 109].

Возникает естественный вопрос: «В чем сущность виртуальности?». Среди множественных определений и подходов отсутствует конкретный ответ, подходящий ко всем случаям. На наш взгляд, чтобы ответить на него, нам предстоит раскрыть философскую сущность виртуального. В данной статье мы постараемся решить три задачи: во-первых, раскрыть общий механизм и феномены виртуального; во-вторых, систематизировать круг понятий, описывающих и объясняющих виртуальное; в-третьих, найти общую природу множественности виртуальных явлений.

Анализ существующих в научной литературе множественных подходов к виртуальному свидетельствует, что данный термин применяется в онтологическом, гносеологическом, психологическом контексте, а критерием классификации является происхождение виртуального.

Психологический смысл виртуального мы встречаем в трудах доктора психологических наук Н. А. Носова. Термин «virtus» он раскрывает следующим образом:

- 1) мужественность, мужество; энергия, сила; доблесть;
- 2) доблесть дела, героические подвиги;

3) превосходное качество; отличные качества, достоинства; талант, дарование;

4) добродетель, нравственное совершенство, нравственная порядочность, душевное благородство [2, с. 63].

Особое значение понятия «виртуальный» представлено в трудах Л. А. Микешиной, М. И. Опенкова. Они распространяют понятие «виртуальное» в области гносеологии. Авторы полагают, что как само познание, так и учения о нем насыщены необычными феноменами – виртуальными объектами, которые продуцируются не только электронными системами, что чаще всего становится предметом внимания, но также взаимодействием человека с другими людьми в коммуникации, в разных формах текстового и иных диалогов [3, с. 188–229].

Широкое исследование получает анализ онтологического аспекта виртуального.

В онтологическом контексте многие авторы часто вкладывают в понятие виртуального смысл «потенциальный» и «возможный».

В словаре иностранных слов понятие «*virtualis*» переводится так:

1) возможный; такой, который может и должен проявиться при определенных условиях;

2) кажущийся, ирреальный, иллюзорный [4, с. 97].

С английского языка слово «*virtual*» переводится как «фактический, действительный» [5, с. 568], с французского – «виртуальный, возможный, потенциальный, скрытый» [6, с. 425].

Многие ученые возникновения виртуального часто связывают с компьютерными технологиями. Следует отметить, что идея виртуального проходит долгий путь становления в рамках истории философии и получает развитие в рамках современной науки. Первые представления о виртуальном сформулированы в рамках античной культуры. Древнегреческие мыслители при трактовке понятия виртуального опирались на ведущую силу разума. Впервые идея виртуального встречается в работах Аристотеля (но само понятие отсутствует), для его раскрытия философ использует категории «*dynamis*», «*energeia*» и «*энтелехия*». Термин «*dynamis*» обозначал возможность, потенцию, способность; «*energeia*» – энергию, деятельность, осуществление; «*энтелехия*» – действительность, осуществленность. В этом срезе Аристотель предполагал за потенциальностью возможность не претворяться ни во что актуальное: «...среди несуществующего что-то есть в возможности; но... оно не есть в действительности» [7, с. 238].

Уже в работах Аристотеля мы видим, что виртуальное имеет противоречивую сущность между потенцией и реальностью. Чтобы раскрыть сущность данного явления, он специально разработал понятие «*энтелехия*», что означает «обязательный переход возможности посредством энергии в реальность» [8, с. 126]. *Энтелехия* является действительно организованной материей и ее целостным осуществлением.

Понятие *энтелехии* выражает ту ситуацию, когда бытие может выступать в своих аналитически неочевидных и рационально до конца неразложимых чертах. В акте *энтелехии* реализуется структурное самоподобие мира, мира культуры и мира данного человека, личность становится микрокосмом. Все это позволяет рассматривать виртуальное как категорию, причастную

бытию субъекта, как «руководство к изменению всего человека в его существе» [9, с. 350].

Аристотелевская триада понятий приближается по своему содержанию к категории «*dynamis*» С. С. Хоружего, который приходит к выводу, что энергия получает статус первопричины перехода возможности в действительность, обозначая себя как бытие-действие, и именно она и является адекватным языком передачи виртуальной реальности [10, с. 57].

Термин «*virtus*» мы впервые встречаем в работах Марка Туллия Цицерона. Данного мнения придерживаются также такие ученые, как Н. А. Носов, Т. А. Кирик, С. И. Орехов и др. В частности, в книге «О природе богов» можно найти понятие «*virtus*» в значении «добродетель» [11]. В таком же ракурсе категория «виртуальный» анализируется в период европейского Средневековья. Термин «*virtus*» начинает использоваться не только как категория, обозначающая энергетический акт действия, но и как нечто промежуточное между актуальным и потенциальным. Здесь «*virtus*» рассматривается как способность к добродетельным поступкам. В работах Фомы Аквинского [12], Иоанна Дунса Скота [13, с. 27–33], Николая Кузанского [14, с. 46–47, 33–94] категория «виртуальный» активно применялась для решения ряда фундаментальных философских проблем: конструирования сложных вещей из простых, энергетической составляющей акта действия, соотношения потенциального и актуального, возможности сосуществования реальностей разного уровня и др.

Такая позиция порождает противоречия в миропонимании, где все будущее уже содержится в существующем, лишь со временем проявляясь. Эти проблемы решались за счет полагания реальности второго уровня (в пределе – божественной реальности), в которой виртуально присутствует энергия («*virtus*»), дающая силу для разворачивания акта. Итак, если нечто существует, то существует вечно, в особой потенциальной форме. Актуально существующего нет, оно эфемерно и иллюзорно, т.е. порождения не происходит.

В Новое время в работах Канта, Лейбница, Гегеля происходит насыщение содержания понятия «*virtus*» за счет дистинкций, трудноуловимых различий, интерпретаций. В основном сохраняются классические значения: *virtus* – добродетель, сила, потенция [2, с. 63].

Анализ понятия «*virtus*» мы встречаем у Г. Лейбница, А. Бергсона [15, с. 160–317], А. Н. Леонтьева и др. На наш взгляд, ярко выражена она словами А. Н. Леонтьева: «Хотя оно (чувственное знание) и хранится в голове человека, но не как «готовая вещь», а лишь виртуально – в виде сформировавшихся физиологических мозговых констелляций, которые способны реализовать субъективный образ объекта» [16, с. 71].

Как мы видим, в научной картине мира Нового времени признавалась лишь одна реальность – природная, сохранялась идея силы (потенции) (схоластического «*virtus*»), и различались физические, психические и другие силы. Однако эта картина мира была внутренне противоречива. Если в случае природных явлений (например, притяжения двух предметов) еще можно апеллировать к тому, что таков закон всего космоса (всемирный закон тяготения), то для более сложных общественных явлений (например, отношения двух людей) требуется признание каких-то промежуточных уровней реальности, которые объясняли бы, почему в одном случае отношения соответствуют одному типу законов, а в другом – другому.

Возрождение идеи виртуальности в XX в. явилось реакцией на кризис новоевропейской культуры, перемены в науке и обнаруживают себя при синергетическом подходе, где фиксируется непредсказуемое поведение неравновесных систем. Научно-техническая революция в физике, рост компьютерной техники, глобализация внесли изменения в исследования виртуального. Накопление экспериментальных фактов обусловило введение в научный оборот понятия виртуальных частиц, которые возникают и существуют чрезвычайно короткое время только при акте взаимодействия. Вопрос о реальности подобных частиц широко анализируется в работах и по философии, и непосредственно в физике.

Результаты, полученные физикой элементарных частиц, привели философов к выводу, что виртуальные частицы – это объективно существующая реальность [17], характеризующаяся неопределенностью своего бытия.

В настоящее время параллель между вариантом средневекового понятия «*virtus*» и современного «виртуальное» проводят практически все исследователи, занимающиеся данной проблемой. Это учитываем и мы.

На наш взгляд, к виртуальному в большей степени применим термин «состояние», хорошо разработанный в трудах В. И. Кемкина. «Понятие «состояние» позволяет уточнить представления, складывающиеся в структуре физической теории, которые характеризуют поведение, функционирование объекта как целого в определенных пространственно-временных условиях. «Состояние» в физике выступает в логико-гносеологическом аспекте в качестве понятия, отражающего существенные параметры физических объектов, и связано оно с обнаружением их целостных срезов. Это позволяет в каждом конкретном случае выявить способы реализации бытия физических систем, т.е. их состояния» [18, с. 14].

В широком плане «состояние» способно охватить бытие объекта не только в определенных пространственно-временных условиях, но и в единстве всех количественных и качественных сторон.

Для нас особое значение имеет мнение В. Гейзенберга. Для него понятие «состояние» обозначает скорее возможность, чем действительность, и... его можно просто заменить словом «возможность» [19]. Здесь термин «возможность» употребляется как категория, соотнесенная с категорией «действительность».

По нашему мнению, виртуальное состояние возникает как интегральное качество, возникающее в результате взаимодействия элементов целого. Еще в Новое время Г. Лейбниц писал: «Все во Вселенной находится в такой связи, что настоящее всегда скрывает в своих недрах будущее, и всякое данное состояние объяснимо естественным образом только из непосредственно предшествующих ему» [20, с. 418].

Процесс взаимодействия как процесс обмена виртуальными частицами рассматривали в своих трудах Л. А. Микешина и М. Ю. Опенков. Квантовые эффекты, по их словам, могут приостановить действие закона сохранения энергии на очень короткое время, в течение которого энергия может быть «взята взаймы» на различные цели, в том числе на рождение частиц. Все возникающие в этом случае частицы будут короткоживущими, так как израсходованная на них энергия будет возвращена спустя ничтожную долю секунды. Частицы могут возникнуть «из ничего», обретя мимолетное бытие, прежде чем исчезнуть.

Авторы рассматривают частицы только в их взаимосвязи с целым и утверждают, что «то, что раньше казалось пустым пространством, в действительности «кишит» виртуальными частицами, к которым относятся и частицы-переносчики взаимодействий. Квантовый подход требует рассматривать частицы только в их взаимосвязи с целым. Теория квантового поля изображает все взаимодействия как процесс обмена виртуальными частицами. Чем сильнее взаимодействия, тем выше вероятность соответствующего процесса и тем чаще происходит обмен» [3, с. 198–199].

Структурная сложность виртуализирующейся системы, внутренние и внешние взаимодействия, связи и отношения обеспечивают не только возникновение нового качества, но и устойчивый характер этого процесса.

Взаимодействие, по словам Б. Ф. Кевбрина, – это борьба (противоположностей), способствующая усложнению системы [21, с. 54].

Итак, виртуальное состояние возникает в результате взаимодействия компонентов целого между собой. Наличие устойчивых связей между компонентами виртуального при определенных условиях позволяет возникнуть данному состоянию и сохраниться в определенный период времени.

В античное время размышления о характере взаимодействия ставили еще перед древними мыслителями проблему демаркации виртуального объекта от не виртуального, которая не может возникнуть без взаимодействия; взаимодействие же не производится без какого-либо движения. Ведь если бы существовала всеобщая неподвижность, то одно с другим не могло бы соединиться, потому что одно приводится в движение другим, а при общей статике и отсутствии движения не может возникнуть никакое взаимодействие.

Вторая половина XX в. характеризуется бурным развитием компьютерных информационных технологий. Этот процесс сопровождается фактически глобальной информатизацией всех сфер общественной жизни – от повсеместного использования персональных компьютеров и различных бытовых электронных приборов до автоматизации управления компаниями. Во всех странах Запада, в том числе и в России, создаются электронные правительства, формируется рынок информационных технологий.

Развитие инфомационно-коммуникативных технологий привело к появлению глобальных компьютерных сетей. Самой крупной в настоящее время является сеть Интернет, которая претендует на роль универсальной информационной сети мира. Появившись в современном виде в 1980-х гг., Интернет в настоящее время охватывает все страны мира. Пользователем Интернета является почти каждый второй житель планеты.

В настоящее время Интернет представляет собой в той или иной степени глобальное виртуальное пространство, которое можно рассматривать как единое псевдопространство в виде информационной проекции реального пространства, объединяющей все существующие телекоммуникационные и информационные сети. В современном мире именно Интернет стал той структурой, которая оказалась способной объединить разрозненные телекоммуникационные и информационные сети (телефонные, радио-, телевизионные, телеграфные, факсимильные связи, отдельные компьютерные и т.д.). Формирование глобальных информационных сетей стало прямым следствием развития компьютерных технологий, которые и послужили основой для наблюдающейся в настоящее время конвергенции телекоммуникационных сетей. Поэтому глобальное информационное пространство носит прежде всего

кибернетический (компьютерный) виртуальный характер. При возникновении компьютера и компьютерных технологий виртуальное обретает новое качество – быть зримым.

Вышесказанное демонстрирует нам, скорее, общие исследования виртуального. Нас же далее интересует то, как в научной литературе решался вопрос о характеристике виртуального бытия.

Виртуальное бытие есть иное, нежели естественное, бытие вещей. Образ в виртуальном бытии задан носителем, в котором он раскрыт (допустим, в компьютере и т.д.), и является принципиально иным по отношению к человеку, который в нем сознательно действует. Если тело человека едино с его сущностью, символически выражая ее, то ее виртуальный образ есть иное по отношению к его сущности – иносказание, аллегория.

Подтверждением этому является идея Н. Карпинского, который в своей работе «Онтология виртуальной реальности» [22] сформулировал следующие характеристики виртуального бытия:

- 1) виртуальная реальность есть реальность образная;
- 2) образы виртуальной реальности не имеют предметно-сущностного содержания;
- 3) образная реальность является ареной проявления действия свободной воли человека;
- 4) образ, в котором воплощена воля человека, является принципиально иным по отношению к человеку, является не его выражением, так как полностью определен программой, задающей виртуальную реальность, и носителем, в которой эта программа раскрыта.

Выделив эти характеристики, Н. Карпинский обратился к описанию виртуального мира, носителем которого являются информационные технологии.

При допущении гипотетической возможности бесконечного развития этих технологий автор усомнился в универсальности выделенных критериев. Сама такая гипотетическая возможность их не опровергает, но тем не менее с определенных позиций делает их неочевидными, что потребовало от автора формулировки еще одной, более надежной принципиальной характеристики: виртуальная реальность ограничена программой, ее задающей, и человек внутри нее принципиально не может ни изменить, ни вообще как-то воздействовать на программу.

М. С. Кунафин в статье «Виртуальное бытие» [23, с. 73–74] характеризует виртуальную реальность через четыре «измерения»:

- 1) виртуальная реальность есть артефакт, т.е. не имеет онтологических оснований, не обладает статусом бытия;
- 2) виртуальная реальность лишена спонтанности и беспредпосылочности;
- 3) виртуальная реальность ирреальна;
- 4) виртуальная реальность иллюзорна.

Мы не можем полностью согласиться с мнением М. С. Кунафина, что виртуальная реальность не обладает статусом бытия. В связи с этим можно утверждать, что виртуальная реальность обладает статусом бытия, но бытие виртуального отличается от бытия естественного, материального. Это иное бытие.

Методологический посыл большинства исследователей рассматривает виртуальное как замещение объективного, материального потенциальным,

относительно устойчивым и самостоятельным образом, реально существующим, что фиксируется как устойчивая тенденция «виртуализации», «семилякризисации» человека и общества.

В этом же ключе работают другие исследователи, видящие в ней искусственно созданную компьютерными технологиями среду, в которую можно проникать, меняя ее изнутри, наблюдая трансформации и испытывая при этом реальные ощущения. Попав в этот тип аудиовизуальной реальности, можно вступать в контакт не только с другими людьми, но и с другими персонажами [24].

События виртуальной реальности достаточно объективны и не зависят от человека-неоператора, подчиняются определенной логике: они условны; удовлетворяют требованию обратной связи, т.е. меняются, реагируя на действия и поведение виртуального оператора; логика событий виртуальной реальности подчиняется «законам» данной реальности, которые разные для отдельных видов виртуальных реальностей.

Полным содержанием виртуального состояния является вся совокупность свойств составных элементов в некоторый период ее бытия и в определенной системе отношений. Виртуальное обладает бесконечным многообразием свойств в любой момент своего существования. Не все свойства виртуального необходимо учитывать при выражении его состояния, что обуславливается конкретной задачей исследования.

В основе виртуального лежит бытийность. С возникновением компьютерной виртуальной реальности понятие «виртуальное» расширяется и обретает качество иллюзорности, n -мерности, конструктивности и новые пространственно-временные характеристики, так как виртуальное получает определенные границы существования, заложенные непосредственно разработчиком, и может быть прервана при определенных условиях, контролируемых программистом. Время является формой бытия объективной реальности, а пространство структурой объекта и объективной реальности в целом. Рассмотрим основные свойства пространства: объективность, взаимное расположение объектов по отношению друг к другу в пространстве, протяженность, трехмерность, обратимость, симметрия, взаимодействие объектов, сосуществование – и соотнесем их с параметрами виртуального пространства. Виртуальному, в отличие от элементов объективной реальности, не присуще свойство объективности, так как все объекты, которые имеют место в виртуальном состоянии, ирреальны, иллюзорны, и основные качества задаются непосредственно разработчиком. Взаимное расположение объектов по отношению друг к другу в виртуальном пространстве также подчиняется тем измерениям, которые были непосредственно задуманы при разработке программного продукта, их нельзя измерить привычными для нас средствами измерения. Протяженность виртуального также имеет те границы, которые заданы виртуально. О понятии «трехмерность» следует сказать следующее: на данном этапе в виртуальной реальности присутствует трехмерное измерение, и если говорить о компьютерной игре, то персонажи перемещаются в трехмерном измерении. Архитектурное сооружение, например, также можно посмотреть в данном измерении и т.д., но следует отметить, что в зависимости от условий виртуальная реальность может быть n -мерна. Обратимость присуща виртуальной реальности, так как то, что произошло виртуально, можно вернуть или просмотреть. Симметрия не находит своего толкования в вирту-

альной реальности. Взаимодействие объектов и их сосуществование происходит также на уровне сознания человека и только с его помощью.

Немаловажная особенность виртуального пространства – это мгновенный доступ к любой области пространства, в отличие от пространства ординарной реальности, где для этого требуется затрата значительных усилий и времени на перемещение из одной точки в другую.

Развитие телефонии, радио, телевидения и электронной почты привело к тому, что понятие пространства (расстояния) стало относительным. Этот феномен в науке получил название сжатия пространства (time-space compression). Несмотря на то, что собственно физическое расстояние не изменилось, его восприятие в сознании отдельного человека и всего общества стало несколько иным. Фактически земное пространство «сжалось» в одну точку, и доступность того или иного места на Земле определяется не расстоянием между пунктами, а информационной (в отношении получения информации) доступностью. Американец Дж. Коткин, например, в связи с этим говорит о формировании совершенно новой географии мира, о том, что с появлением Интернета география не просто не кончается, но едва ли не только-только начинается. Если раньше все решал фактор расстояния между двумя объектами в пространстве, то теперь главную роль начинают играть свойства самого объекта на основе исходной дифференциации природной и социальной среды [25, с. 7–8].

Исходя из приведенного анализа, мы можем выделить следующие категории, раскрывающие смысл виртуального: состояние, взаимодействие, взаимосвязь, и на данном основании выведем определение виртуального и обобщим его свойства.

Виртуальный (от лат. *virtus*) – это понятие, обозначающее состояние, возникающее в результате взаимодействия определенных элементов объективной и субъективной действительности (элементов нашего сознания, компьютера и человека), при наличии определенных искусственно созданных условий и взаимосвязей внутренних компонентов целого, существующее как относительно самостоятельная целостная структура неопределенное время и характеризующееся неопределенностью своего бытия.

Мы можем выделить следующие особенности виртуального:

1. Виртуальное возникает от довиртуального состояния относительного покоя в результате взаимодействия.

2. Виртуальное состояние – результат становления определенных новых условий (отношений и связей между элементами структуры).

3. Виртуальное состояние (искусственное) по отношению к довиртуальному состоянию существует столько, сколько позволяют отношения и связи между взаимодействующими элементами системы. При исчезновении условий система неизбежно возвращается в довиртуальное состояние.

В итоге стоит отметить, что основным качеством виртуального является виртуальность, которую характеризуют следующие свойства:

- 1) неопределенность существования во времени;
- 2) иллюзорность;
- 3) *n*-мерность (заданностью измерения);
- 4) конструированность;
- 5) искусственность по отношению к естественному (довиртуальному).

Список литературы

1. **Зейналов, Г. Г.** Человечество в поисках альтернативного пути развития / Г. Г. Зейналов. – М. : Прометей, 1999. – 200 с.
2. **Носов, Н. А.** Словарь виртуальных терминов / Н. А. Носов // Труды лаборатории виртуалистики. – Вып. 7. Труды Центра профориентации. – М. : Путь, 2000. – 69 с.
3. **Микешина, Л. А.** Новые образы познания и реальности / Л. А. Микешина, М. Ю. Опенков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 240 с.
4. Универсальный словарь иностранных слов русского языка / под ред. Т. Волновой. – М. : Вече, 2001. – 688 с.
5. Англо-русский словарь / сост. В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. ; Медиа, 2005. – 589 с.
6. Большой французско-русский, русско-французский словарь / сост. Э. Ю. Понятин, Т. П. Понятина. – М. : ЗАО Центрополиграф, 2005. – 703 с.
7. **Аристотель.** Метафизика / Аристотель // Соч. : в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – 550 с.
8. **Грязнова, Е. В.** Виртуальная реальность: анализ смысловых элементов понятия / Е. В. Грязнова // Философские науки. – 2005. – № 2. – С. 125–143.
9. **Хайдеггер, М.** Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер ; сост., пер. с нем. и коммент. В. В. Библихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
10. **Хоружий, С. С.** Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 53–68.
11. **Цицерон, М. Т.** О природе Богов / М. Т. Цицерон ; пер. с лат. С. Блажеевского. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 288 с.
12. **Фома Аквинский.** Сумма теологии. Ч. I–II / Фома Аквинский. – Киев : Ника-Центр ; Эльга ; СПб. : Алетейя, 2007. – 835 с.
13. **Heim, M.** The metaphysics of virtual reality / M. Heim // Virtual reality: theory, practice and promise. – Westport and London, 1991. – P. 27–33.
14. **Кузанский, Н.** О видении Бога / Н. Кузанский // Сочинения : в 2 т. Т. 2. Перевод / Н. Кузанский ; общ. ред. В. В. Соколова и З. А. Тажуризиной. – М. : Мысль, 1980. – 471 с.
15. **Бергсон, А.** Опыт о непосредственных данных сознания, материя и память // Собрание сочинений : в 4 т. / А. Бергсон. – М. : Московский клуб, 1992. – Т. 1. – 336 с.
16. **Леонтьев, А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1977. – 304 с.
17. **Готт, В. С.** О философских вопросах теории виртуальных частиц и процессов / В. С. Готт, А. Ф. Перетурин // Философские науки. – 1965. – № 4. – С. 10–20.
18. **Кемкин, В. И.** Категория «состояние» в научном познании / В. И. Кемкин. – М. : Высш. шк., 1983. – 120 с.
19. **Гейзенберг, В.** Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М. : Прогресс, 1987. – 366 с.
20. **Лейбниц, Г.** Новые опыты о человеческом разуме / Г. Лейбниц ; пер. с фр. П. С. Юшкевича. – М. : Мысль, 1983. – 686 с.
21. **Кевбрин, Б. Ф.** Развитие. Детерминизм. Закон / Б. Ф. Кевбрин. – М. : Моск. ун-т потребительской кооперации, 1998. – 244 с.
22. **Карпинский, Н.** Онтология виртуальной реальности / Н. Карпинский. – URL: <http://tvfi.narod.ru/virtual.htm>
23. **Кунафин, М. С.** Виртуальное бытие / М. С. Кунафин // XXI век: будущее России в философском измерении : матер. II Российского философского конгресса. Т. 1, Ч. 2. Онтология, гносеология и методология науки, логика. – Екатеринбург, 1999. – С. 73–74.

24. **Макаров, В. В.** Конструирование и виртуальность как принципы онтологии реальности / В. В. Макаров, В. В. Хлипун // Форум «Трансформация сознания в эпоху интернета». – URL: http://www.futureRussia.ru/conf/forum_transform_makarovhlipun.html
25. **Перфильев, Ю. Ю.** Российское Интернет-пространство: развитие и структура / Ю. Ю. Перфильев. – М. : Гардарики, 2003. – 272 с.
-

Немыкина Ольга Ивановна

ассистент, Саранский
кооперативный институт автономной
некоммерческой организации высшего
профессионального образования
Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»

E-mail: nemykina_olga@mail.ru

Nemykina Olga Ivanovna

Assistant, Saransk Cooperative Institute
of the autonomous non-profit organization
of higher professional education
of the Centrosojuz of Russia “Russian
University of Cooperation”

УДК 130.2:004.946

Немыкина, О. И.

Понятие виртуальности в философском контексте / О. И. Немикина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 53–62.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ, ПРИРОДА СУБЪЕКТИВНОСТИ И ФЕНОМЕН СМЫСЛА

Аннотация. В статье анализируются современные стратегии исследования субъективности, природы сознания и смысла. Особое внимание уделяется полемике между концепциями, редуцирующими субъективное качество психики, и концепциями, отстаивающими качественное своеобразие сознания, нередуцируемость субъективной онтологии.

Ключевые слова: современная философия сознания, онтология субъективности, смысл.

Abstract. The article analyzes the modern strategies of researching subjectivity, nature of consciousness and meaning. The author places emphasis on controversies between the concepts standing for reduction of subjective quality of the state of mind and the concepts that defend the qualitative originality of consciousness and the irreducibility of subjective ontology.

Key words: modern philosophy of consciousness, the ontology of subjectivity, the meaning.

Весьма симптоматична, показательна в контексте столкновения феноменолого-постмодернистской и объективистской смысловых парадигм [1] та ситуация, которая складывается сегодня в области исследований сознания (атаки на «бастион сознания» в англоязычной философии). Философия сознания, с нашей точки зрения, является той призмой, сквозь которую преломляются и проявляются все основные стратегии, недостатки и возможные точки роста современной мировой философии. Современная англоязычная философия сознания представляет собой довольно пестрое и на первый взгляд неупорядоченное собрание школ, течений и отдельных концепций. Вместе с тем все это многообразие упорядочивается и структурируется вокруг двух основных тенденций, проливающих свет на перспективы формирования современной смысловой системы, – прогрессивной и регрессивной.

Прогрессивная тенденция связана, с нашей точки зрения, с общей стратегией философского объективизма, или материализма. Речь здесь идет не столько о тех школах и течениях англоязычной философии (теория тождества, методологический и логический бихевиоризм, элиминативный материализм, различные формы функционализма), имея в виду которые «натурализм» и «реализм» называют «семейными» чертами англоязычной, прежде всего американской, философии, сколько о новейших концепциях недуализма и эмерджентизма, авторы которых все чаще подчеркивают, что сознание – это естественное свойство, проявление нейрофизиологической организации мозга. Характерно то, что «классическая» дуалистическая концепция в лице ее известнейших представителей в XX в. – Ч. Шеррингтона, Д. Е. Эдриана, Дж. Экклса – рассматривается большинством современных авторов вскользь, как давно дискредитировавшая себя концепция, а первые варианты эмерджентной теории, где сознание трактуется как проявление Theos или Mind, и вовсе не упоминаются. Так, Дж. Р. Серл, один из крупнейших сторонников эмерджентной теории, которого, впрочем, как и Т. Нагеля, оппо-

ненты называют недуалистом [2, с. 190], поскольку для обоих сознание обладает неэлиминируемой субъективной онтологией, пишет следующее: «Знаменитая проблема сознания и тела – источник стольких противоречий за последние два тысячелетия – имеет простое решение. Оно было доступно любому образованному человеку с того времени, как приблизительно столетие назад началась серьезная работа по исследованию мозга... Вот это решение: ментальные феномены причинно обусловлены нейрофизиологическими процессами в мозге и сами являются свойствами мозга» [3, с. 24]. Этот же смысл вложен в другое, метафорическое, высказывание Серла, всеми силами стремящегося дистанцироваться от традиционной концепции дуализма, подвергающей сомнению возможности научной рациональности в области изучения тайны сознания: «Облако философского скептицизма конденсируется в каплю нейронауки» [3, с. 87].

Вторая, регрессивная, тенденция связана с консервацией и реинтеграцией архаичных форм и способов мышления, скрытых под напластованиями бессмысленных языковых конструкций. Объективизм (материализм) англоязычной философии имеет существенный недостаток, порок – это механистический, физикалистский материализм, скатывающийся то в крайность «панобъективизма», отрицающего субъективность как таковую, то приводящий к рецидивам дуализма. Такая форма материализма едва ли превосходит механистический и метафизический материализм XVIII в., переводя вопрос «Монизм или дуализм?» в разряд неразрешимых вопросов. С этих позиций монистами и материалистами мы можем считать себя только в том случае, если отрицаем существование «квалиа», особого ментального содержания наших переживаний, сознания; если же, напротив, мы признаем существование последнего, бросаем «в этот метафизический котел нечто нередуцируемо субъективное», то автоматически становимся дуалистами, нанося непоправимый удар объективистской научной рациональности. Серл справедливо усматривает глубинную связь между дуализмом и указанной формой материализма и называет такую систему взглядов «дуалистическо-материалистической». К сожалению, другие формы материализма ему не известны.

В некотором отношении Серл, как и Нагель, идет дальше указанного типа мышления, вводя в свое исследование категории субъективного и объективного, «онтологии от первого лица» и «онтологии от третьего лица», т.е. такого содержания, которое зависит от наблюдателя, субъекта, и такого содержания, которое не зависит ни от каких наблюдателей. Однако и эта светлая мысль не получает в горизонтах эмерджентизма глубокого, последовательного развития. Серл не развивает эту диалектику в категориях первичности, субстанциальности материи и, соответственно, вторичности и производности сознания как свойства определенного вида (формы) материи, что, безусловно, влечет за собой необходимость разработки конкретно-всеобщей теории материи и развития, концепции единого закономерного мирового процесса. Непроработанность, слабая структурированность объективной онтологии, по большей части ограничивающейся довольно абстрактными положениями эволюционной теории, приводит к тому, что и субъективная онтология фактически остается пустой, не раскрывает собственной специфики субъективности. В итоге серлевская «онтология субъективности» мало чем отличается от феноменологического описания сознания – перечисления на уровне простой констатации основных свойств субъективности, на что, в ча-

стности, не преминул обратить внимание и Д. И. Дубровский [4, с. 99]. Фактически здесь нет реальной, конкретно-всеобщей диалектики объективного–субъективного, включающей не просто эпистемологическую, но онтологическую проблему под кодовым словом «сложность», коренной причиной чего остается все тот же неизживаемый механистический способ мышления. Последний ассоциируется не просто с приемами редуцирования более сложного качества к более простым, высшего к низшему, имеющими значительную научную ценность, а с тотальным нивелированием, элиминацией высшего, его собственного субстратного и субстанциального содержания. Редукционизм (и его крайняя форма – физикализм) тесно связан с метафизической концепцией развития, принимая лишь количественное, структурное усложнение физической реальности. Закрытой для него остается диалектическая идея появления качественно и содержательно нового, появления нового интегрального качества высшего, представляющего собой развертывание и обогащение внутри себя того содержания, которое только потенциально имелось в низшем.

Субъективизм также, хотя и не всегда явно, редуцирует все богатство объективной реальности и собственно социального качества к явлениям физического порядка. На основе этой ложной посылки строится софизм, примерно уже четыре столетия гипнотизирующий подавляющую часть философского сообщества: не может же наше сознание со всеми его духовными феноменами быть следствием физиологической организации человека, которая якобы не так уж принципиально отличается от физиологической организации животных? Таким образом, логический круг, который строится в рамках «прежней» философии или, уточняя Серла, «дуалистическо-механистической» системы взглядов, замыкается. Своего рода точку в нем ставят современные варианты физикализма (от крайнего варианта – элиминативного материализма – до умеренного, представленного различными версиями функционализма) в сочетании с «постмодернистской символической культурой». Так, Д. Денет, один из наиболее ярких и авторитетных сторонников компьютерного функционализма, во многом сближаясь с элиминативистской позицией Р. Рорти, стремится показать, что «подобно тому как объективно, без какого-либо агента в мире работают алгоритмы «Машины Дарвина» и «Машины Тьюринга», **мысли могут себя мыслить**, обходясь без мыслителя» [5, с. 106]. Пугающая и даже абсурдная с позиции здравого смысла концепция Деннета, нивелирующая субъективность и самость, которая становится «чем-то вроде воображаемого персонажа» [6, с. 123], в действительности есть закономерное развитие механистической логики американского прагматизма и бихевиоризма в философии. Надо отдать должное Деннету, концепция которого до предела заостряет проблему сознания и прекрасно выражает сущность физикалистской парадигмы: деконструируя субъективность в ее классическом картезианском смысле, мы вынуждены деконструировать и самость – главного персонажа классической философии и европейской культуры в целом. Трансцендентальное «Я», этот неисчерпаемый «родник значений», го-мункулус, управляющий мозгом, объявляется фикцией, и для ее обозначения Деннет, перефразировав У. Джемса, использует метафору «центр нарративной гравитации», хорошо передающую присутствие и в то же время виртуальность самости [5, с. 112]. Используя компьютерную аналогию, Деннет выделяет три уровня в архитектуре сознания. Первый – это сама физиологическая организация, нейронная структура мозга (своего рода органический

«hardware»). Над ней надстраивается «software» – уровень формальных структур, алгоритмов, представляющих собой различного рода эволюционно закрепленные биологические и социальные диспозиции. Третий уровень есть результат совместной работы первых двух и представляет собой «наброски» нашей реальной речи и поведения. Согласно этой децентрированной картине сознания в нашей голове трудится не один гомункулус, а множество, и каждый сознательный акт представляет собой эпидемический взрыв гомункулов, выполняющих разнообразные функции и говорящих на разных языках, что, впрочем, не мешает целостному восприятию объектов [5, с. 110].

Мы присоединяемся к оценке Н. С. Юлиной, назвавшей деннетовскую концепцию субъективности и самости «провокационной», и считаем, что не стоит трактовать подход Деннета слишком буквально. Деннет, с одной стороны, действительно доводит до своего логического предела физикалистскую парадигму, с другой, отказывается сделать последний шаг и протянуть руку дружбы Р. Рорти [7], дрейфующему в сторону «философии-как-литературы» и предлагающему постмодернистский вариант прагматизма.

Наиболее привлекательна в ракурсе понимания слабых мест и перспектив современной англоязычной и мировой философии сознания полемика между Деннетом и Серлом, противостояние компьютерного функционализма как наиболее здоровой, смягченной версии физикализма и современной концепции эмерджентизма. Противостояние этих позиций, безусловно, не ограничивается философией сознания, имея глубокие метафизические основания, чего, в частности, как будто не замечает Д. И. Дубровский, сторонник информационной концепции сознания (идеального). С точки зрения Дубровского, его собственная концепция сознания получает широкую метафизическую платформу и безусловно подтверждается в контексте западной когнитивно-информационной парадигмы исследования сознания, современных теорий информационного общества и виртуалистики. Ученый, по нашему глубокому убеждению, не видит той пропасти, которая пролегает между серлевской позицией нередуцируемости ментального, субъективного к каким бы то ни было объективным характеристикам и аспектам реальности (в том числе и к информации – довольно бедной, абстрактной, количественной стороне реальности) и позицией компьютерного функционализма, сводящей в конечном счете сознание к «вычислительности», функционированию определенной программы как совокупности готовых, сформированных в процессе преимущественно биологической эволюции алгоритмов и диспозиций. В своем обзоре книги Серла «Открывая сознание заново» Д. И. Дубровский с немалой долей иронии и даже сарказма указывает на то, что никакого «открытия» или «переоткрытия» сознания в этой работе нет, поскольку неэлиминируемость субъективной онтологии, субъективности – это общепризнанный и даже вполне тривиальный факт, в том числе и для советской философии 60–80-х гг. прошлого века [4, с. 92]. Но суровый критик не учитывает того контекста, в котором «переоткрывается» субъективность, а именно – широкого распространения различных форм физикализма, от крайней, полностью элиминирующей субъективность формы до умеренной формы компьютерного функционализма, к которой без всяких натяжек может быть отнесена и концепция Д. И. Дубровского. «Углубляя» классический подход, господствовавший в советской философии сознания 60–80-х гг., Дубровский предлагает описывать внутреннюю природу субъективности в терминах функционирования когнитивно-инфор-

мационных процессов, вычислительности, кодирования и декодирования информации и т.п., солидаризируясь с когнитивно-информационной парадигмой англоязычной философии. Фактически при таком подходе ни от субъективности, ни от субъективной онтологии не остается и следа, что делает чрезвычайно актуальной поставленную Серлом задачу «переоткрытия» сознания.

Обращает на себя внимание резкость той критики, с которой Дубровский обрушивается на указанную работу Серла, отмечая присущие ей «дефицит концептуальности» и феномен «журнализма». Эти черты, безусловно, присутствуют практически во всех работах англоязычных, а сегодня уже и отечественных авторов («концептуальность» во многих случаях становится формальной, бессодержательной), и на этом фоне работа Серла выглядит не менее, а скорее, более «концептуальной», чем работы многих его коллег по цеху. Построения и выводы Серла метафизичны в хорошем смысле этого слова. Во-первых, своей задачей он считает, «определить местонахождение сознания в пределах всеобщей “научной” картины мира» [3, с. 94]. Во-вторых, в отличие, например, от Т. Нагеля и К. МакГинна, Дж. Серл относит себя к лагерю сциентистов, т.е. «гносеологических оптимистов», и даже склоняется к мысли, что «нейробиология сознания в конце концов окажется столь же ограниченной, как и, скажем, биохимия пищеварения» [3, с. 100]. Понятно, что острая критика Дубровского в адрес концепции Серла вызвана центральной программой работы последнего, которую он выражает так: «Я хочу забить последний гвоздь в гроб теории, согласно которой сознание является компьютерной программой» [3, с. 20].

Рассмотрим более детально эмерджентную концепцию сознания в той версии, которую предлагает Дж. Р. Серл. Сознание с этих позиций естественно занимает свое место в научной картине мира «как возникшая в результате эволюции фенотипическая черта определенных типов организмов с высоко-развитыми нервными системами» [3, с. 99] и представляет собой «каузально эмерджентное системное свойство» мозга [3, с. 116]. «Существование сознания может быть объяснено каузальными взаимодействиями между элементами мозга на микроуровне, но само сознание не может быть выведено или вычислено на основе одной лишь физической структуры нейронов без некоторой дополнительной оценки каузальных отношений между ними» [3, с. 116]. Таким образом, субъективность, которая «более, чем что-либо другое, отвечает за философскую загадку сознания», не может быть редуцирована к объективным элементам лежащей в ее основании микроструктуры. Ощущение «влажного», «красного» или ощущение боли, переживаемое конкретным человеком, не может быть редуцировано и объяснено на уровне движения молекул, атомов и физиологических процессов в мозге. Здесь мы сталкиваемся с так называемой проблемой «квалиа», ментального содержания сознания, поскольку объяснение молекулярного строения жидкости, физических свойств поверхности и физиологического строения органов чувств не дает адекватного понимания и переживания «влажного» или «красного».

Предложенная Серлом версия эмерджентизма имеет и достоинства, и недостатки. Сильной стороной этой концепции является то, что сознание (психика) рассматривается как высшее, каузально эмерджентное свойство физиологической системы мозга, причинно обусловленное физиологическими процессами в мозге, но нередуцируемое, несводимое к ним в содержательном плане. Такая концепция сознания, по сути, в основном совпадает с

концепцией физиологических основ психического Сеченова – Павлова, которая играла парадигмальную роль в отечественной философии сознания 1960–1980-х гг., а сегодня, забытая многими бывшими марксистами, развивается в рамках Пермской университетской школы философии [8, с. 18].

Вместе с тем позиция Серла имеет и существенные недостатки. В работах Серла, как и других англоязычных авторов, нигде специально не оговаривается и не проводится различие между собственно сознанием (как высшей формой психической деятельности, связанной с трудом и речью), психикой человека и психикой животных. Таким образом, сознание в большинстве случаев фигурирует как биологическое свойство определенных организмов с развитыми нервными системами. Такая позиция объявляется «натуралистической», что, безусловно, свидетельствует как минимум об одной незаконно проведенной редукции – нивелируется социальный субстрат и, соответственно, социальное содержание, качество сознания. Поскольку ни психика, ни тем более сознание не могут быть редуцированы к физиологическим процессам как таковым (с чем мы, безусловно, согласны), а других объективных основ и способов абстрагирования внутренней природы субъективности Серл не видит, его концепция, по сути, заходит в тупик. Утрачен единственно возможный, объективный путь выявления собственной природы субъективности и построения субъективной онтологии. «Субъективная онтология» Серла превращается в формальное и бессистемное перечисление внутренних свойств сознания: единства, структурированности, интенциональности, избытка, центра и периферии и т.п. По собственному признанию Серла, он не знает, как с научной точки зрения может быть раскрыто содержание таких важнейших свойств субъективности, как «темпоральность» и «социальность».

Разгадка тайны сознания, этой «загвоздки Вселенной» (Деннет), способности человека переживать «квалиа», наделять действительность и собственное существование «смыслом», т.е. создание действительной онтологии субъективности, становится возможным только на базе принципиально новых абстракций сущности мира и человека, на базе обновленной, конкретно-всеобщей (в отличие от традиционной, абстрактно-всеобщей) материалистической диалектики. Мы, безусловно, согласны с Серлом, утверждающим, что сознание (и шире субъективность) не может быть редуцировано ни к физиологическим процессам в мозге человека, ни к каким-либо другим моментам или сторонам объективной реальности (включая «информацию» и пр.). Вне всяких сомнений, человек создаст и будет бесконечно совершенствовать системы Искусственного Интеллекта, моделирующие его мышление и поведение, однако они все же будут оставаться «ментально мертвыми». В своей нашумевшей работе «Открывая сознание заново» Серл в большей степени постулирует эти тезисы, не имея теоретической базы для обоснования бесконечной содержательной полноты и «нередуцируемости» ментального опыта. Такую базу дает современная конкретно-всеобщая теория развития, в рамках которой обнаружен ряд новых объективных закономерностей развития, объясняющих бесконечную содержательную полноту, «тотальность» материального субстрата человека, способного по этой причине генерировать идеальный образ объективного мира. Загадка субъективности и «смысла», таким образом, неразрывно связана с загадкой *высшей объективности* – бесконечно сложного материального субстрата человека и процесса развития субстанции, приводящего к его появлению.

Список литературы

1. **Маслянка, Ю. В.** Онтология «смысла жизни» в ракурсе конкретно-всеобщего философского подхода / Ю. В. Маслянка // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 34–42.
2. **Юлина, Н. С.** Джон Серль. Открывая сознание заново / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 186–191.
3. **Серл, Дж. Р.** Открывая сознание заново / Дж. Р. Серл. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 240 с.
4. **Дубровский, Д. И.** Новое открытие сознания? / Д. И. Дубровский // Вопросы философии. – 2003. – № 7. – С. 92–112.
5. **Юлина, Н. С.** Д. Деннет: самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры / Н. Юлина // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 104–120.
6. **Деннет, Д. С.** Почему каждый из нас является новеллистом / Д. С. Деннет // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 121–130.
7. **Деннет, Д.** Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно / Д. Деннет // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 93–100.
8. **Орлов, В. В.** Концепция единого закономерного мирового процесса в научной философии / В. В. Орлов // Новые идеи в философии. – Вып. 17. Актуальные проблемы научной философии : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2008. – Т. 1. – С. 5–20.

Маслянка Юлия Владимировна

кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии, Пермский государственный университет

E-mail: ecv@yandex.ru

Maslyanka Yuliya Vladimirovna

Candidate of philosophy, senior lecturer, sub-department of philosophy, Perm State University

УДК 130.121.4

Маслянка, Ю. В.

Современная философия сознания, природа субъективности и феномен смысла / Ю. В. Маслянка // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 63–69.

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННО-ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется специфика двух подходов к анализу электронно-виртуальной реальности (ЭВР) как особого типа изобретения. В связи с этим выделяется различное понимание сущности ЭВР, ее функций и влияния на общество.

Ключевые слова: ЭВР, естественно-научное познание, философское познание, «жесткий» мир, «мягкий» мир.

Abstract. The article investigates specific features of two approaches to analyzing the electronic virtual reality (EVR) as a particular type of invention. In this connection, the author distinguishes different understanding of the essence of EVR, of its functions and influence upon society.

Key words: EVR, natural scientific knowledge, philosophic knowledge, “hard” world, “soft” world.

Электронно-виртуальная реальность (ЭВР) – феномен, появившийся сравнительно недавно, в конце XX в. Но осознавая важность ЭВР для существования и развития человека, теоретическая мысль интенсивно исследует ЭВР в самых различных аспектах и самыми различными методами. Среди проблем, связанных с исследованием ЭВР средствами философии, можно выделить три основные проблемы. Первая проблема связана с выявлением сущности ЭВР. Вторая проблема заключается в выяснении функций ЭВР. Центральным вопросом третьей проблемы является выявление того, каково влияние ЭВР на существование и развитие человеческого общества.

В данной работе мы предлагаем свой вариант методологического исследования ЭВР. Необходимо подчеркнуть, что ЭВР – это изобретение, и не просто изобретение, а принципиально новый вид изобретения, которого до сих пор в человеческом обществе не существовало. А значит, при построении методологии анализа ЭВР надо в первую очередь учитывать этот факт. Анализ изобретения отличается от анализа научного открытия. Научное открытие связано с тем, что исследователь открывает какие-то явления или взаимосвязи между ними, которые существуют объективно и могут быть открыты сейчас, раньше или позднее. Процесс исследования в науке идет от явления к сущности и от сущности к практическому применению сделанного открытия. Например, закон притяжения существовал и до Ньютона, но Ньютон открыл его, и на основе этого закона и некоторых других физических законов была создана классическая механика, на базе которой, в свою очередь, были созданы различные механизмы.

Изобретение – это то, чего в природе не существует. Такие изобретения, как, например, велосипед, пылесос, зенитный ракетный комплекс и т.п., в природе не существовали, а были изобретены в связи с появлением у человечества потребности в удовлетворении различных нужд, в силу чего философский анализ изобретения должен иметь свою специфику, которая может быть выражена такой формулой: от анализа функции к анализу сущности,

и от анализа сущности к анализу влияния этого изобретения на человеческое общество.

Для понимания методологического анализа изобретений необходимо ввести и уточнить такое методологическое понятие, как «горизонт». В науке под горизонтом понимается та наблюдаемая грань мира, до которой глаз может видеть окружающий мир. Понятие «горизонт», таким образом, включает в себя границу возможностей: временных, производственных, научных и т.п. Эти возможности находятся в пределах естественно-научных знаний и потребностей своего времени. Понятие «горизонт» включает в себя различные аспекты его понимания: гносеологический, технологический, практический, потребительский и др. Гносеологический аспект понятия «горизонт», или просто гносеологический горизонт, показывает приблизительную временную область, в пределах которой будет действовать данное изобретение, основанное на существующих гносеологических парадигмах. Технологический горизонт обозначает пределы использования данного типа технологии и необходимость ее замены в силу ее морального устаревания более современной технологией. Практический горизонт показывает время использования данного изобретения. Потребительский горизонт указывает на приблизительное количество времени, в течение которого общество будет потреблять изобретение данного типа.

Исходя из понятия «горизонт», можно выделить три варианта возможных методологий анализа какого-либо типа изобретения: догоризонтальный, горизонтальный, загоризонтальный. Естественно-научный анализ изобретения использует догоризонтальный и горизонтальный типы анализа. Философский тип анализа изобретения может базироваться как на догоризонтальном и горизонтальном, так и на принципиально новом типе – загоризонтальном видении [1, с. 36–42]. Эти методологические варианты можно выявить в различных методиках изобретательских технологий, но эти же варианты могут быть применены к анализу и самых различных изобретений, и в первую очередь к ЭВР.

Рассмотрим два основных варианта: догоризонтальный и горизонтальный, в которых естественно-научное познание может проявлять себя при исследовании ЭВР. Естественно-научный подход в обоих своих вариантах имеет следующие особенности. Прежде всего он исходит из наличного конкретного уровня развития, достигнутого ЭВР сегодня, ее современного состояния. Это означает, что естественно-научные концепции опираются на данные о конкретных современных материалах, имеющихся на сегодня технологиях и современную научную картину мира. Оба методологических варианта естественно-научного исследования ЭВР ограничены рамками конкретных пределов (пространственных, временных, субстратных и т.п.). Специфика догоризонтального варианта заключается в том, что изучение ЭВР происходит в пределах имеющихся на сегодня возможностей, т.е. того, что представляет собой ЭВР сегодня и какой она может стать через пять или максимум десять лет. Отличительные особенности горизонтального варианта естественно-научного исследования заключаются в том, что такого рода исследования осуществляются на основе представлений о том, какой ЭВР может стать, исходя из имеющихся на сегодня возможностей ее совершенствования, т.е. на пределе возможностей развития ее современного состояния, иначе говоря, «горизонта». Как правило, это перспектива в рамках 30–50 лет.

Естественно-научный подход в обоих вариантах, безусловно, дает свои результаты. На этом основании большинством исследователей он рассматривается как наиболее оптимальный и единственно возможный постольку, поскольку этот подход базируется на современных типах реалий (материал, технологии, знания и т.п.). В то же время рассмотренный естественно-научный подход не является единственно возможным.

Философское познание может базироваться на любом методологическом подходе конкретных наук в зависимости от задачи, которую философ ставит перед собой. Так, философский подход к анализу ЭВР может базироваться как на догоризонтальном и горизонтальном, так и на принципиально новом видении – загоризонтальном. Специфика загоризонтального видения в том, что изобретение рассматривается на стадии его максимально полного развития и выявления на этом этапе всех возможностей его зрелого состояния, во много раз превосходящего технические возможности сегодняшнего дня (догоризонтальное видение) и завтрашнего (горизонтальное видение). Все эти три подхода имеют право на существование, поскольку отличаются друг от друга целями. Так, анализируя ЭВР на основе догоризонтального и горизонтального видения, исследователи изучают ЭВР в ее современном состоянии и получают соответствующий тип концепции ЭВР. С точки зрения догоризонтального и горизонтального подходов ЭВР имеет две основные функции: функцию познания и функцию имитационно-тренинго-игровую, с помощью которой пользователь может имитировать какие-либо явления, отрабатывать какие-либо ситуации и рассматривать ЭВР как разновидность игры. Нужно особо оговорить функцию общения, некоторые исследователи ее выделяют как особую. В то же время благодаря общественной природе человека она не может не включаться в вышеперечисленные функции.

Догоризонтальный подход обуславливает и соответствующую концепцию сущности ЭВР, трактующую ЭВР прежде всего как инструмент, устройство, которое позволяет человеку познавать мир, тренироваться, отрабатывать определенные состояния или ситуации и использовать ЭВР как средство для развлечения. Соответственно этому и влияние на общество ЭВР, рассматриваемой в контексте познания, обучения и досуга, трактуется как локальное. На такие сущностные свойства человека, как, например, свобода, ЭВР не влияет либо влияет слабо или даже негативно. Догоризонтальный подход используется в интересном исследовании О. А. Антоновой и С. В. Соловьева. «Сколько говорилось об удивительных «виртуальных мирах», в которых путешествуют (или, во всяком случае, скоро будут путешествовать) интернавты! Для более быстрой человеко-машинной коммуникации они якобы будут обладать возможностью передавать сетевые сигналы прямо в мозг, через вживленные в организм специальные разъемы. Виртуальная реальность якобы станет чувственно неотличима от обычной, а своим невероятным разнообразием с легкостью превзойдет ее... Факт, однако, состоит в том, что существуют простые, но весьма фундаментальные ограничения, мешающие созданию компьютерной виртуальной реальности, качество которой приближается к «качеству» реальности обыкновенной. Дело в том, что обыкновенная реальность в некотором смысле сама вычисляет себя в каждой точке, в то время как качество компьютерной виртуальной реальности должно обеспечиваться бесперебойной работой компьютеров. При всей банальности этого замечания оно имеет много интересных следствий. В частности, всякая «сте-

пень свободы» пользователя оказывается чрезвычайно дорогостоящей для вычислительных возможностей компьютеров. Простейший способ борьбы со всеми этими трудностями – ограничение свободы. «Интернавт» не должен «как попало» крутить головой и вертеть глазами. Пусть лучше носит специальный шлем или маску. Виртуальные миры кишат коридорами (направляющими движение), транспортными средствами, которые отнюдь не летают куда попало, в крайнем случае там есть разветвления или двери (дабы ограничить небольшим списком вариантов выбор направления). Всевозможные электроды, которые якобы увеличат скорость передачи сигналов или повысят их качество за счет передачи прямо в мозг, в действительности ограничили бы возможности пользования собственными чувствами, а заодно и возможность полноценного выбора, поскольку он должен основываться на адекватной информации» [2, с. 4–5]. «До известной степени можно говорить о коэволюции человечества и созданного им искусственного окружения, в котором компьютерные сети на сегодняшний день играют важную роль... И тем не менее все это говорит скорее о количественных, нежели качественных изменениях. До Интернета свою роль в эволюции социальных связей сыграли последовательно все новшества в области средств коммуникации» [2, с. 155]. «На наш взгляд, источником действительно качественных изменений служит, и в еще большей степени будет служить, взаимодействие элементов виртуальной реальности и механизмов организации данных типа так называемого гипертекста. При этом и само понятие «гипертекст» следует, на наш взгляд, толковать расширительно, не только в смысле организации текстовых элементов, как в обычном понимании, но и в плане природы этих элементов. Расширение понимания природы элементов текста представляется целесообразным в направлении, намеченном в семиотических исследованиях 70–80-х годов, например, в работах Лотмана, Успенского и др. В этих работах, как известно, в качестве языков рассматриваются весьма гетерогенные коммуникационные системы. <...> Это вполне естественно, принимая во внимание «мультимедийный» характер современной компьютерной среды. Именно в эту область развитие компьютеров и Интернета внесло качественные изменения. Думается, обоснованной будет аналогия с переходом к полноценному языку от односложных коммуникационных сигналов, только аналогом слов здесь могут служить виртуальные объекты и ситуации» [2, с. 155–156].

Специфика философского подхода, базирующегося на горизонтальном видении, заключается в том, что рассматриваются перспективы развития ЭВР на обозримое будущее, т.е. на время от 20 лет до максимум 50 лет. Здесь на первый план выходят проблемы создания нового типа материальной базы ЭВР, изобретения новых типов технологий, увеличения возможностей ЭВР и т.п. При горизонтальном подходе функции ЭВР, а также сущность ЭВР трактуются в целом так же, как и при догоризонтальном видении. Отсюда следует и аналогичная догоризонтальному подходу трактовка влияния ЭВР на общество. Таким образом, горизонтальный подход в принципе мало отличается от догоризонтального. Анализ ЭВР на основе догоризонтального и горизонтального подхода, безусловно, является необходимым, так как он дает возможность осмыслить феномен ЭВР на основе сегодняшних реалий, т.е. проанализировать феномен ЭВР, существующий в настоящий момент, что дает методологическую базу как для проектировщиков, так и для пользователей.

Однако, чтобы понять наиболее глубинную сущность ЭВР как специфического типа изобретения, ее функции и влияние на развитие общества, ЭВР надо рассматривать с позиций уже достигнутого ею в будущем максимально полного развития, иначе говоря, на основе загоризонтального видения. В основе загоризонтального видения объекта лежит процедура теоретического допущения. Общая схема загоризонтального видения имеет следующий вид: если допустить, что изобретение достигло своих максимально возможных параметров, которые явно недостижимы ни сегодня, ни завтра, то какими тогда будут его функции, сущность и влияние на общество. Возможности загоризонтального подхода к изучаемому изобретению позволяют в ряде случаев увидеть природу познаваемого в наиболее ясном и отчетливом виде. В качестве иллюстрации подобной мысли можно рассмотреть ситуацию «гадкого утенка». Пока этот утенок был птенцом, никто из окружающих его обитателей сельскохозяйственного комплекса не понимал его истинной природы, поскольку он не относился ни к уткам, ни к курицам, ни к гусям, одним словом, «не наш человек», а значит, гадкий. Кстати, и сам птенец считал себя таковым. И только достигнув зрелой формы и столкнувшись с другими лебедями, птенец понял, что он лебедь.

В основе анализа, построенного на загоризонтальном видении, лежит метод идеализации. Данный метод существует в естествознании, например в физике, где есть такие понятия, как «абсолютно твердое тело», «идеальный газ», «материальная точка» и др. Например, понятие «материальная точка» предполагает, что, изучая движение объекта, мы абстрагируемся от таких понятий, как форма объекта, тип его материала, конфигурация, одновременно предполагая, что в данной точке находится движущийся объект во всем своем разнообразии. В ряде физических задач, например в кинематике, использование понятия «материальная точка» является апробированной методикой.

Таким образом, мы предлагаем для исследования ЭВР метод загоризонтального видения как философский метод анализа, дающий возможность наиболее ясно выявить сущность изучаемого изобретения. В основе этого метода лежит идея, что сущность изучаемого явления нельзя понять, акцентируя анализ на зародышевом состоянии этого явления. Для того чтобы понять явление, необходимо представить и рассматривать его как уже достигшее своего максимально развитого состояния, поскольку тогда его природа будет проявляться наиболее ярко. Например, икринки различных рыб похожи между собой. Поэтому для того, чтобы понять природу (сущность) рыбы, надо изучать ее в ее зрелом состоянии. То же самое в определенном смысле относится и к ЭВР. Чтобы понять сущность ЭВР, надо рассмотреть ее в достигнутом ею максимально развитом состоянии, иначе говоря в идеальном состоянии.

В рамках данного метода мы отвлекаемся от физических характеристик материала, из которого сделана ЭВР, от конкретных программ, на основе которых она функционирует, от конкретных характеристик электронной базы и т.п., а рассматриваем ЭВР на основе допущения, что она уже достигла своего максимально возможного развития. При загоризонтальном методе исследования ЭВР мы берем предельно большие промежутки времени (точнее, не указываем временных, пространственных, субстратных и других конкретных характеристик ее зрелого состояния). Пока же современная нам ЭВР находится в неразвитом зародышевом состоянии, что серьезно затрудняет ее изучение. Отсюда, чтобы понять сущность ЭВР, ее необходимо изучать в максимально возможном состоянии своего развития.

Исследование ЭВР вне предлагаемого метода загоризонтального видения чревато вольной или невольной подменой философского анализа – этого принципиально нового для человечества феномена – естественно-научным подходом, проявляющимся в установке жестких барьеров, пределов в развитии ЭВР с позиций стереотипов сегодняшнего дня, в то время как философия, в отличие от естественно-научного анализа изобретения, может анализировать различные идеальные модели изобретений. Возникает вопрос: «Не является ли такой подход фантастическим?». Нет, не является, поскольку экстраполяция касается идеальных моделей, раскрывающих сущность анализируемого изобретения. При загоризонтальном подходе мы не рассматриваем вопросы типа: из какого конкретного материала будет построена ЭВР и в какое конкретное время будет достигнуто оптимально развитое состояние ЭВР? Мы не вторгаемся в сферу компетенции конкретных наук. Мы рассматриваем именно философский аспект – принципиальную возможность или невозможность на основании того, что заложено именно в сущности данного изобретения.

Обратимся к истории познания человечеством природы атома, поскольку одно из проявлений гносеологической специфики феномена ЭВР в том, что он напоминает ситуацию, связанную с феноменом атома. До тех пор пока атом рассматривался как неделимая абсолютно твердая частица и т.п., то есть понятие атома сохранялось в его первоначальном неразвитом варианте и при этом не имело выхода в исследовательскую деятельность конкретных наук, широкую производственную практику, результаты которой стали бы проявляться в повседневной человеческой жизни, это понятие интересовало в основном философов-онтологов. И только в конце XIX – начале XX вв. в связи с появлением ряда физических открытий идея атомов попала в центр научного и философского внимания. Появление атомной бомбы и атомного реактора сделало атом одним из главных понятий науки. Нечто подобное происходит сейчас с понятием ЭВР. Данное понятие рассматривается в его первоначальном, недостаточно развитом виде, при этом основное внимание акцентируется на его прикладном аспекте. Если же рассматривать понятие ЭВР во всей возможной полноте его содержания, то картина открывается совсем другая.

Чтобы понять, что такое идеальная ЭВР, надо выявить функции ЭВР. Исследователи ЭВР относят к таким функциям помощь человеку в познании и моделировании мира, функцию отдыха и развлечения, функцию тренировки человеческих способностей и умений в различных областях деятельности, коммуникативную функцию и др. Сегодня большинством ученых эти функции считаются основополагающими характеристиками ЭВР, поскольку они явно бросаются в глаза. Однако признание первоочередности указанных функций обусловлено догоризонтальным видением ЭВР. И лишь с применением загоризонтального методологического подхода начинает проявляться определяющая, главная функция ЭВР – создание мира, достойного человека. Для развертывания и обоснования этого положения мы используем понятие свободы человека, а для его конкретизации вводим новые понятия «жесткий» и «мягкий» миры [1, с. 42–44].

Что такое свобода человека? С одной стороны, это осознанная необходимость и соответствующая этой необходимости деятельность. С другой стороны, это действие в соответствии со своими желаниями, не имеющее противодействие среды. «Жесткий» мир – это мир природы, общества и человека, в которых действуют законы, создающие преграды и препятствия в случае, ко-

гда человек пытается изменить их с целью реализации своих желаний. Мир природы для своего преобразования требует знания законов природы, наличия средств производства, определенных умственных и физических усилий человека. Общество, как разновидность «жесткого» мира, опирается на систему предписаний и запретов. Живущий в обществе человек признается нормальным членом этого общества только при условии его подчинения общественным запретам и предписаниям. Однако подчинение индивидуума этим запретам не дают ему возможность действовать максимально свободно, т.е. так, как он хотел бы в данный момент своего существования, т.е. здесь и сейчас.

Экзистенциалисты указывают на то, что человек находится между двумя типами страданий. Если человек хочет сохранить для себя коллектив, в котором он находится, он вынужден терять свою свободу, поскольку, находясь в коллективе, человек не может в ряде случаев поступать так, как ему хочется, игнорируя при этом общественные правила поведения, нормы общения в определенных коллективах и т.п. Если человек хочет сохранить себя, т.е. быть действительно свободным, существовать во всем объеме и всей полноте своей индивидуальности, то он теряет коллектив, в котором он находится. Большинство людей, страшась одиночества, предпочитают потерять себя, но сохранить коллектив.

Сам человек также является элементом «жесткого» мира. Так, человеку трудно изменить свой пол, возраст, внешность и т.п. Хотя наука XXI в. дает человеку возможность менять многие свои параметры из вышеперечисленных, тем не менее не каждый человек, желающий себя изменить, может себе это позволить. Препятствия могут быть связаны либо со значительными финансовыми затратами, либо с рядом довольно мучительных физических процедур, психических состояний, отвержения социумом и т.п.

Человеческое сознание также включается в систему «жесткого» мира, поскольку человек не может по своему желанию изменить свои умственные возможности, свои симпатии и антипатии (как известно, «сердцу не прикажешь») и т.п. Таким образом, человек, являясь по своей природе свободным существом, живет в мире несвободы, т.е. в «жестком» мире. В «жестком» мире свобода человека в какой-либо сфере деятельности всегда идет за счет ее ограничения в другой сфере. Такая закономерность обусловлена особенностями субстрата «жесткого» мира, поскольку он состоит из вещественно-полевого вида материи. Свобода внутри этого «жесткого» мира определяется Спинозой как осознанная необходимость.

Но человек также обладает такой областью своего внутреннего мира, как мир мечты, который можно назвать «мягким» миром. В мире мечты, как «мягком» мире, человек существует в идеальной форме мысли. В данном мире человек ощущает себя абсолютно свободно, т.е. может представить себе выполнение своего любого желания, поскольку он выступает в этом мире одновременно и как режиссер, и как актер, и как сценарист, и как критик и т.д.

Таким образом, специфика сущности человека в том, что человек как свободное существо находится одновременно в двух мирах: в «жестком» мире природы, общества и своего сознания и «мягком» мире своей мечты. Причем такая двойственность существования была присуща человеку всегда. Мечты, выходящие за рамки общественных ограничений, не могли, как правило, реализовываться на практике. Люди смирялись с этой несвободой, утешая себя тем, что «так устроен мир».

Итак, рассматривая ЭВР в предельно развитом варианте ее существования, мы видим, что данный тип реальности выступает как некий аналог искусственного «мягкого» мира, поскольку в ЭВР существует принципиально новый тип окружающей среды, принципиально новый тип человеческого тела, принципиально новый тип отдельных функций человеческого сознания, принципиально новый тип воздействия человека на мир. Этот новый искусственный мир имитирует естественный «жесткий» мир, но в более развитом «мягком» варианте, когда сам человек определяет, какой должна быть окружающая среда (город, джунгли, океан и т.п.), каким должно быть его тело и т.д. Таким образом, появление ЭВР является таким революционным шагом вперед, который дает возможность человеку создать новый тип сложной реальности, т.е. новый тип мира, новый тип себя в этом мире и новый тип трансформации реальности внутри этого мира.

Загоризонтальный подход позволяет выявить ведущую, важнейшую и принципиально новую функцию ЭВР, которую можно обозначить как экзистенциально-конструкторскую. Эта функция выдвигается на первый план, задвигая тем самым инструментальную функцию ЭВР на второй план. Экзистенциально-конструкторская функция порождена потребностью человека в реализации своих задатков, склонностей путем свободного их проявления. В ЭВР, рассматриваемой в ее максимально возможном варианте развития, каждому человеку дается возможность создать свой собственный мир – такой, какой он хочет создать на данный момент. На основании загоризонтального подхода следует вывод, что подлинно человеческим миром является мир ЭВР, поскольку именно в нем человек может быть максимально свободным. На основании же догоризонтального и горизонтального подходов исследования ЭВР экзистенциально-конструкторская функция не выявляется в силу того, что на данный момент ЭВР находится еще в зачаточном состоянии.

Список литературы

1. **Стерледева, Т. Д.** Мир человека в виртуальной реальности / Т. Д. Стерледева. – Пермь, 2003. – С. 36–42.
2. **Антонова, О. А.** Теория и практика виртуальной реальности: логико-философский анализ / О. А. Антонова, С. В. Соловьев. – СПб., 2008. – С. 4–5.

Стерледева Тамара Дмитриевна
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и права, Пермский
государственный технический
университет

E-mail: cenzia@rambler.ru

Sterledeva Tamara Dmitrievna
Candidate of philosophy, associate
professor, sub-department of philosophy
and law, Perm State Technical University

УДК 101.8+111.7
Стерледева, Т. Д.

К вопросу о различии естественно-научного и философского исследования электронно-виртуальной реальности / Т. Д. Стерледева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 70–77.

УДК 821.161.1-155

Т. И. Акимова

«ОТВЕТ» СВОБОДНЫХ ДВОРЯН ЕКАТЕРИНЕ II В ЖАНРАХ ДРУЖЕСКОГО ПОСЛАНИЯ И СКАЗОЧНОЙ ПОЭМЫ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX вв.

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы влияния на литературный процесс конца XVIII – первой четверти XIX вв. просветительской политики Екатерины II, реализуемой ею литературными средствами. Так, манифест об освобождении дворян, идеологически содержащийся в «Сказке о царевиче Хлоре», был наглядно прочитан Г. Р. Державиным в «Фелице» и осмыслен последующими авторами в жанре дружеского послания и жанре сказочной поэмы «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина.

Ключевые слова: просветительство Екатерины II, статус свободных дворян, жанр дружеского послания, жанр волшебной-сказочной поэмы, авторское самосознание, идеология просвещенного абсолютизма, жанр сказки, литературный процесс.

Abstract. The article deals with the mechanisms of influencing the literary process of the end of XVIII – first quarter of the XIX century education policies of Catherine II, implemented by means of literature. Thus, a manifesto for the setting the noblemen free, ideologically contained in «The Tale of tsarevitch Chlorine», was vividly read by G.R. Derzhavin in «Felice» and interpreted by subsequent authors in the genre of a friendly message, and the genre of a fairy-tale poem by A.S. Pushkin in «Ruslan and Lyudmila».

Key words: Catherine II enlightenment, the status of free noblemen, a genre of a friendly message, a genre of a fairy-tale poem, author's self-consciousness, ideology of the educated absolutism, a fairy-tale genre, literary process.

Сказки Екатерины II – «Сказка о царевиче Хлоре» (1781) и «Сказка о царевиче Февее» (1782) – адресовались не только внукам – великим князьям Александру и Константину, – но и российским дворянам в качестве практического пособия по реализации идеологии просвещенного абсолютизма. В сказках царица учила их:

1) пути к достижению счастья, заключающегося в любви и духовном самосовершенствовании – двух ипостасей свободной жизни дворян. Так, в «Сказке о царевиче Хлоре» герой отправляется за волшебным талисманом мудрости – «розой без шипов, которая не колется» [1, с. 8] и растет на высокой горе;

2) свободному выбору в отношении своего дворянского статуса (на каком пути духовного самосовершенствования остановиться: праздной молодежи, Лентяги-Мурзы или Брюзги, ученых людей или философа на троне). Как известно, Фелица-Екатерина предупреждает Хлора: «...встретишься с людьми приятного обхождения, кои стараться будут тебя уговорить идти с

ними, насажут тебе веселий множество, будто они провождают время в бесконечных забавах» [1, с. 10];

3) критическому осмыслению своих поступков, осуществленному в духе шуточной иронии, в отношении добродетели и идеала. Как мы помним, Фелица – волшебница, но не свободная от моральных законов и норм: будучи замужем за Брюзгой, она не может открыто помогать герою, так же как не может изменить человеческую природу, склонную к развлечениям, лени, недовольству. Однако Екатерина-Фелица может посмеяться над этими человеческими слабостями.

Своеобразием екатерининского просвещения, отразившимся в сказках, стал «домашний» аспект ее воспитания, при котором дворяне и даже императорский «малый двор» воспитывался не на героике государственных деяний, а на осмыслении и сотворении ими как свободными людьми своего домашнего пространства – усадьбы, поместья, дачи и т.д. (как известно, мотив прославления приватной жизни пришел из анакреонтики) – и соучастии таким способом в монаршем творении мира.

Другой особенностью сказок Екатерины (утверждающей общую установку на сотворчество) стал их провоцирующий на литературный ответ характер. Так, не являясь крупной фигурой на литературном небосклоне и вполне осознавая в нем свое скромное место (в письме к М. Гримму она кокетничала: «Послушайте: эта сказка о царевиче Хлоре такая безделка, что я удивляюсь, зачем ее перевели» [2, с. 101]), российская государыня могла форсировать литературный процесс в том направлении, в каком он отвечал ее идеологии. Безусловным достижением Екатерины в этом явилась диалоговая направленность ее произведений. Успешным ответчиком на художественно-эстетические установки царицы стал Г. Р. Державин.

Подхватывая иронично-шутливый тон «Сказки о царевиче Хлоре» и явля императрице свое поэтическое осмысление свободной жизни дворянина в хвалебной оде «Фелица» (1782), Державин тем самым вносил в жанр оды черты дружеского послания. Отвечая Екатерине II, он реформировал оду в трех направлениях: 1) кто хвалит; 2) за что хвалит; 3) как хвалит. Свободный автор-дворянин воспевал не условного монарха, а конкретную женщину-правительницу, рисуя ее реальный портрет. Хвале подвергались мудрые законы, освобождающие дворян от обязательной службы. Перенимались у автора сказки о Хлоре черты поэтики, отражающие:

а) откровенную беседу подданного с монархом, построенную на галантных отношениях (Екатерина – не столько правительница, сколько Прекрасная Дама, Муза);

б) иронию по поводу собственного сибаритства, например в стихотворении «Видение Мурзы»:

...Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим... [3, с. 42];

в) место поэзии в счастливой жизни дворян:

...Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плести...
Поэзия тебе любезна,

Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад... [3, с. 37].

Литературный диалог Екатерины II и Г. Р. Державина находит продолжение в жанре дружеского послания конца XVIII – первой четверти XIX вв., когда многие поэты-дворяне начинают осмысливать свою жизнь в деревне как идиллическую, позволяющую им получать наслаждение от пребывания дома и общения с друзьями. Это прочитывается в посланиях В. Капниста, Я. Княжнина, Н. Карамзина, В. Пушкина, В. Жуковского, К. Батюшкова, П. Вяземского, А. Дельвига и, конечно, А. Пушкина. Приведем несколько примеров. «Пиршественную» природу и роль поэзии показывает В. Л. Пушкин в послании «К князю П. А. Вяземскому» (1815):

...С тобою жизни путь украсим мы цветами:
Жуковский, Батюшков, Кокошкин и Дашков
Явятся вечерком нас услаждать стихами;
Воейков пропоет твои куплеты с нами
И острой насмешит сатирой на глупцов;
Шампанское в бокал пенистое польется,
И громкое ура веселью разнесется [4, с. 679].

Юный Пушкин многократно признается в своих «любовных» отношениях с музой, рождающих столь же веселые и «необязательные» плоды:

Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и молодой...
Вот мой камин – под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним *задумчиво мечтать*,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать [5, с. 169].

Прежде всего ключевые символы Фелицы – гора и роза – стали почти непреложными составляющими поместного пейзажа дружеского послания. Причина видится в том, что сам пейзаж в «Сказке о царевиче Хлоре» предстает, как мы видели, пасторалью, земным эдемом, т.е. фактически прообразом поместной идиллии дружеского послания. А. Ф. Воейков, посылая «К Мерзлякову. Призывание в деревню» (1810), убеждает его:

Поэты великие,
Вольтеры, Горации,
Любили беседовать
С природою-матерью.
Среди *гор заоблачных*... [4, с. 269].

У А. С. Пушкина в «Послании к Юдину» (1815) Захарово соединяет холмы и сады:

На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят [5, с. 168].

Однако гораздо более программным символом поместной идиллии выступает роза. Такова она у И. А. Крылова:

И мысль одна приятна мне,
 Чтоб вас увидеть, хоть во сне,
 Мои любезны дики *розы*,
 И чтоб у вас в густой тени,
 Кудрявы юные березы,
 Воспеть златые сельски дни [6, с. 392].

У Н. П. Николаева в «Послании к князю Николаю Михайловичу Голицыну» (1797) роза – искомый синтез поместной гармонии:

...Пишу из Горок... но уж где
 Природа предо мной в печале
 И мертвы образа везде!
 Не токмо нет прекрасной *розы*,
 Ниже одной зеленой лозы,
 На коей был бы цвет живой [4, с. 87].

Н. М. Карамзин в «Послании к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) символизирует в розе уже поэтические радости поместной жизни:

Кто муз от скуки призывает
 И нежных граций, спутниц их;
 Стихами, прозой забавляет
 Себя, домашних и чужих;
 От сердца чистого смеется
 (Смеяться, право, не грешно!)
 Над всем, что кажется смешно, –
 Тот в мире с миром уживется
 И дней своих не прекратит
 Железом острым или ядом;
 Тому сей мир не будет адом;
 Тот путь свой *розой* осветит [7, с. 42–43].

Следует иметь в виду, что «фрондерским» эпикурейством в поместье становится безделье. П. Вяземский кокетничает своей ленью: «Гонители моей невинной лени, / Ко мне и лстивые, и строгие друзья!» [8, с. 71]. Ср. его послание «К друзьям» (1814):

О, дайте мне, друзья, под безмятежной сенью,
 Куда укрылся я от шума и от гроз,
 На ложе сладостном из маков и из роз,
 Разостланном счастливой ленью,
 Понежиться еще в безвестности своей! [8, с. 72].

Безделье предстает блаженством, венчаемым сном. Ср. в обращении к деревенским друзьям у И. А. Крылова:

Когда у вас на небосклоне
 Потухнет алая заря
 И, сон приятный вам даря,
Ночь сядет на сапфирном троне;
 Уныло зашумят леса
 И, в хороводах звезд прекрасных,
 В одеждах бледно-желтых, ясных,
 Взойдет луна на небеса;
 Проступит бледность на вершинах

И, серебром светясь, туман
Расстелется у вас в долинах,
Как утром тихий океан, –
Тогда, не зная что заботы,
Невозмущенные тоской,
В роскошных пеленах дремоты
Вы сладкий вкусите покой [6, с. 392].

Это «предсонное» и собственно отъезд из деревни сонное блаженство и становится временем и условием прихода поэтической фантазии – «мечты». Ср. в вышеприведенном пушкинском «Послании к Юдину»:

Меж тем как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье.
Блеснув узорным черпаком,
В блестящей ментии сиянье
Гусар промчался под окном...
И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты... [5, с. 170].

При этом «крылья мечты» уносят поэта именно в волшебно-сказочный мир:

... тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум... [9, с. 169–170].

Программным единством послания о поместной жизни и апологии поэтической «мечты» выступает послание К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1811–1812) и две редакции его элегии «Мечта»:

Богиня ты, мечта! Дары твои бесценны
Самим невольникам в слезах.
Цепями руки отягченны,
Замки чугуны на дверях.
Украшены мечтой... Какое утешенье
Украсить заключение,
Оковы променять на цепь веселых роз [9, с. 55–56].

Обращаясь к богам, поэт рассказывает о своем даре, который и делает скромную обитель пригодным для Хранителей домашнего очага:

Отечески пенаты,
О пестуны мои! <...>

Где странник я бездомный,
 Всегда в желаньях скромный,
 Сыскал себе приют.
 О боги! Будьте тут
 Доступны, благосклонны!
 Не вина благовонны,
 Не тучный фимиам
 Поэт приносит вам,
 Но слезы умиленья,
 Но сердца тихий жар
 И сладки песнопенья,
 Богинь пермесских дар! [9, с. 134].

Однако и вольная поэтическая фантазия на лоне природы становится предметом и поводом для веселой самоиронии, как, например, у П. А. Вяземского:

Мы здесь окружены толпой
 Обманутых любовников печальных!..
 ...Но первый их экспромт разрушил мир волшебный,
 И рифмы-коршуны, в них впившись, их грызут.
 Быть может, удалось крылатым вдохновеньем
 И мне подчас склонять на робкий глас певца
 Красавиц, внемлющих мне с тайным умиленьем,
 Иль, на беду его, *счастливым выраженьем*
 Со смехом сочетать прозвание глупца [8, с. 72].

В этих посланиях прочитывается единый текст о свободной жизни дворянина, сводящийся: 1) к упоению счастливой жизни в личном имении; 2) возможности фантазировать и мечтать как к естественному проявлению свободы в творчестве; 3) к открытой демонстрации равного статусного общения в ироничном тоне; 4) к воспеванию удовольствий, среди которых писательству отводится та же роль; 5) к осознанию себя свободным автором в интимных признаниях друзьям.

Высшей точкой шуточного осмысления поэтами дворянского статуса явилась поэма А. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820), ставшая вторым после Державина «ответом» Екатерине II. В нем разворачивается именно волшебное-сказочное повествование, рожденное свободной фантазией автора-дворянина, а сама Екатерина из адресата превращается в музу и героиню. Подходящим местом для обитания Людмилы, созвучным ее красоте, оказывается сад Черномора:

... В саду. Пленительный предел:
 Прекраснее садов Армиды
 И тех, которыми владел
 Царь Соломон иль князь Тавриды [10, с. 48].

Первоначально идея волшебного сада принадлежала Екатерине, осуществившей ее совместно со строительством дома для царского уединения: «Стоило человеку переступить порог Эрмитажа, как он попадал в иной, непривычный мир, в царство прекрасного: картин, книг, скульптуры, музыки и пения, дружества, равенства и доброты. <...> Здесь, среди произведений искусства, посетитель должен был стать другим – раскрепощенным, веселым,

естественным, как птицы, певшие на все голоса под стеклянным куполом Зимнего сада» [11, с. 365]. Таким же сказочным выглядел сад в Тавриде Потемкина во время посещения его Екатериной:

Пред нею зыблются,
Великолепные дубровы;
Аллеи пальм и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины... [10, с. 49].

Но в памяти горожан остался сад Таврического дворца во время маскарада, устроенного Потемкиным в честь взятия Измаила в апреле 1791 г.: «...сад этот был чудом роскоши и искусства, и в шесть раз больше эрмитажного; тут был зеленый дерновый скат, густо обсаженный цветущими помаранцами, душистыми жасминами, розами; в кустарниках виднелись гнезда соловьев и других птиц, оглашавших сад пением. Между кустами были расставлены невидимые для гуляющих курильницы и бил фонтан из лавандовой воды» [12, с. 312]. Ср. у Пушкина:

Пригорки, рощи и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер Майский
Средь очарованных полей;
И свищет соловей Китайский
Во мраке трепетных ветвей
Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам... [10, с. 49].

Как и в «Сказке о царевиче Хлоре», открытое морализаторство в «Руслане и Людмиле» заменяется тайным посвящением. Подвергаются осмеянию все «заповеди», кроме одной – идти прямой дорогой. Именно к этому Фелица призывает Хлора – выбирать прямую дорогу, избегая лени и веселия. Ср. в рассказе Финна, мудрого наставника Руслана:

С надеждой, верою веселой
Иди на все – не унывай!
Вперед! Мечем и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай! [10, с. 18].

В то же время жизненный путь Финна, как и Хлора, обнаруживает преимущество тихой жизни перед дерзновенной героикой. Он не достигает счастья ни в одном из статусов, которых добивается: воина, чернокнижника, монаха. Только на закате своей жизни он понимает превосходство пастушеского бытия перед гордыми устремлениями за бесплодной мечтой.

Черты Лентяги отчетливо проступают в образе Фарлафа:

Все утро сладко продремав,
Укрывшись от лучей полдневных,
У ручейка, наедине,
Для подкрепленья сил душевных,
Обедал в мирной тишине [10, с. 36].

Нелюбовь Екатерины к масонам, к мистике в целом и вообще ко всему, не поддающемуся здравому рассудку, частично отражена в образе колдуньи Наины (явно восходящей к сказке Вольтера «Что нравится дамам» – одного из жанровых источников «Сказки о царевиче Хлоре»):

И мрачно ведьма повторила:
 «Погибнет он! Погибнет он!»
 Потом три раза прошипела,
 Три раза топнула ногой,
 И черным змием улетела [10, с. 64].

Близость поэмы «Руслан и Людмила» сюжетике «Сказки о царевиче Хлоре» обуславливает преемство позиции Пушкина от автора «Фелицы». Так, в образе Людмилы Пушкин пользуется теми приемами, которые он слышит в державинском ответе на «Сказку о царевиче Хлоре». Героиня выступает портретом реальной подруги, очаровательной именно своими слабостями, и в то же время музой легкой поэзии, выражающей это чувство. Это читается даже в эпизоде внезапно овладевшего героиней отчаяния, толкающего на самоубийство:

Она подходит – и в слезах
 На воды шумные взглянула,
 Ударила, рыдая, в грудь,
 В волнах решила утонуть –
 Однако в воды не прыгнула
 И далее продолжала путь [10, с. 51].

И в случае с минутным желанием отказаться принимать пищу автор радуется природному благоразумию Людмилы, не позволяющему впасть в аскетизм и не внимать естественным желаниям:

Не стану есть, не буду слушать,
 Умру среди твоих садов! –
 Подумала – и стала кушать [10, с. 51].

В этой победе природы над человеческим упрямством и ложным героизмом слышится гимн просветительству и екатерининскому правлению.

Людмила «божественна» именно своим человеческим, женским «несовершенством» – именно такой «рокайльный смысл» имеет ее уподобление Венере. Она любопытна (благодаря чему находит дверь в волшебный сад), умеет визжать (и этим отпугивает Черномора), вертится перед зеркалом (в результате чего узнает секрет волшебной шапки). На протяжении поэмы она «проливала слезы», «томилась грустью и зевотой», «дремала», плескалась и брызгалась в водопаде, и ей было ясно, что «рядиться никогда не лень» [10, с. 66]. И именно своими проказами она морочит злодея:

Без шапки вдруг она являлась,
 И кликала: сюда! сюда!
 И все бросались к ней толпою;
 Но в сторону – незрима вдруг –
 Она неслышною стопою
 От хищных убегала рук [10, с. 94].

Все эти шалости, забавы, слабости с подачи Державина в «Фелице» лишь подчеркивали цветение жизни, радость человеческого существования, умение умилять даже при самых невероятных жизненных перипетиях.

«Мадригальное» отношение Державина к Екатерине-Фелице («владычице души») – программно в обращении к читательницам поэмы Пушкина – подругам и музам автора:

Для вас, души моей Царицы,
 Красавицы, для вас одних

Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал [10, с. 5].

«Небылицы» прямо указывают на литературную стратегию Екатерины II ее «небрежное» отношение к писательству, которому она отводит роль домашнего досуга и удовольствия («как летом вкусный лимонад»). Таким «лимонадом» для Екатерины видит и Державин свою «Фелицу». Такова в конечном счете и цель «Руслана и Людмилы» для Пушкина:

Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои [10, с. 5].

Преимственность «Хлору» и «Фелице» как бы расширяет тематику лирических отступлений в «Руслане и Людмиле». Они прославляют основы дворянского вольного бытия, что было главной темой рассказа Державина «мурзы» Екатерине-Фелице и его хвалы ей. Прежде всего это мотив наслаждений как ключевого содержания свободной жизни дворянина. Последнее сводится к получению наслаждения от жизни:

...Вы слышите ль влюбленный шепот
И поцелуев сладкий звук,
И прерывающийся ропот
Последней робости?... Супруг
Восторги чувствует заране;
И вот они настали... [10, с. 12].

Это ведет к воспеванию молодости как самой яркой поры человеческой жизни, когда счастье осознается в ежедневных и будничных делах. А те, в свою очередь, выступают проявлением абсолютно свободного, независимого и детски беспечного бытия. Это состояние контрастирует с «надуманными» страхами и тревогами, ограничивающими человеческий размах:

О люди, странные создания!
Меж тем, как тяжкие страданья
Тревожат, убивают вас,
Обеда лишь наступит час –
И вмиг вам жалобно доносит
Пустой желудок о себе,
И им заняться тайно просит [10, с. 50].

Отступления в «Руслане и Людмиле» воспевают общение свободных и равных людей – главный атрибут дворянского быта, запечатленный в дружеском послании. О своей сибаритской жизни дворянин должен рассказать другу, родственному ему и по образу жизни, и по духу. Именно в русле таких «задушевных» признаний звучит шутливая благодарность судьбе за то, что среди его соперников в любовных авантюрах не так много волшебников:

Я каждый день, возстав от сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много [10, с. 83].

Гимн счастливой беспечности переходит в демонстрацию им неограниченных творческих возможностей. Значительную роль в этой демонстрации играет введение в третью часть поэмы. Автор провозглашает себя поэтом и обращается к читателю, критику и деве – трем составляющим писательского быта – по поводу своих стихов:

Напрасно вы в тени таились
 Для мирных, счастливых друзей,
 Стихи мои! Вы не сокрылись
 От гневных зависти очей.
 Уж бледный критик, ей в услугу,
 Вопрос мне сделал роковой:
 Зачем Русланову подругу,
 Как бы на смех ее супругу,
 Зову и девой и княжной? [10, с. 61].

Главным источником повествования в поэме Пушкина становится именно фантазия и мечта. Чем больше в поэме вымысла, тем свободнее и счастливее чувствует себя автор, демонстрируя всем мощь своего таланта и писательского дара. Поэтому Пушкин и стремится превратить свою фантазию в сказку, которая перерастает в поэму с посвящением и эпилогом, подобно роману:

Слилися речи в шум невнятный;
 Жужжит гостей веселый круг;
 Но вдруг раздался глас приятный
 И звонких гуслей беглый звук;
 Все смолкли, слушают Баяна:
 И славит сладостный певец
 Людмилу-прелесть и Руслана
 И Лелем свитый им венец [10, с. 10].

Фактически Пушкин реализует в «Руслане и Людмиле» главный завет Екатерины II – свободу ради творчества и творчество как воплощение свободы. Поэт равен богам и царям, «поэтически» творя мир в соавторстве с ними.

На преемственность пушкинской поэмы жанру дружеского послания уже указывалось Б. В. Томашевским [13]. Послания достаточно демонстративны: это и обращение к В. А. Жуковскому, и обыгрывание образов Розы и Горы, ставших центральными моментами и в «Руслане и Людмиле» и в ряде дружеских посланий конца XVIII – первой четверти XIX вв., а также являющимися сюжетообразующими в «Сказке о царевиче Хлоре».

Таким образом, просветительский абсолютизм Екатерины II способствовал пробуждению личностного начала, заключающегося в осознании дворянами процесса творения мира. В отличие от героического эпоса, Екатерина рассказывала не о гибели мира, а о достижении личностью счастья. Став практическим руководством дворянам в достижении счастья путем осмысления личностного статуса, сказки показывали, как этого можно добиться литературными средствами.

Список литературы

1. **Екатерина II.** Сказка о царевиче Хлоре / Екатерина II. – СПб. : Академия наук, 1782. – 22 с.

2. **Грот, Я. К.** Екатерина II в переписке с Гримом / Я. К. Грот // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук / Я. К. Грот. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1879. – № 1. – 130 с.
3. **Державин, Г. Р.** Сочинения: Стихотворения; Записки; Письма / Г. Р. Державин. – Л. : Художественная литература, 1987. – 503 с.
4. Поэты 1790-х – 1810-х годов. – Л. : Советский писатель, 1971. – 911 с.
5. **Пушкин, А. С.** Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 531 с.
6. **Крылов, И. А.** Басни, проза, пьесы, стихи / И. А. Крылов. – Л. : Лениздат, 1970. – 415 с.
7. **Карамзин, Н. М.** Избранные сочинения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. – М. : Художественная литература, 1964. – Т. 2. – 592 с.
8. **Вяземский, П. А.** Стихотворения / П. А. Вяземский. – Л. : Советский писатель, 1986. – 544 с.
9. **Батюшков, К. Н.** Полное собрание стихотворений / К. Н. Батюшков. – М. ; Л. : Советский писатель, 1964. – 353 с.
10. **Пушкин, А. С.** Руслан и Людмила. Поэма в шести песнях / А. С. Пушкин. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1820. – 142 с.
11. **Анисимов, Е. В.** Императорская Россия / Е. В. Анисимов. – СПб. : Питер, 2008. – 640 с.
12. **Пыляев, М. И.** Старый Петербург / М. И. Пыляев // Рассказы из былой жизни столицы / М. И. Пыляев. – М. : СП «ИКПА», 1990. – 496 с.
13. **Томашевский, Б. В.** Пушкин : в 2 кн. / Б. В. Томашевский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956–1961. – Кн. 1. 1813–1824. – 743 с.

Акимова Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской и зарубежной
литературы, Мордовский
государственный университет (г. Саранск)

E-mail: akimova_ti@mail.ru

Akimova Tatyana Ivanovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of Russian and foreign literature,
Mordovia State University (Saransk)

УДК 821.161.1-155

Акимова, Т. И.

«Ответ» свободных дворян Екатерине II в жанрах дружеского послания и сказочной поэмы конца XVIII – первой четверти XIX вв. / Т. И. Акимова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 78–88.

«ПОХИЩЕНИЕ ПРОЗЕРПИНЫ»: ПОПЫТКА АТРИБУЦИИ КОМИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Аннотация. В статье осуществляется попытка атрибутировать комическую поэму «Похищение Прозерпины», при этом авторы текста выявляются на основе и в зависимости от редакции текста: первая редакция – совместный труд Е. П. Люценко и А. М. Котельницкого, вторая – плод творческой работы Е. П. Люценко. Атрибутирование поэмы основано на исследовании библиографических трудов XIX–XX вв., сравнении и обобщении высказываемых в научной литературе позиций по данному вопросу, сопоставительном анализе прозаического предисловия «От сочинителей», предвещающего публикацию 1795 г., и поэтического обращения «К читателям», сопутствующего изданию 1805 г.

Ключевые слова: Е. П. Люценко, А. М. Котельницкий, «Похищение Прозерпины», атрибуция, первая и вторая редакции текста.

Abstract. The article describes an attempt to attribute the comic poem «The Rapture of Proserpine», regarding the fact that the authors of the texts are revealed on the basis of and according to two versions of the same text: the first version is the result of common work of Ye. P. Lyutsenko and A. M. Kotelnitsky, the second – the fruit of Lyutsenko's creative work. The attribution of poem is based on examining the biographical texts of XIX–XX centuries, comparing and generalizing the opinions and quotations, extracted from scientific literature, regarding this problem, comparative analysis of the prosaic foreword «From the authors» that forestalls the 1795 publication and poetic appealing «To reader» that attends the 1805 edition.

Key words: Ye. P. Lyutsenko, A. M. Kotelnitsky, «The Rapture of Proserpine», attribution, the first and the second version.

В 1933 г. в серии «Библиотека поэта» вышла книга «Ирои-комическая поэма», в которой наряду с бурлескными поэмами В. Майкова, М. Чулкова, Н. Осипова, И. Наумова, В. Пушкина, А. Шаховского было опубликовано «Похищение Прозерпины». В настоящее время авторство данного текста является спорным. В библиографических указателях, словарях, комментариях к научным изданиям, литературоведческих работах в числе авторов называется либо Александр Михайлович(?) Котельницкий¹, либо Ефим Петрович Люценко², либо сочинение оценивается как совместный труд поэтов, но доля участия каждого остается неопределенной. При этом не учитывается факт существования двух редакций поэмы: повторная публикация текста фиксируется как переиздание, а не как вторая редакция, хотя сочинение претерпело значительные изменения; не рассматриваются версии о разной степени участия Котельницкого и Люценко в редакциях поэмы.

¹ Котельницкий – поэт, сведения о нем крайне скудные: дата рождения указана приблизительная – 1770-е гг., дата смерти неизвестна, отчество Михайлович производится в «Словаре русских писателей XVIII века» со знаком вопроса.

² Люценко (1776–1854) – поэт, переводчик, известный в истории русской литературы (пушкинистике) как автор переведенной с немецкого языка сказочной поэмы К. М. Виланда «Первонте, или Желания», изданной А. С. Пушкиным в 1835 г., после чего разгорелась полемика о таланте поэта первой величины.

Первое издание «Похищения Прозерпины» (1795) включало в себя, помимо сопровождаемых комментариями трех песен, прозаическое предисловие «От сочинителей», подписанное «Е... Л...ко. А... К...кий» [1, с. 5], и французский эпиграф якобы из Лафонтена¹. «Издание второе, вновь исправленное и дополненное» (1805) не содержало формального (письменного) указания ни на Люценко, ни на Котельницкого. Издатель Петр Ступин адресовал книгу «его высокоблагородию Милостивому Государю Андрею Борисовичу Фоку» [3, с. 1], именем Петра Ступина подписано посвящение, предваряющее текст поэмы; далее шло поэтическое обращение «К читателям» без обозначения авторства, затем три песни, также сопровождаемые примечаниями. Составители издания «Ирои-комическая поэма» (вступительная статья В. А. Десницкого, редакция и примечания Б. В. Томашевского) пошли по компилятивному пути: опубликовали предисловие «От сочинителей», обращение «К читателям», текст поэмы по второму изданию. Б. В. Томашевский составил комментарии к произведению, а также литературно-биографические статьи об авторах. Примечательно, что в «Содержании» автор «Похищения Прозерпины» указан лишь один, Люценко, и поэму предваряет очерк его жизни и творчества. Котельницкий же в «Содержании» выступает лишь сочинителем «Окончания Енейды», именно перед данным текстом помещаются сведения о писателе. Это обстоятельство может служить одним из косвенных указаний на Люценко как автора второй редакции «Похищения...».

Б. В. Томашевский атрибутирует ирои-комическую поэму так: «Оба издания “Похищения Прозерпины” (1795 и 1805 гг.) вышли анонимно. Но первому изданию предпослано предисловие авторов, подписанное буквами “Е...Л...ко” и “А...К...кий”. Буквы эти легко расшифровываются. Сопиков приписывает эту поэму Александру Котельницкому, и это дает нам расшифровку второго имени. Что касается первого, то в Словаре светских писателей Евгения Болховитинова “Похищение” названо среди произведений Е. Люценко. Это подтверждается и автобиографией Люценко, сохранившейся в материалах Болховитинова» [3, с. 567]. Действительно, В. С. Сопиков в «Опыте российской библиографии» обозначает «Похищение Прозерпины» как «соч. А. Котельнитскаго» [4, с. 124], а Е. Болховитинов в «Словаре русских светских писателей» ставит поэму первой в списке сочинений Люценко [5, с. 40]. В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанов, расшифровывая буквенные сокращения (инициалы), указывает на двух авторов, Люценко и Котельницкого, ссылаясь на источники: «Геннади, Спис. Аннон., 33 [указ. один А. Котельницкий]; Карц. и Маз., 46» [6, с. 365]. Первый источник, «Список русских анонимных книг с именами их авторов и переводчиков» (СПб., 1874) Г. Геннади, нам был недоступен. В другом, «Справочном словаре», Г. Геннади действительно называет автором поэмы Котельницкого [7, с. 168], но в статье о Люценко указывает на существующее разночтение: «М. Евгений приписал ему (Люценко – Ю. Д.)

¹ Б. В. Томашевский в комментарии к «Похищению Прозерпины» дает перевод эпиграфа и предполагает, что он выдуман авторами: «Простите ошибки нашей юной болтовни; первые песни всегда слабы, всегда дитя заикается, начиная говорить” Лафонтен. Ошибки против элементарных правил французского стихосложения избавляют от необходимости искать цитату у Лафонтена. Она, очевидно, выдумана авторами “Похищения”» [2, с. 726].

Похищение Прозерпины на изнанку, Н. Котельницкаго»¹ [8, с. 269]. В. С. Карцов и М. Н. Мазаев в «Опыте словаря псевдонимов русских писателей» [9, с. 46] ставят знак вопроса после расшифровки фамилии Люценко. Что он означает: сомнение в соавторстве поэта (атрибутирование Котельницкого определяется безвопросительно) или в самой расшифровке (на наш взгляд, это более вероятно), – трудно понять, так как шесть других псевдонимов Люценко и, соответственно, его авторство сомнений у исследователей не вызывают. Н. М. Затворницкий [10, с. 64] не указывает на сотрудничество Котельницкого в работе над «Похищением Прозерпины», всецело приписывая поэму Люценко. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» первое издание поэмы не упоминается. Для интернет-сайтов, как правило, источником служит «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, поэтому на различных веб-страницах² встречается лишь «перепечатка» статьи данного словаря, в которой Котельницкий назван единственным автором «Похищения Прозерпины». В новейших словарных статьях Е. Э. Ляминой и С. И. Панова (1994), Р. Ю. Данилевского (1999), В. П. Степанова (1999) совместный труд Люценко и Котельницкого не вызывает сомнений. «В сотрудничестве с А. Котельницким, – пишут Лямина и Панов, – Л. написал бурлескную поэму “Похищение Прозерпины”» [11, с. 440]. В. П. Степанов в статье, посвященной Котельницкому, отмечает, что он «учился в Моск. ун-те, где сблизился с *Е. П. Люценко*, в содружестве с которым и начал литературную деятельность. В 1795 в типографии А. Г. Решетникова вышла их совместная бурлескная переработка одного из “превращений” Овидия – поэма “Похищение Прозерпины”» [12, с. 135]. Р. Ю. Данилевский называет не только авторов текста, но и говорит об эстетических предпосылках его написания: «Склонность Л. к бытовым зарисовкам, юмору, восходящая, может быть, к укр. народной и книжной культуре, проявилась в бурлескной поэме “Похищение Прозерпины” (1795), сочиненной Л. вместе с *А. М. Котельницким*» [13, с. 250–251].

К сожалению, точно определить объем работы каждого из поэтов не представляется возможным: нам не встретились указания ни на воспоминания авторов, ни на существование списков поэмы. Но на основе высказываний исследователей, анализа творчества поэтов, интерпретации предваряющих поэму прозаического и поэтического посланий к читателям вопрос о соотношении сделанного Люценко и Котельницким в некоторой степени прояснить можно.

Б. Л. Модзалевский предполагает: «Лучшие стихи принадлежат, вероятно, Котельницкому, который в 1802 году удачно пародировал *Виргилиеву “Энеиду”*» [14, с. 84]. Однако исследователь допускает неточности при комментировании предисловия «От составителей». Объясняя обращение поэтов к жанру травести словами самих сочинителей, он неверно дает указание на совместную литературную деятельность Котельницкого и Осипова и не расшифровывает псевдоним «Г. Н.»: «Авторы говорят, что они решились издать

¹ Инициал «Н.» Котельницкого, вероятно, является опiskой, так как в посвященной ему статье называется имя Александр.

² URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Котельницкий_А. (дата посещения 6 мая 2010) ; http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/Котельницкий (дата посещения 6 мая 2010 г.) ; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/7411> (дата посещения 6 мая 2010 г.).

этот “первый плод и произведение своей юности” потому, что видели успех “Энеиды” наизнанку г. О.²⁾ и такой же “Энеиды” г. Н.³⁾ Последний труд, говорят они, несмотря на его огромные недостатки, все-таки был принят очень благосклонно. Вот почему и они решились выступить с подобным же произведением» [14, с. 84]. Во второй сноске Б. Л. Модзалевский указывает: «То есть, Н. П. Осипова, изданную вместе с тем же А. Котельницким в 1791 году» [14, с. 84], но Б. В. Томашевский, Н. К. Гудзий, В. П. Степанов разделяют работу Осипова и Котельницкого. Осипов переложил четыре части поэмы (он остановился на седьмой песни), после его смерти Котельницкий перелицевал пятую и шестую части (8–12 песни), в 1802 г. была опубликована пятая часть, в 1808 г. – шестая. В предисловии «От сочинителей» читаем: «Известно всякому, с какою благосклонностию принята Публикою Энеида Г. О. Сие превосходное в своем роде творение, какого только ожидать было можно, произвело наконец новаго подражателя Г. Н. Но кто не скажет, что подражание его слабо? читая Язона и Энеиду едва можно найти малое подобие» [1, с. 1]. Псевдоним «Г. Н.» расшифровывается как «господин Наумов», а под подражанием «Энеиде» Осипова подразумевается «Язон» Наумова. Модзалевский же понимает эти строки иначе: у него появляется «такая же “Энеида” г. Н.», и в третьей сноске он пишет: «Этого перевода не указано ни у Сопикова, ни у Смирдина» [14, с. 84]. Выявленные ошибки не позволяют нам принять суждение исследователя о том, что лучшие стихи «Похищения Прозерпины» принадлежат Котельницкому, мы отклоняем это предположение.

Б. В. Томашевский, размышляя о «вкладе» молодых литераторов, высказывает противоположное Модзалевскому мнение: «Ни Люценко, ни Котельницкий не обладали ярко выраженной поэтической физиономией, которая дала бы возможность учесть долю каждого в создании “Похищения Прозерпины”. Вероятно все-таки, что первая роль принадлежала Люценке, обладавшему к моменту ее создания бóльшим поэтическим опытом. На это указывает и первое место, занимаемое его подписью под предисловием авторов, и то, что в своей автобиографии он безусловно приписывает ее себе, считая нужным в другом случае оговорить сотрудничество других лиц» [15, с. 573].

Отведение Люценко, а не Котельницкому главной роли в написании «Похищения Прозерпины» можно, на наш взгляд, дополнить и, соответственно, подтвердить следующими положениями.

Во-первых, Б. В. Томашевский и Н. К. Гудзий отмечают слабость поэтического дарования Котельницкого. Размышляя о его «Энеиде»¹, не обходя стороной последние части источника перелицовки – «Энеиду» Вергилия, они отзываются о Котельницком как о поэте, не способном проявить в жанре травестированной поэмы самостоятельность, искру задора, оригинальность. Б. В. Томашевский пишет: «Последние песни “Энеиды” и в латинском оригинале считаются наименее удачными. Это отразилось и на вялости и однообразии русской перелицовки, тем более что отсутствие поэтической фантазии у Котельницкого заставляло его рабски следовать в развитии эпизодов за Вергилием» [16, с. 724]. Заметим, что в предисловии к первой редакции «Похищения Прозерпины» авторы подчеркивают свободный полет своей творческой фантазии: «Естьли же где и выступали мы из границ, предписанных на-

¹ Мы остановились на едином для всех писателей (Осипов, Котельницкий, Котляревский, Люценко) написании «Энеида» (а не «Енейда» и т.п., принятом в XIX в.).

шему перу, то единственно для того, чтобы придать большую силу и живость описанию.

Есть картины с некоторою вольностью представленные: но что сочинение без духа! что сочинитель без вольных мыслей? – Произведения разума его мертвы, и естли где и блесит роса на листочках, то редко» [1, с. 2–3]. Под вольностью в данном случае понимается прежде всего вольность на словесном, а не на сюжетном уровне, т.е. стилистическая, которая исключает языковую «вялость». Соотнесение высказанных в предисловии идей с точкой зрения Томашевского об отсутствии «поэтической фантазии у Котельницкого» может служить косвенным аргументом в пользу предположения о том, что Люценко играл ведущую роль в создании «Похищения Прозерпины».

При сопоставлении «Энеиды» И. П. Котляревского с одноименными текстами Осипова и Котельницкого Гудзий, словно вторя Томашевскому, отмечает: «У самого Вергилия последние песни его “Энеиды” были слабее предшествовавших. Окончание “Энеиды” Котельницкого <...> также отличалось вялостью, однообразием и часто художественной беспомощностью даже по сравнению с текстом Осипова» [17, с. 131], «Котельницкий был эпигоном Осипова и лишь продолжателем его работы, лишенной даже тех немногих литературных качеств, какими обладал Осипов» [17, с. 133].

Интересно, что в 1809 г. в Санкт-Петербурге Люценко выпустил свою «11-ю песнь Энеиды на изнанку, в продолжение переделанной Осиповым», т.е. когда читателю уже была известна переделка Котельницкого. «11-я песнь Энеиды» Люценко остается неизвестной (ее нет в каталогах библиотек РНБ и РГБ), но сам факт появления новой перелицовки песни поэмы свидетельствует не только о соревновании между бывшими соавторами и популярности у публики подобного рода книг, но и о желании представить читателям сочинение, написанное более искусным слогом. Данное предположение выдвигается нами на основе суждений Люценко, высказанных в предисловиях к переведенным им произведениям. Литератор обращается к ранее переведенным сочинениям¹ как по велению сердца и ума (эстетические взгляды), так и с намерением исправить язык переводов, «уничтожить недостатки устарелого слога и погрешности против смысла» [18, с. 4], приблизиться к подлиннику. Им движет желание публики и собственное «видеть» ту или иную книгу «в лучшем, совершеннейшем виде» [18, с. 3]. Ориентация на языковое совершенствование для Люценко является одной из приоритетных позиций в работе над неоригинальным сочинением. В качестве примера обратимся к «Предисловию» «Странствований Телемака». Переводчик пишет: «Вышло в свет с 1747 года по сие время 13 изданий. Но одне из них, при самом появлении, а другия вскоре, или по прошествии не многих лет возбуждали во многих читателях желание видеть новый перевод, более достойный подлинника, более отвечающий успехам нашей словесности.

Одни переводчики поэмы: *Странствования Телемака*, следуя старинному обычаю, наполнили переводы свои напыщенными, тяжелыми выражениями и громозвучными словами, смешанными с самыми обыкновенными и

¹ Например, «О познании самого себя, или Рассуждения о естестве и пользе сей важной науки, с показанием средств к достижению оной, и присовокуплением примечаний» И. Масона, «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «Странствования Телемака, сына Улисса» Ф. Фенелона.

даже простыми изречениями; другие, увлекшись новейшим, слишком утонченным, ветреным вкусом некоторых модных Словесников перевели сию поэму точно таким слогом, какой виден во многих романах. Переводчики из одной крайности впадали в другую, не достигая, повидимому, естественности и приличия в слоге сего творения, или, может быть, неприложив о исправленном онаго переводе довольно старания» [19, с. I, II–III]. Люценко не решается на перевод «с нуля». Он выбирает из всех напечатанных до 1818–1819¹ гг. «изданий Телемака, по мнению людей, имеющих в изящной Словесности познания» и по собственному «замечанию, самое лучшее» [19, с. III] – перевод 1805 г., принадлежавший Г. И. Шиповскому. Люценко сличает текст Шиповского «с каждым почти словом подлинника» [19, с. V] и помнит, что «с 1805 года, вкусы в языках и науках ощутительно усовершенствовались» [19, с. V], т.е. он работает над изящностью слога, который соответствовал бы современным литературным нормам. Этот принцип, вероятно, Люценко проявляет и при перелицовке «11-й песни Энеиды на изнанку», соревнуясь с Котельницким.

Во-вторых, следует обратить внимание на сопровождающие «Похищение Прозерпины» прозаическое послание «От сочинителей» (1795) и поэтическое «К читателям» (1805). Предисловие к изданию 1795 г. написано от первого лица множественного числа (форма «мы» и производные от нее встречаются 14 раз), обращение «К читателям» – от первого лица единственного числа (форма «я» и производные от нее встречаются восемь раз). В поэтическом предисловии четко разграничивается авторство первой и второй редакции: «Богиня сделала то диво, / Что первый опыт наших сил / Был принят публикой щастливо: / Уж весь он в гости укатил!.. / Такому радуясь успеху, / Для назидательного смеху / Я взял вновь песню лет младых, / И перестроивши, как знаю, / Благоговейно повергаю / К стопам читателей моих» [3, с. II]. Разделение авторства на «наше» (общее) и «мое» (личное) сознательно. В следующей строфе говорится о творческих замыслах поэта: «Когда же Критики брюзгливы / На Прозерпину нападут, / То осердясь, еще другую / Издам поэму пребольшую; / Пускай типун над ней собьют» [3, с. II].

Публикация пятой части «Энеиды» Котельницкого, состоявшаяся в 1802 г., не может быть предполагаемой поэмой (хронологическое и структурное несовпадение), а шестая часть трагедии – цельным произведением, «пребольшой поэмой». В числе других сочинений Котельницкого этого времени (1805–1807 гг.) также не находим подходящих под названное жанровое обозначение. Так, 8 января 1801 г. поэт поднес Г. Р. Державину полный прозаический перевод «Горациевых од» (Кн. 1–2; 58 од). В. П. Степанов, конкретизируя хронологические рамки, сообщает, что «позднее эти переводы были переложены К. стихами, в основном рифмованными ямбами, часто белым и “русским” стихом (беловой автограф в бумагах Державина – РНБ, ф. 247 № 38, л. 14–62)» [12, с. 136]. Абстрактное «позднее», жанровое несовпадение (ода – поэма), отсутствие публикации (судя по указанию на автограф) – все это свидетельствует о несовпадении творческих замыслов Котельницкого и

¹ 1818–1819 гг. взяты нами из следующих подсчетов: перевод Люценко вышел в 1822 г., разрешение цензуры на публикацию было получено значительно раньше, 7 сентября 1820 года; приблизительное время работы должно было составить один-два года.

автора обращения «К читателям». Люценко в своей автобиографической записке указывает, что в 1807 г. он закончил перевод «Перфонтий и Вастола» «из стихотворений Виланда»¹ [15, с. 568], т.е., можно предположить, что время работы над переводом приходится на 1805–1806 гг., а за адресантом обращения «К читателям» скрывается Люценко. Прозорливость ли поэта или ирония судьбы сыграли свою роль – после выхода в свет «Вастолы» литературные критики, действительно, «типун над ней» сбили.

На основе всех приведенных выше фактов, думается, доказательно прозвучит положение, согласно которому первая редакция «Похищения Прозерпины» является совместным трудом Люценко и Котельницкого, где ведущим автором выступал Люценко, а вторая редакция поэмы всецело стала его инициативой.

Список литературы

1. Похищение Прозерпины, в трех песнях, наизнанку. – М. : Типография А. Решетникова, 1795. – 94 с.
2. **Томашевский, Б. В.** Похищение Прозерпины [Примеч.] / Б. В. Томашевский // Ирои-комическая поэма. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – С. 725–732.
3. Похищение Прозерпины, в трех песнях, на изнанку. – СПб. : Театральная Типография, 1805. – 88 с.
4. **Сопиков, В. С.** Опыт российской библиографии : в 4 ч. / В. С. Сопиков ; ред., примеч., доп. и указатель В. Н. Рогожина. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1905. – Ч. IV. – 344 с.
5. **Евгений (Болховитинов).** Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России : в 2 т. / митр. Евгений. – М. : Университетская типография, 1845. – Т. II. – 290 с.
6. **Масанов, И. Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. / И. Ф. Масанов. – М. : Изд-во всесоюзной книжной палаты, 1956. – Т. 1. – 444 с.
7. **Геннади, Гр.** Справочный словарь о русских писателях и ученых умерших в XVIII и XIX столетиях и Список русских книг с 1725 по 1825 : в 3 т. / Гр. Геннади. – Берлин, 1876. – Т. 1. – 432 с.
8. **Геннади, Гр.** Справочный словарь о русских писателях и ученых умерших в XVIII и XIX столетиях и Список русских книг с 1725 по 1825 : в 3 т. / Гр. Геннади. – Берлин, 1880. – Т. 2. – 434 с.
9. **Карцов, В. С.** Опыт словаря псевдонимов русских писателей / В. С. Карцов, М. Н. Мазаев. – СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1891. – 160 с.
10. Столетие военного министерства 1802–1902 : указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно / сост. подполковник Н. М. Затворницкий. – СПб. : Типография поставщиков двора Его Императорского Величества товарищества М. О. Вольф, 1909. – 912 с.

¹ Фразу «из стихотворений Виланда» следует прокомментировать. Источником сказочной поэмы для Люценко стало издание «Избранных стихотворений» Виланда 1789–1794 гг., к этому времени немецкий поэт написал две части поэмы, охладев к ней и оставив незаконченной. В декабре 1794 г. Виланд вновь обращается к «Вастоле»: перерабатывает первые две части и пишет третью. Окончательный вариант поэмы выходит в 18-м томе «Собраний сочинений» (1796) [20, с. 428]. Третья часть оказалась доступна Люценко, судя по его предисловию (рукописному), лишь в 1815 г.

11. **Лямина, Е. Э.** Люценко Ефим Петрович / Е. Э. Лямина, С. И. Панов // Русские писатели 1800–1917 : биографический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия ; научно-внедренческое предприятие ФИАНИТ, 1994. – Т. 3. – 592 с.
12. **Степанов, В. П.** Котельницкий Александр Михайлович / В. П. Степанов // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб. : Наука, 1999. – Вып. 2. – 508 с.
13. **Данилевский, Р. Ю.** Люценко Ефим Петрович / Р. Ю. Данилевский // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб. : Наука, 1999. – Вып. 2. – 508 с.
14. **Модзалевский, Б. Л.** Пушкин и Ефим Петрович Люценко / Б. Л. Модзалевский // Русская старина. – 1898. – Т. 94. – С. 73–88.
15. **Томашевский, Б. В.** [Е. П. Люценко] / Б. В. Томашевский // Ирои-комическая поэма. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – С. 567–573.
16. **Томашевский, Б. В.** Окончание Енейды – Котельницкого [Примеч.] / Б. В. Томашевский // Ирои-комическая поэма. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – С. 724–725.
17. **Гудзий, Н. К.** «Энеида» И. П. Котляревского и русская трагестированная поэма XVIII в. / Н. К. Гудзий // Вестник Московского университета. – 1950. – № 7. – С. 127–143.
18. **Люценко, Е. П.** Предисловие / Е. П. Люценко // Иоана Масона о Познании самого себя, или Разсуждения о естестве и пользе сей важной науки, с показанием средств к достижению оной, с примечаниями. – СПб. : Медицинская типография, 1819. – С. 3–8.
19. **Люценко, Е. П.** Предисловие / Е. П. Люценко // Странствования Телемака, Сына Улисса. Творение Г. Фенелона. Перевод Г. Шиповскаго, по его последней рукописи вновь с подлинником сверенный и исправленный Е. Люценко. – СПб. : Типография Н. Греча, 1822. – С. I–VII.
20. **Wieland, C. M.** Wielands Werke : in vier Bänden / C. M. Wieland. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1969. – Bd. 3. – S. 428–431.

Дорофеева Юлия Геннадьевна
аспирант, Институт филологии
и журналистики, Саратовский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

E-mail: grunaughen@mail.ru

Dorofeeva Yuliya Gennadyevna
Postgraduate student, Institute of philology
and journalism, Saratov State University
named after N. G. Chernyshevsky

УДК 821.161.1.09-1 |17/18| + 929 Люценко
Дорофеева, Ю. Г.

«Похищение Прозерпины»: попытка атрибуции комической поэмы / Ю. Г. Дорофеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 89–96.

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭПИГРАММЫ А. А. ДЕЛЬВИГА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ XIX в.¹

Аннотация. В статье, содержащей анализ антологических эпиграмм А. А. Дельвига в контексте литературного процесса XIX в., отмечается, что, обращаясь к известному жанру античной литературы с его характерной образной направленностью, статичностью описания, не развивающего, а лишь развертывающего свою тему, русский поэт, как человек своей эпохи, не мог следовать по пути глубокой мифологизации действительности, акцентируя внимание на раскрытии собственной жизненной философии, в частности представлений о смерти как преображении, возвышении человека. Антологическое начало у Дельвига также связано с темами преходящести земной красоты, недолговечности молодости, противостояния судьбе или смирения с ней, преданной любви, невозможности покоя в суетной земной жизни, бессилия человека перед роковым стечением обстоятельств, божественного происхождения искусства и др. Жанр антологической эпиграммы, представленный до появления дельвиговских произведений сочинениями А. Х. Востокова и В. К. Кюхельбекера, вследствие творческих удач А. А. Дельвига получил в русской литературе первой трети XIX в. прочное закрепление, привлек внимание многих современников.

Ключевые слова: А. А. Дельвиг, антологическая эпиграмма, русская античность, поэзия, литературный процесс, художественная деталь, межкультурная коммуникация.

Abstract. The article analyses the anthological epigrams by A. A. Delvig in the context of the XIX century literature process. The authors of the article notice that when appealing to the genre of antique literature with its peculiar image, direction, slow description, the Russian poet, being a person of his epoch, doesn't usually develop but only expands his theme. He can't use the deep mythological interpretation of reality when disclosing his personal life philosophy, for example, regarding the role of death as a means of transformation and elevation of a person. Delvig's anthological origin connects with the theme of transient world beauty, youth brevity, struggling with the fortune or putting up with it, trusty love, absence of peace in the vanity world, human weakness in front of the fatality, sky-born art etc. Before Delvig, the genre of anthological epigrams appeared in the works of A. K. Vostokov and V. K. Kukhelbeker and due to successful creative works by A. A. Delvig this genre found place in the Russian literature of the beginning of the XIX century and was recognized by many contemporary writers.

Key words: A. A. Delvig, anthological epigram, Russian antiquity, poetry, literary process, artistic detail, intercultural communication.

¹ Статья подготовлена по проекту 2010-1.2.1-300-028/1 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследований группами под руководством докторов наук» мероприятия 1.2 «Проведение научных исследований группами под руководством докторов наук и кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.» (госконтракт № 16.740.11.0415).

В первой трети XIX в. усилилась ориентация русской литературы, проявлявшей глубокий интерес к античной культурной традиции, на поэзию древнегреческих антологий – сборников, включавших в себя небольшие стихотворения, преимущественно эпиграммы многочисленных авторов. В числе прочих русский поэт А. А. Дельвиг обратился к созданию антологических эпиграмм, характеризующихся существенным тематическим разнообразием, небольшим объемом, серьезностью поэтического содержания и написанных элегическим дистихом. В отличие от А. А. Дельвига, в совершенстве овладевшего жанром антологической эпиграммы, испытывавшего потребность регулярного обращения к нему, многие русские поэты (К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка и др.) отдавали очевидное предпочтение антологической миниатюре, как более свободной в плане формального выражения, сосредоточенной на внутреннем мире человека, его чувствах, отличающейся лиричностью, неоконченностью («открытостью»), относительной приземленностью содержания. Гекзаметрическая эпиграмма выделялась возвышенностью, объективностью, почти полным отсутствием внимания к внутренней сфере, эпичностью (за исключением очень коротких текстов, содержащих только высказывание о вещи), а также «классической гармонией завершенных, точных образов» [1, с. 359], создававшей «впечатление какой-то исключительной отделанности, законченности» [2, с. 358]. Создателем русской антологической эпиграммы был А. Х. Востоков, произведения которого «Надгробная М. И. Козловскому» и «Изящнейшие феномены» стали образцами для авторов-последователей – А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера и др.

При рассмотрении антологических эпиграмм Дельвига важно не ограничиваться общей констатацией античных мотивов, но «исследовать их национально-историческую модификацию, как и индивидуально-авторское их истолкование» [3, с. 7]. Увлечение древнегреческими антологиями имело существенную политико-культурную почву, заключавшуюся в широком распространении в России так называемого «греческого проекта» [4, с. 52–78]. В основу антологической эпиграммы Дельвига «Переменчивость» (1816) была положена обеспокоенность изменениями в судьбе утратившего национальную гордость греческого народа: «Все изменилось, Платон, под скипетром старого Хрона: / Нет просвещенных Афин, Спарты следов не найдешь, / Боги покинули греков, греки забыли свободу, / И униженный раб топчет могилу твою!» [4, с. 112]. Сочинения Платона, к которому обращался автор эпиграммы, воспринимались, наряду с творчеством Гомера, как образец высокой поэзии и ценились на общем фоне «тяготения к героическим традициям древнегреческой литературы», свойственного, по наблюдению А. Елистратовой, «для эллинистического направления в романтизме, представленного И.-Х.-Ф. Гельдерлином, так же как отчасти Дж. Китсом, Э. Шелли, а в России – Батюшковым и Дельвигом» [6, с. 95]. Дельвиговская эпиграмма не только вобрала в себя подсказанное временем содержание, но и способствовала раскрытию интересов и творческой индивидуальности самого автора [7, с. 152]. Греки оказались близки Дельвигу и как наследники непревзойденной античной культуры, и как народ с наиболее древними православными традициями. Дельвиг не размышляет «о двух тысячах лет истории, изменившей облик <...> народа», поскольку античные воспоминания «кажутся ему реальностью его времени» [8, с. 346].

Многие предшественники и современники Дельвига, в частности М. М. Херасков, О. М. Сомов, писали о тяжелом современном положении поработанного греческого народа: «В стране, исполненной бессмертных нам примеров, / В отечестве богов, Ликургов и Гомеров, / Не песни сладкие всплывают музы днесь – / Парнас травой зарос, опустошился весь» (М. М. Херасков, «Чесменский бой», 1771) [9, с. 30]; «Взгляните: ныне грек, потомок ваш, в цепях! / В поносном рабстве век влачит он бесполезный!» (О. М. Сомов, «Греция (подражание Ардану)», 1822) [10, с. 220]. В отличие от Дельвига, выражавшего пессимизм по поводу дальнейшей судьбы древнегреческого народа, другие поэты высказывали в своих стихах веру в славное будущее греков: «Но близок, может быть, приход златых веков! / И греки из своих исторгнутя оков» (М. М. Херасков, «Чесменский бой») [11, с. 176]. В стихах поэтов пушкинского круга, написанных после греческого восстания, происходило окончательное совмещение двух Греций – античной и современной, исторические контуры которых совпадали, тем самым подчеркивая «двуединую направленность мечты поэта-романтика», что на примере «Олимпийских игр» (1822) В. К. Кюхельбекера подобно рассмотрела Е. М. Пульхритудова [12, с. 54].

Историзм антологических эпиграмм, в том числе «Переменчивости» Дельвига, состоял не в точном изображении конкретных эпизодов и реалий прошлого, а в передаче эмоционального впечатления от величия ушедшей культурно-исторической эпохи, в целостном проявлении народного духа. Глубоко прав Г. А. Гуковский, утверждавший, что античность понималась поэтами пушкинского времени не в конкретном историческом плане, а в качестве «условного <...> идеала, не связанного органически <...> с этнографическими <...> чертами породившей его культуры и действительности» [8, с. 232]. Дельвигу было важно как воспринять античность, так и показать с ее помощью современность, причем он обращал миг жизни к античности настолько, насколько тот обращен ко всему общечеловеческому, «выявленному в ракурсе <...> гармонии» [13, с. 90, 286], что в конечном итоге придавало особую смысловую емкость лирической ситуации. Традиция изображения современности средствами античной поэзии (с учетом характерной образности, ритмико-композиционной схемы стиха) была воспринята русскими романтиками, в том числе Дельвигом, из творчества А. Шенье, а также из немецкой литературы (сочинения И.-В. Гете, Ф. Шиллера, И.-Г. Гердера, И.-Х.-Ф. Гельдерлина).

Дельвиг, в соответствии с традицией, не стремился в антологических эпиграммах, равно как и в произведениях некоторых других жанров, даже к условному воссозданию картины античной жизни, ее внешних примет, а представлял далекое прошлое как светлое, возвышенное время, выгодно отличающееся от современности. Противопоставление прошлого и настоящего во многих его произведениях только намечается, подразумевается, тогда как в некоторых текстах, таких как эпиграмма «Переменчивость», оно проступает вполне выпукло и определено. На материале «антологических эпиграмм» Пушкина, совершенно отображавших как формы древнегреческой поэзии, так и метод мифологизации, раскрывавших сущность художественного по преимуществу мышления древней Эллады, Д. Д. Благой пришел к выводу, что по содержанию своему такие произведения, реально не имеющие никакого отношения к Греции, написаны поэтом «на важные для него и волнующие его

темы, подсказывавшиеся и его собственным духовным развитием, и русской жизнью «железного XIX века» [14, с. 517], т.е. содержат взгляд на реальность через призму духовного комплекса античности. Вместе с тем античное начало как идеал и норма не могло раствориться в эмпирической действительности, поскольку противостояло ей «как эталон и корректив, как ее возвышенно героизированный и требовательный лик» [15, с. 120].

Увлечение Дельвига и других русских поэтов антологической эпиграммой и наметившаяся тенденция раскрытия современных мыслей при помощи античной формы воспринимались К. А. Полевым как модное поветрие, далекое от отечественной традиции: «У греков они (антологические эпиграммы. – Д. Ж.) имели особенную цену: цветок, дерево, ручей, дыхание ветра, статуя, столб – для них все имело свое значение только в отношении к великой силе, приводящей их в гармонию <...>; для нас такое выражение невозможно, ибо мы чувствуем и мыслим иначе, а форма всегда принимает свой вид от внутренней мысли» [16, с. 359; 17, с. 45]. Особому осуждению К. А. Полевого подверглась дельвиговская эпиграмма «Мы» (1824), в которой якобы «мысль самая обыкновенная» и «выражена совсем не поэтически» [16, с. 359]. Действительно, Дельвиг размышлял в своем произведении не о людях прошлого, а о своих современниках и прежде всего о самом себе, причем, сравнивая ум с факелом, освещавшим человеческую жизнь, он приходил к выводу об эфемерности счастья, основанного на пустоте бесплодных иллюзий: «Бедные мы! что наш ум? – сквозь туман озаряющий факел / Бурей гонимый наш челн по морю бедствий и слез; / Счастье наше в неведеньи жалком, в мечтах и безумстве: / Свечку хватает дитя, юноша ищет любви» [5, с. 180]. Использованное поэтом уподобление человека пловцу, а земной жизни – блужданию по беспокойному, изменчивому «морю бедствий и слез» имело прочную литературную традицию, восходившую к символизму платоников [18, с. 217], и, в частности, встречалось в антологической эпиграмме Паллада «Полон опасностей путь нашей жизни...» («...Застигнуты бурей, / Часто крушенье в пути терпим мы хуже пловцов» [19, с. 273]), в «Размышлении по случаю грома» И. И. Дмитриева («Под мраком в океане жизни / Пловец на утлой ладие. / Отдавши руль слепому року, / Он спит – и мчится на скалу» [20, с. 199]), в стихотворении А. Ф. Мерзлякова «Утешение в печали» («Жизнь твоя – кипящее море; / Ты один, один средь волн / Предаешь пустыне челн...» [21, с. 138]).

Философские размышления с позиций современности, облеченные в античную форму, являются характерной особенностью не только рассмотренных произведений Дельвига, но и в целом античных жанров в русской литературе первой трети XIX в. Неприятие этого характерного явления, отразившееся в статье К. А. Полевого, звучало впоследствии и в других литературно-критических выступлениях. К примеру, в оценке античного начала в творчестве Дельвига Н. Г. Чернышевский присоединился к «справедливому мнению» К. А. Полевого «о невозможности в наше время писать теокритовские идиллии», подтверждая его замечанием о том, что «и самому Гете не удалась его античные стихотворения» [22, с. 300]. Однако трудно признать подобный подход оправданным, поскольку среди произведений Дельвига, других авторов, тяготеющих к античности, были и такие, что сыграли большую, важную роль в освобождении русской словесности от «тяжелых цепей французского вкуса» [23, с. 66], ограничении влияния на отечественную по-

эзию традиций французского стихосложения. В этой связи символично, что первоначальное увлечение античностью со стороны поэтов конца XVIII – начала XIX в. было вызвано чаще всего влиянием представителей французской «легкой поэзии» Ш. Мильвуа, Э. Парни, Н. Леонара, Ж.-Б.-Л. Грессе и др., нередко прибегавших к поверхностному использованию мифологии. Отчасти по этой причине ранний этап увлечения античностью в русской поэзии, в том числе и в творчестве Дельвига, характеризовался преимущественным использованием древних (реально-исторических, мифологических, условно-мифологических) имен и обращением к распространенным древним сюжетам.

Стремясь к воссозданию формальных черт античной литературы, ее характерной образной направленности, статичности описания, не развивающего, а лишь развертывающего свою тему [24, с. 110], антологическая эпиграмма нередко выстраивалась на доступных ушедшей общественной формации жизненных представлениях, являвшихся значимой частью древнего быта. Особую дискуссию вызывал вопрос о способности или неспособности антологической поэзии Дельвига отразить дух давно ушедшей исторической эпохи. По этому вопросу К. А. Полевой высказывался категорично: «Подражать одним формам их (античных авторов. – Д. Ж.), но не духу и формам вместе: вот что возможно для современников наших. Это и делает барон Дельвиг» [16, с. 359]. В спор с К. А. Полевым, вызванный выходом прижизненного дельвиговского сборника, вступил М. Н. Лихонин, считавший, что при искусном подражании Дельвигу частично удастся сохранить дух древней Эллады [25, с. 185]. Эта точка зрения представляется более убедительной: в антологические эпиграммы Дельвиг избегает включать этнографизмы, слова с узкоспециальными значениями; он добивается прежде всего пластики в духе античной поэзии, стремится раскрыть мир через яркие, неповторимые образы. Как человек своей эпохи, Дельвиг, разумеется, не мог идти по пути глубокой мифологизации действительности, однако наследие прошлого, несомненно, способствовало непосредственному, конкретно-чувственному осознанию жизненных ситуаций, выработке неповторимого метода художественного восприятия и созерцания реалий бытия. Наконец, поэт вносит в эпиграммы свое мироощущение, осознание сущности и основ жизни, что не только не противоречит избранной античной форме, но и гармонично оттеняет ее. Подобный творческий подход помогает Дельвигу быть оригинальным в раскрытии тем, создании образов.

Авторы эпиграмм, пользовавшихся существенно большей популярностью в эллинистическом обществе, нежели произведения других малых форм, искали, по наблюдению И. М. Тронского, «не столько оригинальности трактовки, сколько новизны словесного выражения, сочиняя по несколько стихотворений на одну и ту же тему или заимствуя тему предшественника, с тем чтобы найти для нее новое оформление» [26, с. 225]. К числу антологических эпиграмм уже тогда относились как стихотворения эпиграфического характера (посвящения, надгробия, надписи на статуе или стеле), так и краткие произведения, преимущественно варьирующие философские мотивы. В творчестве Дельвига представлены практически все варианты антологических эпиграмм, этой «самой малой по объему разновидности бессюжетно-персонажной лирики» [27, с. 151], причем заслугой поэта было создание первых экфрасических произведений [28, с. 226], а также привлечение в тексты

данного античного жанра гомеровской темы, ставшей впоследствии популярной в русской литературе. Следует признать, что особого многообразия антологических эпиграмм не было даже в античности, не говоря уже о поэзии Дельвига, что связано, на наш взгляд, с особой пластичностью элегического дистиха, использование которого предполагает объективный характер текста, его тесную связь с предметом описания.

В соответствии с традициями жанра антологические эпиграммы Дельвига написаны элегическим дистихом. Безрифменное чередование строк гекзаметра и пентаметра с чередующимися женской клаузулой в гекзаметрической части стиха и мужской клаузулой во втором стихе пентаметра придавало изображаемому особую плавность и возвышенность. Еще А. Х. Востоков, одним из первых (вслед за В. К. Третьяковым и А. Н. Радищевым) обратившийся в России к элегическому дистиху [29, с. 390], отмечал, что частые стяжения, делавшие дактиль хореем, могут лишить стих полнозвучности и сходства с сочинениями древних [30, с. 60]. Это понимал и Дельвиг, в некоторых антологических эпиграммах которого хореев нет вообще («Н. И. Гнедичу», «Эпитафия» («Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой...»), «Мы», «Утешение», «Грусть», «Удел поэта»), а во всех других они очень редки. Среди ранее отмечавшихся [31, с. 224, 228, 232] композиционных приемов построения антологических эпиграмм, создающих впечатление пластики и гармонии, произведениям Дельвига оказались свойственны смысловой и синтаксический параллелизм, антитестичность, использование переносов, приводящих к несовпадению фразовых сечений с цезурами, а также выразительный прием повторения отдельных слов, формирующий эффект возвращения; скульптурный эффект достигается соблюдением принципа симметрии частей произведения («Эпиграмма» («Свиток истлевший с трудом развернули...»), «На смерть В...ва» и др.). Следует особо сказать о многообразии эпитетов, используемых в антологических эпиграммах в целях достижения «поэтизации изображаемой реальности и одновременно повышенной точности, избегающей сложных оттенков». Дельвиговский эпитет, вовлеченный в «эмоциональный контекст антологического мироощущения» и воплощающий специфические чувственные реакции на мир, тяготеет от индивидуального к общему, «попадает в самую сердцевину изображаемого явления, в его устойчивое ядро» [13, с. 112–114], с которым и связываются мысли о его неизбежной ценности и о постоянстве.

Антологические эпиграммы помогают понять жизненную философию Дельвига, осознать характерные особенности его мировосприятия. Во многих из них так или иначе затрагивается тема смерти, завершения земного бытия человека. Интересно отметить, что фактически везде («Н. И. Гнедичу», «Утешение», «Эпитафия» («Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой...»), «На смерть В...ва», «Смерть», «Четыре возраста фантазии», «Грусть») поэт призывает спокойно и рассудительно принимать смерть как неизбежную и необходимую данность бытия, причем загробный мир лишен мрачной тональности, не вызывает особых авторских эмоций. К необходимости смириться с судьбой, осознать свою слабость перед лицом всемогущего Провидения, эфемерности ценностей земного бытия пришел в своем творчестве и К. Н. Батюшков («О смертный, хочешь ли безбедно перейти...»), «Без смерти жизнь не жизнь...»), однако, пожалуй, только Дельвигу удалось в антологических эпиграммах представить смерть как преображение, возвы-

шение человека. Размышляя об уходе человека в потусторонний мир, поэт писал в эпиграмме «Утешение» (1826 или 1827) о христианском смирении, всепрощении и вере в то лучшее, что предстоит в вечной жизни: «Смертный, гонимый людьми и судьбой! расставаясь с миром, / Злобу людей и судьбы сердцем прости и забудь. / К солнцу в последнее взор обрати, как Руссо, и утешься: / В тернах заснувшие здесь, в миртах пробудятся там» [5, с. 193]. Смирение Руссо, обратившегося, согласно преданию, с просьбой открыть окно, чтобы в последний раз перед смертью увидеть небо, было, по мнению Дельвига, образцом подлинного христианского поведения, высокой нравственности. В последнем стихе эпиграммы автор противопоставлял грустную земную реальность и идеализированный потусторонний мир, используя для этого наречия, выступавшие в качестве обстоятельств места, – «здесь» и «там».

Размышления о конце земного бытия у Дельвига характеризовались умеренностью в проявлении эмоций, попытками сохранения душевной гармонии, отказом от бурных страстей и от обрисовки античной экзотики. Думы о смерти обрамляли всю картину бытия, расширяли представление о мире, причем для Дельвига были существенны не столько зловещесть, губительность смерти, сколько ее необходимость в силу наличия вечного и справедливого закона природы, согласно которому поддерживается та естественная гармония, то равновесие сил, без которых было бы невозможно само человеческое бытие [традицию см.: 32, с. 357; 33, с. 440].

Размышления о тайной грусти, овладевающей человеком в момент довольства, удовлетворения жизнью сближает антологические эпиграммы Дельвига «Грусть» и А. С. Пушкина «Труд» (1830). В обоих произведениях конфликты, скрытые в переживаниях лирического героя, еще не проникают в светлый мир сознания, причем грусть скрадывает весь внутренний драматизм событий, образ судьбы, «вполне соприродный характеру жанра», в котором «обрели гармоническое равновесие и актуальный (антологический) слой содержания и его потенциальный (национально-русский) пласт» [13, с. 294]. Несомненным доказательством влияния Дельвига на великого поэта можно считать схожую пластическую неопределенность концовок: «Что же? Иль в миг сей родная душа растает с землею? / Иль мной оплаканный друг вспомнил на небе меня?» [5, с. 217] – «Иль жаль мне труда, молчаливого спутника ночи, / Друга Авроры златой, друга пенатов святых?» (А. С. Пушкин) [34, с. 302]. Однако, как указывает С. А. Кибальник, сопоставивший эпиграммы Дельвига и Пушкина, дельвиговская грусть носит абстрактный, неопределенный характер, тогда как пушкинская – вполне конкретна, это грусть расставания с завершённым трудом, имеющая содержательную связь с «Мемуарами» Э. Гиббона [31, с. 203]. Гармонически уравновешенная и сдержанная в своем воплощении грусть характерна и для других антологических эпиграмм А. С. Пушкина («Надпись на гробнице Феона», «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...», «Художнику»).

Тематику антологических эпиграмм трудно ограничить какими-либо рамками. «Все, что может быть занимательным для мыслящего человека, все, что возбуждает сочувствие образованного человека, – все сделалось предметом эпиграммы», – писал В. С. Печерин [35, с. 76], и в этих словах не следует усматривать лукавства или преувеличения. Античное начало у Дельвига связано с темами преходящести земной красоты, недолговечности молодости,

противостояния судьбе или смирения с ней, вечной дружбы, преданной любви, невозможности покоя в суетной земной жизни, бессилия человека перед роковым стечением обстоятельств, божественного происхождения искусства и многими другими, причем каждая из названных тем могла раскрываться и в антологических эпиграммах, и в идиллиях, и в произведениях других жанров. Для антологических эпиграмм Дельвига в целом характерны прямое развитие внутреннего движения, отчетливость и симметричность сечений, ясность связей, скопление на малом пространстве «разнообразных соответствий, контрастов <...> мрачности и света, напряжения и легкости»; впечатления в дельвиговских текстах «не только сменяют друг друга, но и сливаются вместе в одно необыкновенно гармоничное целое» [1, с. 365, 361].

Указанное содержательное разнообразие антологических эпиграмм философского характера является причиной немногочисленности тематических переключек между произведениями Дельвига и других поэтов первой трети XIX в. К числу немногих можно отнести переключку между эпиграммой Дельвига «Мы» и антологическим стихотворением Е. А. Баратынского «Старательно мы наблюдаем свет...», раскрывавшими тему слабости сознания человека, неспособного до конца понять сложную сущность земного существования. Однако и здесь трактовки различны: «...если Дельвиг делает акцент на связи познания с ощущением собственного несчастья (мысль, которая также затем будет развита Баратынским в его поздней философской поэзии), то Баратынский констатирует неспособность человеческого интеллекта выйти за пределы общеизвестных истин» [36, с. 101]. В антологических эпиграммах Дельвиг раскрывал отдельные аспекты глубокой жизненной философии человека, наделенного мудрым взглядом на окружающий мир, и при этом его особое внимание привлекали неизменные ипостаси бытия, его сущностные основы. К примеру, чувство первой любви, казалось бы, неспособное остаться в изначальном состоянии на долгие годы, обретало, по наблюдению Дельвига, выраженному в антологической эпиграмме «Слезы любви» (1829), глубину и вечность в потустороннем мире: «Сладкие слезы первой любви, как роса, вы иссохли! / – Нет! на бессмертных цветах в светлом раю мы блестим!» [5, с. 218].

В дельвиговской эпиграмме «Утешение» можно видеть обилие глаголов повелительного наклонения, четко указывающих, что автор обращается к читателю не с просьбой, а с наставлением, поучением, требующим должного внимания. Эпиграмма «Утешение» носит увещательный, морально-дидактический характер, легко поддается декламации и содержит выраженное уже в первом стихе обращение лирического субъекта к «гонимому людьми и судьбой» [5, с. 193] адресату. В большинстве других случаев Дельвиг предпочитает начинать свои произведения, неизменно сохраняющие дидактическое начало, с обращения не к конкретному лицу, а к предмету размышлений или неопределенному адресату («Мы», «Грусть», «Слезы любви», «Удел поэта» и др.). Подобный прием использовался и другими поэтами пушкинского круга (в частности В. К. Кюхельбекером, Е. А. Баратынским), однако только Дельвиг применял его в своих антологических сочинениях систематически. В этом, на наш взгляд, следует видеть существенное влияние, испытанное поэтом в результате прочтения на языке оригинала некоторых, в ту пору еще практически не переведенных на русский язык произведений Ф. Шиллера («Эпиграммы», «Заметки», «Мелочи»). Вместе с тем некото-

рые другие тенденции, прежде всего связанные с осложнением антологической темы вторжением элегического начала (В. К. Кюхельбекер, М. Ю. Лермонтов), по сути, обошли стороной эпиграмматическое творчество Дельвига; упоминаемые поэтом «первая любовь» («Слезы любви»), «печальная урна» («Четыре возраста фантазии») и т.п. хотя и могут быть отнесены к элегическим мотивам, но реализации в произведениях не получают. Пожалуй, только в эпиграмме «Грусть» чувствуется связь с элегическим жанром, заключающаяся в усилении лирического начала и меньшей концентрации внимания на объекте.

В рамках жанра антологической эпиграммы Дельвиг в конце жизни дважды обращался к теме поэта и поэзии («Удел поэта», «Поэт»). Под влиянием античности у него сложилось представление об исключительности поэтического дара, великой миссии и гордой независимости поэта, огромной силе творческого вдохновения, о чем подробнее будет рассказано в дальнейшем. Оба дельвиговских текста, характеризовавшихся «гармонической стройностью» структуры, логически четким развертыванием мысли, обращением к образам, носящим общечеловеческие черты», наглядно реализовывали авторское требование к поэзии «как к искусству, отличающемуся предельной ясностью и искренностью содержания» [37, с. 137]. В антологической эпиграмме «Удел поэта» диалог гения поэта и юноши, восхищавшегося способностью песнопевца облечь глубокую мысль в звучную художественную форму, подводил к мысли о вдохновении как частом спутнике тех, кто был унижен, недоволен судьбой, мужественно боролся за осуществление своего дарования. С мифологическим пониманием связано представление о судьбе как о неведомом, неожиданном демоническом проявлении, которое «не имеет не только имени, но даже образа, налетая на человека внезапно и неся ему внезапную гибель» [38, с. 145]. Если в поэзии эпохи сентиментализма несчастья выступали в качестве средства возвышения добродетели [39, с. 314; 40, с. 29], то для Дельвига было особенно важно показать незаслуженность страданий творческой личности. Привлекшая внимание Дельвига тема печального удела певца прежде детально разрабатывалась В. А. Озеровым [41, с. 144–145], К. Н. Батюшковым [42, т. 2, с. 176]. У Пушкина («К Овидию», 1821) героем становится страдающий поэт-изгнанник, терпеливо сносящий те лишения, на которые его обрекла судьба, причем автор сближал свою участь с печальной судьбой античного поэта: «Как ты, враждующей покорствуя судьбе, / Не славой – участью я равен был тебе» [43, с. 54; 44, с. 30]. О драматизме положения писателя размышлял и Е. А. Баратынский в антологическом стихотворении «Все мысль да мысль...», однако источником драматизма здесь выступали внутренние ощущения творца как невольника мысли.

Как видим, творчество Дельвига в жанре антологической эпиграммы оказало существенное влияние на многих видных представителей современной ему русской литературы, в том числе на А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского. При непосредственном участии Дельвига сформировался как поэт, обращающийся к античным формам, М. Д. Деларю, чья эпиграмма «Могила поэта» содержательно близка дельвиговскому стихотворению «На смерть В...ва». Памяти Дельвига М. Д. Деларю посвятил «Анфологическое четверостишие» (1832): «Гимны любви по внушению муз в тишине я слагаю, / Но лишь о Дельвиге я грустную песнь поведу, – / Чувствую: слезы в очах, животворней влиянье бессмертных... / Музы! знать, память о нем вам, как и

дружбе, мила!» [10, с. 507]. Первые в творчестве Н. И. Гнедича антологические эпиграммы «На смерть барона А. А. Дельвига» и «К нему же при погребении» (обе – 1831) [45, с. 146–147], написанные по типу греческих надгробных эпиграмм ксенов – членов особого союза представителей разных родов, впоследствии полисов [31, с. 125], были проникнуты верой в бессмертие души поэта, осознанием весомости пройденного им жизненного пути.

Многочисленные факты дельвиговского влияния на литературных последователей позволяют признать мнение С. А. Кибальника «об основополагающей роли антологических эпиграмм Дельвига для судьбы этой жанрово-стилевой разновидности вообще» [31, с. 127]. Жанр антологической эпиграммы, представленный до появления дельвиговских произведений сочинениями А. Х. Востокова и В. К. Кюхельбекера, вследствие творческих удач Дельвига получил в отечественной литературе первой трети XIX в. прочное закрепление, привлек внимание многих современников. Без достижений Дельвига были бы во многом невозможны и последующие находки А. С. Пушкина, в творчестве которого отечественная антологическая поэзия поднялась до мировых высот.

Список литературы

1. **Сахаров, В. И.** Страницы русского романтизма : книга статей / В. И. Сахаров. – М. : Советская Россия, 1988. – 352 с.
2. **Бонди, С. М.** Пушкин и русский гекзаметр / С. М. Бонди // О Пушкине : статьи и исследования / С. М. Бонди. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 310–371.
3. **Мальчукова, Т. Г.** Античные традиции в русской поэзии : учеб. пособие по спецкурсу / Т. Г. Мальчукова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1990. – 104 с.
4. **Маркова, О. П.** О происхождении так называемого греческого проекта / О. П. Маркова // История СССР. – 1958. – № 4. – С. 52–78.
5. **Дельвиг, А. А.** Полное собрание стихотворений / А. А. Дельвиг. – Л. : Сов. писатель, 1959. – 370 с.
6. **Елистратова, А. А.** Отношение романтиков к классическому литературному наследству / А. А. Елистратова // Европейский романтизм. – М. : Наука, 1973. – С. 93–97.
7. **Чистякова, Н. А.** Эллинистическая поэзия: литература, традиции и фольклор / Н. А. Чистякова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 176 с.
8. **Гуковский, Г. А.** Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. – М. : Худож. лит., 1965. – 354 с.
9. **Западов, А. В.** Творчество Хераскова / А. В. Западов // Избранные произведения / М. М. Херасков. – Л. : Сов. писатель, 1961. – С. 5–56.
10. Поэты 1820–1830-х годов : в 2 т. – Л. : Сов. писатель, 1972. – Т. 1. – 792 с.
11. **Херасков, М. М.** Избранные произведения / М. М. Херасков. – Л. : Сов. писатель, 1961. – 410 с.
12. **Пульхритудова, Е. М.** Романтическое и просветительское в декабристской литературе 20-х годов XIX века / Е. М. Пульхритудова // К истории русского романтизма. – М. : Наука, 1973. – С. 39–72.
13. **Грехнев, В. А.** Мир пушкинской лирики / В. А. Грехнев. – Н. Новгород : Изд-во «Нижний Новгород», 1994. – 462 с.
14. **Благой, Д. Д.** Творческий путь Пушкина (1826–1830) / Д. Д. Благой. – М. : Сов. писатель, 1967. – 724 с.
15. **Кнабе, Г. С.** Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России / Г. С. Кнабе. – М. : Изд-во РГГУ, 2000. – 240 с.

16. **Полевой, К. А.** Стихотворения барона Дельвига / К. А. Полевой // Московский телеграф. – 1829. – Ч. 27. – № 11. – С. 359–374.
17. **Семенко, И. М.** Поэты пушкинской поры / И. М. Семенко. – М. : Худож. лит., 1970. – 260 с.
18. **Григорьева, Н. И.** Поэтика аллегии в «Метаморфозах»: платонизм в художественном сознании Апулея / Н. И. Григорьева // Поэтика древнеримской литературы. Жанры и стиль. – М. : Наука, 1989. – С. 201–226.
19. Греческая эпиграмма / сост., примечания и указатель Ф. Петровского и Ю. Шульца. – М. : ГИХЛ, 1960. – 487 с.
20. Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским. – М. : Университ. тип., 1810. – Ч. 1. – 278 с.
21. **Мерзляков, А. Ф.** Утешение в печали / А. Ф. Мерзляков // Приятное и полезное препровождение времени. – 1798. – Ч. 18. – С. 138.
22. **Чернышевский, Н. Г.** Полное собрание сочинений : в 15 т. / Н. Г. Чернышевский. – М. : Гослитиздат, 1939. – Т. 1. – 857 с.
23. **Уваров, С. С.** Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом гекзаметре / С. С. Уваров // Чтения в Беседе любителей русского слова. – СПб. : Сенатская тип., 1813. – Чтение 13-е. – С. 56–68.
24. **Гаспаров, М. Л.** Топика и композиция гимнов Горация / М. Л. Гаспаров // Поэтика древнеримской литературы. Жанры и стиль. – М. : Наука, 1989. – С. 93–124.
25. **Л-н, М.** [Лихонин М. Н.]. Замечания на статью о стихотворениях барона Дельвига / М. Л-н // Московский телеграф. – 1829. – Ч. 28. – № 14. – С. 185–192.
26. **Тронский, И. М.** История античной литературы / И. М. Тронский. – 4-е изд. – М. : Высшая школа, 1983. – 464 с.
27. **Поспелов, Г. Н.** Лирика: среди литературных родов / Г. Н. Поспелов. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – 206 с.
28. **Брагинская, Н. В.** Генезис «Картин» Филострата Старшего / Н. В. Брагинская // Поэтика древнегреческой литературы. – М. : Наука, 1981. – С. 224–289.
29. **Томашевский, Б. В.** Стилистика и стихосложение : курс лекций / Б. В. Томашевский. – Л. : Учпедгиз, 1959. – 535 с.
30. **Востоков, А. Х.** Опыт о русском стихосложении : [Репр. воспр. изд. 1817 г.] / А. Х. Востоков ; подгот. текста, предисл. А. И. Разживина. – Казань : Наследие, 2002. – 167 с.
31. **Кибальник, С. А.** Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. / С. А. Кибальник. – Л. : Наука, 1990. – 266 с.
32. **Тойбин, И. М.** Е. А. Баратынский / И. М. Тойбин // История русской поэзии : в 2 т. – Л. : Наука, 1968. – Т. 1. – С. 342–367.
33. **Хетсо, Г.** Евгений Баратынский: Жизнь и творчество / Г. Хетсо. – Oslo-Bergen-Tromsø : Universitetsforlaget, 1973. – 740 с.
34. **Пушкин, А. С.** Собрание сочинений : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1959. – Т. 2. – 802 с.
35. [Печерин, В. С.] О греческой эпиграмме / [В. С. Печерин] // Современник. – 1838. – Т. XII. – № 3. – С. 72–88.
36. **Баевский, В. С.** Поэтика психологического параллелизма / В. С. Баевский // Сибирский фольклор : республ. сб. – Новосибирск, 1977. – Вып. 4. – С. 91–108.
37. **Григорьева, А. Д.** Язык лирики XIX в.: Пушкин, Некрасов / А. Д. Григорьева, Н. Н. Иванова. – М. : Наука, 1981. – 340 с.
38. **Тахо-Годи, А. А.** Греческая мифология / А. А. Тахо-Годи. – М. : Искусство, 1989. – 304 с.
39. Утренний свет : ежемесячное издание / [Общество, старающееся о спомоществовании заведению училищ ; изд. Н. И. Новиков]. – СПб. : Тип. Имп. Сухопутн. шляхетн. кад. корпуса, 1778. – Ч. 4. – XIV. – 380 с.

40. **Макогоненко, Г. П.** «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) / Г. П. Макогоненко // Полное собрание стихотворений / И. И. Дмитриев. – Л. : Сов. писатель, 1967. – С. 5–68.
41. **Горохова, Р. М.** Образ Тассо в русской романтической литературе / Р. М. Горохова // От романтизма к реализму: Из истории международных связей русской литературы / под ред. акад. М. П. Алексева. – Л., 1978. – С. 124–133.
42. **Батюшков, К. Н.** Сочинения / К. Н. Батюшков ; вступ. ст. Л. Н. Майкова ; примечания Л. Н. Майкова и В. И. Саитова. – СПб. : Изд. П. Н. Батюшкова, 1886. – Т. 2. – 584 с.
43. **Касаткина, В. Н.** Романтическая муза Пушкина / В. Н. Касаткина. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 128 с.
44. **Фридман, Н. В.** Романтизм в творчестве А. С. Пушкина : учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов / Н. В. Фридман. – М. : Просвещение, 1980. – 192 с.
45. **Гнедич, Н. И.** Стихотворения / Н. И. Гнедич. – 2-е изд. – Л. : Сов. писатель, 1956. – 847 с.

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения, Пензенская
государственная технологическая
академия, академик Международной
академии наук педагогического
образования, член Союза писателей
России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitry Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor,
head of sub-department of interpretation
and translation science, Penza State
Technological Academy, fellow
of the International Academy of sciences
of the pedagogical education, Russian
Writers' Union member, Russian
Journalists' Union member

УДК 82-1/29

Жаткин, Д. Н.

Антологические эпиграммы А. А. Дельвига в литературном процессе XIX в. / Д. Н. Жаткин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 97–108.

О ДРАМЕ СОФИЙНЫХ ТЕМ И СМЫСЛОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX вв.¹

Аннотация. В статье рассмотрена особая синтетичность отечественной литературной традиции XIX в., порождающая проблему софийного видения человека и мира – способность видеть в каждой вещи ее софию, мудрое, божественное, метафизическое предназначение или измену этому назначению, своему пути.

Ключевые слова: софийность, онтологизм, космизм христианский и новоевропейский, романтический и кенотический сюжет, антиномизм.

Abstract. The article considers a special synthetic character of Russian literary tradition of the XIX century that raises a problem of a holy (sophian) view of a man and the world. The article describes an ability to see sanctity, some wise, divine and metaphysical purpose for everything in the world, or, on the contrary, the betrayal of this purpose.

Key words: holy (sophian), ontologism, Christian and modern European cosmism, romantic and kenotic plot, antinomy.

Вл. Соловьевым было найдено слово, определяющее сакральную природу искусства, специфику русской литературы с ее всеединством поэтического, философского, религиозно-мистического опыта писателя. Образы и идеи Премудрости-Софии при всей неоднозначности их понимания обращают нас, если следовать мысли Вл. Соловьева, П. Флоренского, С. Булгакова, Г. Федотова, Б. Вышеславцева, а также современных ученых – В. В. Бычкова, М. Н. Громова и др., к специфике духовного опыта русского писателя, сущностным национальным основам отечественной художественной культуры. Рассмотрение русской литературы XIX–XX вв. в аспекте софийности раскрывает потаенно-христианские основы духовного опыта русского писателя, прирожденное христианство русской натуры. Библейская София-Премудрость Божия – посредница между миром божественным и человеческим, небесным и земным – обращает к божественному замыслу творения, раскрытию образа Божия в человеке. Любой предмет можно созерцать в полноте его божественного предназначения. Творчество, не потерявшее свою метафизическую основу – веру в реальность сверхчувственного мира, цельность и чувство священного – и потому способное к сакрализации зримого бытия как «богоматерии» (Вл. Соловьев), может быть названо софийным. Идея и образ Софии выявляет мистическую сущность православия – идеи обожения, преображения мира и человека, порождающие в литературе темы воскресения героя, пробуждения души. Становится возможным обретение софийного времени и творение софийного космоса. Мир Софии – это согласие, собрание мира в целое. София – это свободное художество, воплощение идеального замысла в реальном мире, ее синонимы – творчество, любовь, полнота жизни, красота – важнейшие ценности теургической эстетики Вл. Соловьева и его продолжателей. В идее Софии реализуется мечта русской философской эсте-

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

тики о свободном союзе искусства и религии. При всех различиях в понимании Софии у Вл. Соловьева, П. Флоренского, С. Булгакова, В. Лосского и др. теологема Софии является центральной в русской теургической (или неоправославной) эстетике Серебряного века. Софиологическая проблематика, связанная и с традициями православной святости, и взыскуемой философией всеединства божественного, человеческого, природного начал, является определяющей в онтологическом реализме русского писателя, обращенного к бытийному целому, в поисках целостной личности, полноты бытия.

О софийном опыте русского писателя (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, А. А. Блока), его космически-онтологическом чувстве заговорила философская критика Серебряного века. И русские писатели, и русские философы ищут целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений духа. Проблематика целостности ставила вопрос о софийности искусства, символический подход к искусству вел к его онтологическому пониманию. «Искусство, – писал П. Флоренский, – не психологично, но онтологично, воистину есть откровение первообраза, воистину подымает а *realibus ad realiora*» [1, с. 383] к реальности духовного мира. Работы Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, С. Булгакова, П. Флоренского и др. интересны формированием онтологического подхода к пониманию искусства (из коего проистекает самая проблема софийности). Вяч. Иванов писал об «онтологическом реализме» Достоевского [2, с. 485], С. Булгаков исследовал «онтологическую природу слова» [3, с. 25]. С. Л. Франк в своих работах с «космически-религиозным чувством» связывал своеобразие русской религиозности и отечественной литературной традиции, ибо «русскому духу присуще стремление к целостности, к всеохватывающей и конкретной тотальности» [4, с. 183], исследуя это чувство в творчестве А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, Л. Толстого. Проблема софийного прочтения творчества Достоевского поставлена К. Мочульским. «Достоевский и его герои в экстазе видели божественную основу мира, Софию» [5, с. 405], переживая мгновения «мировой гармонии», испытывая космический восторг перед первозданной красотой мира. Искусство, полагал С. Булгаков, по самой природе своей «неотъемлемо от влюбленности в мир, в природу, в Душу Мира, в Софию, в самое Вечную Женственность» / [6, с. 33–34].

В основе русской литературы лежит христианский онтологизм: мир воспринимается как творение, художник свидетельствует о высшем, софийном замысле каждого предмета и явления. Потому можно говорить о «поэтической софиологии» русского писателя [7, с. 106–114], или софийной поэтике всеединства. Русская литература, возросшая на почве иконического мышления, ориентирована на образ Божий в человеке, его софийное назначение. В софиологической эстетике Вл. Соловьева и С. Булгакова София-Премудрость Божия – творение, соединенное с Божеством; через посредство Софии божественный абсолют открывается в творении; святые и художники видят мир в его софийной красоте и цельности. «София – начало, сообщающее материи смысл, ценность и красоту, делающее ее просветленной и преображенной материей» [8, с. 172]. Учение о Софии – мистическая основа православия. «Онтологическая основа мира заключается в... софийности его основы» [3, с. 201]. Как писал Вл. Соловьев, считавший софийный аспект религиозного чувства русского народа наиболее самобытным, София-Премудрость Бо-

жия, «которой наши предки по удивительному пророческому чувству строили алтари и храмы, сами еще не зная, кто она», – «творение, полным и совершенным единением соединенное с Божеством, всецело его вместившее в себе» [9, с. 260–261]. Космическую окрашенность русской религиозности отмечал Г. П. Федотов: «Если называть софийной всякую форму христианской религиозности, которая связывает неразрывно божественный и природный мир, то русская народная религиозность должна быть названа софийной» [10, с. 66–67]. О важности космического чувства в русской народной религиозности писал и С. Л. Франк, оно воплощалось в почитании Матери-Земли и Богоматери. «В образе Богоматери и снисходит София к России», по мысли А. Белого [11, с. 392].

Тема Премудрости – важнейшей тема Священного Писания. Мудрость сочетает человека с Богом и миром. Как Бог творил мир, так человек призывается быть создателем и устройтеlem собственной жизни, в которой он должен искать премудрости. Премудрость – «художница всего» (Книга премудрости Соломона, гл. 7, стих 21). Она открывается человеку прежде всего как радость, свет духовный. Мир Софии – это согласие, собрание мира в упорядоченное целое, это состояние внутренней собранности и бодрости духа. Софийному чувству (например, народных праведников Ф. Достоевского) открывается тайна мировой гармонии и космической красоты, способной спасти мир от раздора и хаоса. Это чувство – исток знаменитых слов старца Зосимы о любви к миру и «духовном веселии» мудрого. «Вершина христианской любви есть непосредственное чувство мировой гармонии», по свидетельству Б. Вышеславцева [12, с. 120]. Тема Софии неотделима от важнейшей христианской идеи преображения творения, переживания бытия как таинства, христианского синергетизма – сочетания божественных и человеческих усилий в процессе этого преображения мира.

Тема Софии обращает к библейским мотивам и аллюзиям русского писателя, наделенного онтологическим даром откровения полноты бытия в своих произведениях. Библия повествует о предельной богооставленности и богообделенности. Ветхий Завет, как писал С. С. Аверинцев, – «книга, в которой никто не стыдится страдать и кричать о своей боли» [13, с. 61]. Человек здесь переживается как пересечение противоречий между Богом и миром, потребностями духовными и житейскими («быть или иметь» – в обозначении Э. Фромма). Это носитель образа Божия, который часто помрачается в человеке. Христианство, как писал С. С. Аверинцев, создает новый образ человека, разомкнутый вверх – «в направлении божественно-сверхчеловеческих возможностей» и вниз – «в направлении бесовских внушений», простертый «между ослепительной бездной благодати и черной бездной гибели» [13, с. 81–82]. Эта предельность библейского духовного опыта близка бинарному строению русской жизни и культуры, где безнадежность противостоит «чудному мгновенью» преображения, безнадежный или элегически-открытый русский финал дополняется возможным сюжетом сакрального счастья и жизненной полноты. Вслед за Пушкиным в пространстве полифонического романа Достоевский исследует онтологическую драму мира: как искажается миром высшее назначение человека, его образ Божий, как не свершается софийное призвание человека. Онтологическая расколотовость – важнейшая характеристика его героев. Двойственность онтологической темы, сталкивающей мотивы богоприсутствия и богооставленности, преображения и

безнадежности, порождает равную двойственность любовной темы. Так, в поэзии Ф. Тютчева образ женщины-спасительницы, земного ангела, земного провидения противостоит неизбежной гибельности и катастрофичности чувства. Поэзия А. Блока, казалось бы крупнейшего наследника поэзии Вл. Соловьева, возвращает нас к литературной традиции XIX в., завершая ее: ранняя софийная тема трансформируется в антисофийную тему, побеждает стихия, хаос, катастрофическое чувство жизни. Христианская онтология Софии неотделима от софии Голгофы, «софии катастроф» [14, с. 11].

Образ Софии явился не только посредником между человеком и Богом, но и звеном сопряжения различных образов мира в переходном XIX в. Если ницшеанская религия жизни отвергала христианскую традицию, соловьевская мистика Софии сопрягала православную Софию-Премудрость Божию, богочеловеческую Софию с двойственной Мировой душой, космической Софией, образ которой связан с теософскими традициями. В гностических учениях София – центральное смысловое понятие. В ней осуществляется драма мирового процесса. В Софии гностики видели источник грехопадения, с ней связывали перспективу обоживания. Образ мира связывается с бесконечностью и непостижимостью, иррациональным и хаотическим началом. «Космос должен быть еще создан, он явится как преображение мира» [15, с. 489]. Софийный космос создается человеческим духом.

Образ Софии – один из базовых архетипов мировой культуры, получивший самое многообразное освещение в христианской мистике и за ее пределами. Он становится важным там, где мысль тяготеет к всеединству, целостности, стирая границы между философским и религиозным, а также мифопоэтическим мышлением. Этот образ возвышается там, где мысль ищет посредника между Богом и миром, абсолютным совершенством божественного первоначала и несовершенством мирового процесса.

София-Премудрость Божия олицетворяет, или персонифицирует, системообразующее основание соловьевской философии – идею поступательного преображения мира, возвращения к Богу. Соловьев верил в идею софийности мирового процесса, духовное преображение материальных стихий мира. Для Соловьева идея Софии – это «христианская истина в окончательном виде» [16, с. 286], итог христианского развития, самое полное воплощение христианской идеи становления «идеального, совершенного человечества» [16, с. 171], идея нового религиозного синтеза, соединяющего высшие экзистенциальные ценности человека – любовь, свободу, красоту. Речь идет о новом эсхатологическом христианстве, получающем свое развитие в культуре Серебряного века. Как писал С. Булгаков, мир – «становящаяся София». София – «идеальная энтелехия», «потенция» мира, призванная к осуществлению [3, с. 195]. Соловьев верит в возможность свободной внутренней связи между безусловным божественным началом и человеческой личностью. Уже современникам была очевидна двойственность соловьевской Софии, возможность ее и «христианско-церковного», и «гностическо-теософского» истолкования [17, с. 158]. В то же время при всей очевидной многоаспектности Софии современные исследователи и прежде всего В. В. Бычков в своих работах выявляют два главных аспекта соловьевской Софии как Премудрости Божией и Вечной Женственности бытия – это божественная, небесная София-мироустроительница и двойственная душа мира [18, с. 337–338], «космическая София», в определении Н. А. Бердяева [19, с. 323]. В этой двоякости и

текучности Софии осуществляется переход от христианского теoантропоцентризма к новoeвропейскому бесконечному и релятивному космосу.

Онтологическое предназначение, софия каждого предмета и существа может быть проявлена светом любви, а может остаться непроявленной, сокрытой и искаженной миром. Русская литература вслед за А. С. Пушкиным являет и исследует онтологическую драму мира: следование высшей правде жизни или ее реальное искажение, драму утраты человеком софийного мировосприятия. Жизнь утратила свою цельность и тайну своей Божественной Премудрости. Кроме мирового смысла, есть и мировая бессмыслица, путь к желанной и возможной полноте бытия переживается как крестный путь в христианской традиции. Уже художественное сознание XIX в. (в своих романтических истоках) изначально двойственно: в определении И. Ильина, это созидание «христианской культуры» как сверхзадача русской литературы, «поиски Божественного», «ощущение удивительной реальности Божественной ткани мира» и острейшее чувство «утраты Божественного измерения вещей и жизни» [20, с. 28–30, 237–239, 270].

Лирику М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета сближает катастрофическое чувство жизни, преодолеваемое софиологией мгновения, на почве которой способно вырасти цельное софийное мироощущение, наиболее полно воплощенное в романах Ф. Достоевского. Вслед за Пушкиным, в пространстве полифонического романа Достоевский исследует онтологическую драму мира: как искажается миром высшее назначение человека, его образ Божий, как не свершается софийное призвание человека. Онтологическая расколотость – важнейшая характеристика его героев. В его творчестве обозначается переход от традиционно-христианского сознания, трансцендентного понимания христианства – к экзистенциальному переживанию христианства, от исторического – к апокалиптическому христианству. Потому и становится возможным обострение софийным тем. Раскрывается истина христианского космизма и христородного героя, проходящего через софию Голгофы.

Важнейшим топосом софийного жизнеустройства становится мир русской усадьбы как «выражение софийной культуры» [21] с его удивительным равновесием вечного и обыденного. С миром «дворянских гнезд» связан софийный женский образ души усадьбы, уездной русской барышни – символа русской Вечной Женственности, столь поэтически запечатленной в русской живописи и литературе. Рождается новый, неклассический космос с его двуединством гармонии и хаоса. Женские образы воплощают стихию жизни, ее наивысшую полноту или ее оскудение и разрушительность. Герой бежит от жизни или пробуждается к жизни под действием своего чувства. Любовь обретает онтологическое значение. Но жизненная целостность распадается. Собрать мир в единое целое оказывается невозможным. В русском усадебном романе обозначается напряжение между двумя софийными сюжетами – романтическим и кенотическим, которое и составляет важнейшее своеобразие русской софийности XIX в. Первый сюжет восходит к западной любовно-романтической традиции, второй обозначает связь с древнерусскими житийными мотивами. Это соприсутствие двух сюжетов обозначено уже Пушкиным (Татьяна, пишущая письмо Онегину, и последняя встреча героев), а также И. А. Тургеневым в «Дворянском гнезде»: отречение – тайный смысл жизни. Напряжение двух софийных сюжетов составляет коллизию «Обломова» и «Обрыва». Наиболее остро напряжение между романтическим и кено-

тическим сюжетами воплощено в катастрофическом романе Достоевского с его полярными и расколотыми героями, с его противостоянием софийного замысла и антисофийного течения событий. С разрушением усадебного строя жизни начинается редукция темы Вечной Женственности в русской литературе. Для писателя XIX в. в пределах реалистической парадигмы мышления жизненные противоречия остаются неразрешимыми.

Сквозная софийная тема преобразования прежде всего разворачивается как противовес катастрофического чувства жизни, бездны, хаоса, богооставленности. Бездна надежды противостоит «чудное мгновенье» преобразования, безнадежный или элегически-открытый русский финал дополняется возможным сюжетом сакрального счастья и жизненной полноты.

На основе вышесказанного можно говорить о драме разворачивания софийных тем и смыслов в русской литературе. Софиологическое видение мира способно сочетать взаимоисключающие полярности, как и обостренно чувствовать онтологическую расколотость, антисофийность современной действительности. Христианский онтологизм определяет русскую литературную традицию: через опыт потерь и страданий поэт утверждает свой порыв к свету, идеальной любви, высшему миру. Христоцентричная софия страдания, жертвенности и личной Голгофы спорит с просветленным космизмом, софией «поющего сердца», о которой проникновенно писал И. Ильин [22, с. 227–380], с ее «легким дыханием» жизни, с ее мгновениями мировой гармонии, равновесием мира и сознания. Софийная основа духовного опыта русского писателя обостряет катастрофическое восприятие жизни, ибо, как писал С. Булгаков, «мир есть София в своей основе и не есть София в своем состоянии» [23, с. 195]. София – потенция, призванная к осуществлению, или, говоря словами А. Блока, есть «непроглядный ужас жизни», но «в тайне мир прекрасен». Это и порождает обостренный антиномизм восприятия мира, определяющий русское художественное сознание XIX–XX вв.

Список литературы

1. **Флоренский, П.** Моленные иконы Преподобного Сергия // Соч. : в 4 т. – М., 1996. – Т. 2.
2. **Иванов, Вяч.** Достоевский: Трагедия – миф – мистика // Собр. соч. : в 6 т. – Брюссель, 1987. – Т. 4.
3. **Булгаков, С.** Свет не вечерний: Созерцания и умозрения / С. Булгаков. – М., 1994.
4. **Франк, С. Л.** Русское мировоззрение / С. Л. Франк. – СПб., 1996.
5. **Мочульский, К. В.** Достоевский: Жизнь и творчество // Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. В. Мочульский. – М., 1995.
6. **Булгаков, С. Н.** Труп красоты: По поводу картин П. Пикассо // Тихие думы / С. Н. Булгаков. – М., 1996.
7. **Океанский, В. П.** Поэтика пространства в русской метафизической лирике XIX в. / В. П. Океанский. – Иваново, 2002.
8. **Хоружий, С.** Проводы русского идеализма / С. Хоружий // О старом и новом / С. Хоружий. – СПб., 2000.
9. **Соловьев, Вл.** История и будущность теократии // Собр. соч. : в 10 т. – СПб., 1914. – Т. 4.
10. **Федотов, Г. П.** Мать-земля: к религиозной космологии русского народа / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – СПб., 1991. – Т. 2.
11. **Белый, А.** Воспоминания о Блоке / А. Белый // О Блоке / А. Белый. – М., 1997.

12. **Вышеславцев, Б. П.** Русский национальный характер / Б. П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 6.
13. **Аверинцев, С. С.** Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – М., 1977.
14. **Океанский, В. П.** Введение: София катастроф / В. П. Океанский // Апокалипсис присутствия / В. П. Океанский. – Иваново – Шуя, 2004.
15. **Бердяев, Н. А.** Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация / Н. А. Бердяев // Дух и реальность / Н. А. Бердяев. – М., 2003.
16. **Соловьев, В. С.** Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев. – СПб., 2000.
17. **Соловьев, С. М.** Идея церкви в поэзии Вл. Соловьева (1913) / С. Соловьев // Богословские и критические очерки / С. Соловьев. – М., 1916.
18. **Бычков, В. В.** 2000 лет христианской культуры *sub specie aethetica* : в 2 т. Т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия / В. В. Бычков. – М. ; СПб., 1999.
19. **Бердяев, Н. А.** Мутные лики. «Воспоминания о А. А. Блоке» А. Белого / Н. А. Бердяев // О русских классиках / Н. А. Бердяев. – М., 1993.
20. **Ильин, И. А.** О России и русской душе. Гении России / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3.
21. **Долгополова, С.** Душа и Дом: русская усадьба как выражение софийной культуры / С. Долгополова, Э. Лаевская // Наше наследие. – 1994. – № 29–30.
22. **Ильин, И. А.** Поющее сердце: Книга тихих созерцаний / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. – М., 1994. – Т. 3.

Крохина Надежда Павловна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра культурологии и литературы,
Шуйский государственный
педагогический университет

E-mail: nadin.kro@mail.ru

Krokhina Nadezhda Pavlovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of culture science and literature,
Shuya State Pedagogical University

УДК 821.161.1

Крохина, Н. П.

О драме софийных тем и смыслов в русской литературе XIX – начала XX вв. / Н. П. Крохина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 109–115.

ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы интермедиального взаимодействия музыки и слова на материале повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната». Акцент в исследовании делается на образах героев и композиционной структуре. Определяются соответствия сонатной формы и композиции прозаического произведения. Подчеркивается значимость музыки в жизни писателя и в его эстетической концепции.

Ключевые слова: интермедиальный анализ, композиция, Л. Н. Толстой, «Крейцера соната», взаимодействие искусств, сонатная форма, проза, эстетическое содержание.

Abstract. The author considers the problems of intermedial reciprocal actions of music and literature in «Kreutzerova sonata» by L. N. Tolstoy. The writer puts a great emphasis on the images of heroes and on the composition structure. The article defines the correspondences between the sonata form and the composition of the prose story. The author also underlines the importance of music in the writer's life and in his aesthetic concepts.

Key words: intermedial analysis, composition, L. N. Tolstoy, «Kreutzerova sonata», reciprocal actions of arts, the sonata form, prose, aesthetic content.

Современные научные открытия, новые методы исследования позволяют осуществить более полное прочтение произведений, которые создавались в прошлом. Так, в рамках теории интертекстуальности во второй половине XX в. была сформулирована концепция интермедиальности, представляющая, с одной стороны, собственно взаимодействие искусств на уровне художественных средств и приемов, с другой – инновационную методiku анализа произведения в рамках синтеза искусств [1]. С помощью нового интермедиального метода анализа текста открывается ранее неизвестное об эстетической концепции авторов в целом.

Многие русские писатели обращались помимо литературы к другим искусствам в своем творчестве. И внимание Л. Н. Толстого, в частности, к музыке не ослабевало в течение всей его жизни. И. Эйгес отмечал: «Л. Н. Толстой питал врожденную глубокую любовь к музыке. Это искусство из всех других после литературы имело для него наибольшее значение в продолжение всей его жизни. Формы, в каких проявлялся интерес Толстого к музыке, достаточно разнообразны; и уже в одном этом отношении Толстой занимает особенное, быть может, единственное место среди представителей нашей художественной литературы» [2, с. 241].

В предыдущих литературоведческих исследованиях повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» (1889) сложилось несколько точек зрения на концепцию текста в целом: с одной стороны, анализ велся в русле дидактических замыслов автора [3, с. 193–11], с другой – в плане его отношения к музыке [2, с. 241–308], с третьей – в ракурсе поэтики интертекста, моделирования психологических нюансов человеческого сознания, взаимодействия драмы и прозы [4]. В работе Н. А. Переверзевой отмечается существенное преобладание звуковых образов над зрительными [5].

Использование автором элемента другого вида искусства – музыки (в данном случае это название сонаты) – требует обращения к интермедиальной методике исследования прозаического текста, так как традиционные приемы литературоведческого анализа не полностью раскроют эстетическую концепцию автора, поскольку останутся только в рамках литературы. По наблюдениям Э. Г. Бабаева, Л. Н. Толстой записывал впечатления о музыкальном произведении Бетховена как о разговоре музыкальных инструментов [6, с. 16]. Он, по сути, переводил язык нот на язык слов, делал вербализацию звучания, где каждая нота в сочетании с другими составляет музыкальную фразу и выражает определенную идею, которую можно передать соответствующей речевой формулировкой. Он предполагал даже особым графическим методом передать основные правила гармонии и ход соединения аккордов в музыке [6, с. 16]. Проблема синтеза искусств в творчестве автора – тема мало изученная. Сам писатель высказывался о таком взаимодействии несколько противоречиво. С одной стороны, он считал это невозможным, с другой – говорил о том, что у каждого искусства есть соприкасающееся к нему искусство, писатель находил допустимым и неизбежным соединение различных видов искусств, в частности, восхищался подобным в творчестве Шуберта [6, с. 27]. Исходя из всего отмеченного выше, считаем необходимым сопоставить музыкальное произведение и текст повести Л. Н. Толстого.

В работах некоторых ученых [7, 8] утверждается, что к музыке замысел повести не имел никакого отношения, несмотря на то что он, как установлено В. А. Ждановым, в процессе создания текста менялся [7, 8]. Существует две версии о первоначальной идее написания повести: с одной стороны, была идея о создании истории о ревнивом муже, с другой – интенция воплощения такого литературного текста, который бы передал впечатления о музыкальном творении. В связи с последней версией биограф Л. Н. Толстого П. И. Бирюков писал, что однажды скрипач Ю. И. Лясотта и С. Л. Толстой исполнили сонату Бетховена, посвященную Крейцеру [9]. Она произвела особенное впечатление на Л. Н. Толстого и послужила одним из толчков к написанию повести. Среди слушателей были Репин и Андреев-Бурлак, которым Толстой предложил каждому средствами своего искусства выразить чувства, вызываемые сонатой. Это же также отмечает С. А. Толстая: «Помню я, как Лев Николаевич говорил, что надо написать для Андреева-Бурлака рассказ от первого лица и чтобы кто-нибудь играл в то время «Крейцерову сонату», а Репин – чтоб написал картину, содержание которой соответствовало бы рассказу. «Впечатление было бы потрясающее от этого соединения трех искусств», – говорил Лев Николаевич» [10]. Следует сказать, что Л. Н. Толстой определял музыку воспоминанием о том, чего не было, как «стенография чувств» [6, с. 11].

Название повести «Крейцера соната» – это цитата названия музыкального произведения Людвига ван Бетховена – Сонаты № 9 для скрипки и фортепиано ля мажор, ор. 47 (1802). В свете интермедиальной методики анализа необходимо сказать об истории создания сонаты. Сначала она посвящалась скрипачу Джорджу Бриджтауэру, который и был ее первым исполнителем 24 мая 1803 г. в Вене. Бетховен закончил произведение накануне, и поэтому ноты еще не успели полностью переписать. Композитору пришлось исполнять фортепианную партию частично по своим черновикам. Часть произведения была в одном экземпляре, и скрипачу приходилось заглядывать в ноты через плечо пианиста. Финал сонаты был написан несколько раньше для

другого произведения – Сонаты для скрипки и фортепиано № 3 соль мажор, ор. 30. Полный текст посвящения носил шуточный характер: «Мулатская соната, сочиненная для мулата Бришдауэра, большого шута и мулатского композитора» (итал. Sonata mulattica composta per il Mulatto Brischdauer gran Pazzo e compositore mulattico). Это посвящение сохранилось на черновом автографе в архиве композитора [11]. Существуют различные версии относительно того, почему в печать соната попала с посвящением уже не Бриджтауэру, а Родольфу Крейцеру, считавшемуся первым солистом того времени. Наиболее распространенной была история о том, что вечером после премьеры Бетховен и Бриджтауэр поссорились из-за женщины, поэтому Бетховен убрал первичную надпись, посвятив в итоге сонату французскому скрипачу. Эту версию иногда возводят к книге «Жизнь Бетховена» (1865) Александра Уилока Тейера [12], хотя впервые она, по-видимому, появилась в мемуарной статье скрипача Трилуэлла в английском журнале «Musical World» (декабрь 1858) [13]. Сам Крейцер никогда не играл эту сонату: он считал ее слишком трудной для исполнения. Л. Н. Толстому, серьезно интересовавшемуся музыкой, эти версии вполне могли быть известны, так как они существовали уже на тот период, когда писатель создавал свою повесть. Итак, название сонаты, связанное с некоторой историей любви и ревности композитора, готовит читателей к тому, что в повести возможна подобная тематика.

Обратимся к персонажам повести. С первых же строк автор характеризует главного героя повести Позднышева, отмечая его голосовые особенности: «Особенность этого господина состояла еще в том, что он изредка издавал странные звуки, похожие на откашливание или на начатый и оборванный смех» [14, с. 7].

И далее в тексте упоминание о характерном звуке сопровождается персонажа, становится отличительной особенностью его речевого портрета:

«В середине речи дамы позади меня послышался звук как бы прерванного смеха или рыдания, и, оглянувшись, мы увидели моего соседа, седого одинокого господина с блестящими глазами, который во время разговора, очевидно интересовавшего его, незаметно подошел к нам. Он стоял, положив руки на спинку сиденья, и, очевидно, очень волновался: лицо его было красно и на щеке вздрагивал мускул» [14, с. 12].

«– Духовное сродство! Единство идеалов! – повторил он, издавая свой звук. – Но в таком случае незачем спать вместе (простите за грубость). А то вследствие единства идеалов люди ложатся спать вместе, – сказал он и нервно засмеялся» [14, с. 14].

Такое внимание к речевым и голосовым особенностям героя, а также постоянные характеристики звуковой стороны происходящего акцентируют значимость мелодики повествования. Автор постоянными повторами лексических единиц, относящихся к данной тематике, переводит внимание читателей на сферу ключевых линий повести. Таким образом, актуализируется звуковая сторона событийного пласта текста. В связи с этим напомним, что в своей работе Н. Г. Михновец показала, как в тексте нашли взаимодействие повествовательное и драматическое начало [4, с. 5]. Драматическое прежде всего подразумевает звучание речи. Последнее также подчеркивает значимость звуковой стороны повести: с одной стороны, важно, как звучат речи героев, с другой стороны, как звучит сам текст.

«Крейцера соната» Бетховена исполняется на скрипке и фортепиано – это важно для интермедиального анализа героев. Скрипка представляет собой специфический музыкальный инструмент, который характеризуется по звучанию особенной близостью к человеческому голосу, способностью воспроизводить мелодии большого дыхания, сильным эмоциональным воздействием [15]. Так и повесть Л. Н. Толстого основывается на диалоге двух персонажей: первоначально ведется повествование от лица рассказчика, а далее прямая речь – исповедь Позднышева. Эти партии перемежаются между собой. Например:

«– ...А мы, мужчины, похаживаем, поглядываем и очень довольны. «Знаю, мол, я не попадусь». Похаживают, посматривают, очень довольны, что это для них все устроено. Глядь, не поберегся, – хлоп, тут и есть!

– Так как же быть? – сказал я. – Что же, женщине делать предложение?

– Да уж я не знаю как; только если равенство, так равенство. Если нашли, что сватовство унижительно, то уж это в тысячу раз больше. Там права и шансы равны, а здесь женщина или раба на базаре, или привада в капкан» [14, с. 24–25].

Повесть представляет собой разговор только двух персонажей. Различные реплики других, второстепенных героев, можно расценивать как элементы речевой партии рассказчика, подобно тому как в слова Позднышева также включены высказывания некоторых других действующих лиц. Например: «– Ах, что вы! Да нет. Нет, позвольте, – в один голос заговорили мы все трое. Даже приказчик издал какой-то неодобрительный звук» [14, с. 130]. В данном отрывке все голоса объединяются в речь рассказчика.

Разделение персонажей только на два голоса подтверждается и тем, что сам автор особым графическим приемом и композиционным образом выделяет речевую партию главного персонажа и рассказчика, в то время как реплики второстепенных лиц даны в общем повествовании, без какой-либо акцентуации, традиционным способом. Исходя из всего сказанного выше, можно провести ассоциативную параллель: каждый из двух центральных персонажей – Позднышев и рассказчик – тождественны двум музыкальным инструментам. Учитывая ведущую партию Позднышева и его характерный звук, можно сказать, что в соответствии с композиционной структурой музыкального произведения, т.е. сонаты, он выступает в партии скрипки, в то время как рассказчик передает партию, которая в сонате Бетховена исполняется на фортепиано. Персонаж в повести подобен музыкальному инструменту, отражающему его состояния, переживания, представляющие общую эстетическую концепцию Л. Н. Толстого.

Вопрос о соответствии композиции повести и сонаты в рамках статьи подробно не раскрыть из-за сжатого объема, но обратим внимание на наиболее значимые моменты: количество частей и соответствия тематической структуры. Сначала приведем определение сонаты: это музыкальная форма, состоящая из трех основных разделов, где в первом разделе (экспозиции) противопоставляются главная и побочная партии, во втором (разработке) эти темы развиваются, в третьем (репризе) повторяется экспозиция с тональными (и, возможно, иными) изменениями [16, 17]. Во-первых, повесть Л. Н. Толстого также может быть разделена на три части. Первая – это вступительная часть (разговоры в поезде и вступление Позднышева к своему рассказу, где противопоставляются главная и побочная партии). Вторая часть – это семей-

ная жизнь Позднышева (здесь происходит развитие темы). Третья часть включает в себя появление скрипача в жизни героя, ревность Позднышева и убийство.

Во-вторых, важно отметить такую существенную деталь, которая также сближает композиции двух произведений: в повести Л. Н. Толстого, как и в сонате, повторяется в каждой части одна и та же тема – тема убийства. Она упоминается в начале, т.е. в первой части, занимающей место, характерное для экспозиции музыкального произведения, в достаточно неспокойной тональности:

«Это скверно, но еще идет; но когда, как это чаще всего бывает, муж и жена приняли на себя внешнее обязательство жить вместе всю жизнь и со второго месяца уж ненавидят друг друга, желают разойтись и все-таки живут, тогда это выходит тот страшный ад, от которого спиваются, стреляются, убивают и отравляют себя и друг друга, – говорил он все быстрее, не давая никому вставить слова и все больше и больше разгораясь» [14, с. 15].

«– Удовольствие небольшое. Я Позднышев, тот, с которым случился тот критический эпизод, на который вы намекаете, тот эпизод, что он жену убил, – сказал он, оглядывая быстро каждого из нас» [14, с. 15].

Во второй части эта тема развивается, тональность становится более напряженной:

«...Это я все рассказываю вам, как я убил жену. На суде у меня спрашивают, чем, как я убил жену. Дурачьё! думают, что я убил ее тогда, ножом, пятого октября. Я не тогда убил ее, а гораздо раньше. Так точно, как они теперь убивают, все, все...» [14, с. 34].

А затем, в третьей части, тема раскрывается с наибольшей конкретизацией, т.е. с сильными тональными изменениями: описывается то, как произошло убийство, тон повествования достаточно быстрый, нервный, взрывной. Отмечается каждая деталь чувств, и передается каждая эмоция героя:

«– Не лги, мерзавка! – завопил я и левой рукой схватил ее за руку, но она вырвалась. Тогда все-таки я, не выпуская кинжала, схватил ее левой рукой за горло, опрокинул навзничь и стал душить. Какая жесткая шея была... Она схватилась обеими руками за мои руки, отдирая их от горла, и я как будто этого-то и ждал, изо всех сил ударил ее кинжалом в левый бок, ниже ребер» [14, с. 73].

На композиционном уровне и в тематической структуре обнаруживаются определенные семантические соответствия между повестью и сонатой.

Интермедийальные ключи к повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» объясняют многие значимые моменты текста, которые ранее не затрагивались в других работах. Подводя итоги данного исследования, можно утверждать, что Л. Н. Толстой, используя разные средства синтеза искусств, старался усилить воздействие своего текста на читателя, направляя всю художественную энергию на становление новых ценностей в духовном мире человека. Как пишет Н. Г. Михновец, «Толстому было необходимо, чтобы повесть стала реальным жизненным событием. К действенной реакции читателя обращена диалогичность повести, в разворачивающиеся события он «втягивается» ее сценичностью» [4, с. 15]. По теории Л. С. Выготского, в повести писателя «обнажается новая сторона эстетической реакции, именно то, что она есть не просто разряд впустую, холостой выстрел, она есть реакция в ответ на произведение искусства и новый сильнейший раздражитель для

дальнейших поступков. Искусство требует ответа, побуждает к известным действиям и поступкам» [18, с. 319].

В рамках данной статьи были лишь намечены те возможности, которые открывает методика интермедиального анализа при интерпретации произведения Л. Н. Толстого «Крейцера соната».

Список литературы

1. **Тишунина, Н. В.** Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований / Н. В. Тишунина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию М. С. Кагана : матер. междунар. науч. конф. (18 мая 2001 г., г. Санкт-Петербург). – Вып. № 12. – СПб. : С.-петерб. философское общество, 2001. – С. 149–154. – (Symposium).
2. **Эйгес, И.** Воззрение Толстого на музыку / И. Эйгес // Эстетика Льва Толстого : сб. ст. / под ред. П. Н. Сакулина. – М. : Гос. акад. худож. наук, 1929. – С. 241–308.
3. **Шорэ, Э.** По поводу «Крейцеровой сонаты»: гендерный дискурс и конструкты женственности у Л. Н. Толстого и С. А. Толстой / Э. Шорэ // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер ; пер. с нем. Н. Носова. – М. : РГГУ, 2003. – Вып. 3. – С. 193–211.
4. **Михновец, Н. Г.** Взаимодействие повествовательных и драматических начал в творчестве Л. Н. Толстого 80-х годов (Смерть Ивана Ильича, Власть тьмы, Плоды просвещения, Крейцера соната) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Михновец Н. Г. – Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1990. – 16 с.
5. **Переверзева, Н. А.** Из наблюдений над мотивной структурой повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» (символическая функция звуковых образов) / Н. А. Переверзева // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина / отв. ред. А. А. Беляева. – СПб. : Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – № 2 (12). – С. 22–34. – (Филология).
6. **Бабаев, Э. Г.** Лев Толстой и музыка // Лев Толстой и музыка. Хроника. Нотография. Библиография / Э. Г. Бабаев. – М. : Советский композитор, 1977. – С. 7–41.
7. **Жданов, В. А.** Из творческой истории повести «Крейцера соната» / В. А. Жданов // Толстой-художник : сб. ст. / ред. Д. Д. Благой [и др.]. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. – С. 260–288.
8. **Жданов, В. А.** От «Анны Карениной» к «Воскресению» / В. А. Жданов. – М. : Книга, 1968. – 280 с.
9. **Бирюков, П. И.** Биография Льва Николаевича Толстого : в 2 т. / П. И. Бирюков. – М. : Посредник, 1911–1913.
10. **Толстая, С. А.** Моя жизнь / С. А. Толстая // Новый мир. – 1978. – № 8. – URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstayar.htm>
11. **Suhne Ahn.** Beethoven's Op. 47: Balance and Virtuosity // The Beethoven Violin Sonatas: History, Criticism, Performance. – University of Illinois Press, 2004. – P. 62–65.
12. **Thayer, A. W.** Ludwig van Beethovens Leben / A. W. Thayer. – Band 1, 3. – Leipzig : Breitkopf & Hrtel, 1917. – 598 p.
13. **Dominique-René de Lerma.** George Augustus Polgreen Bridgetower [Электронный ресурс]. – URL: <http://chevalierdesaintgeorges.homestead.com/Bridge.html>
14. **Толстой, Л. Н.** Полное собрание сочинений : 90 т. – М. : Гос. изд-во художественной лит., 1928–1958. – Т. 27. – 767 с.
15. Музыкальная энциклопедия : в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М. : Сов. Энциклопедия, 1973–1982. – Т. 5. – 1056 столб.
16. **Мазель, Л.** Строение музыкальных произведений / Л. Мазель. – М. : Музыка, 1979. – 590 с.

17. **Протопопов, В. В.** Принципы музыкальной формы Бетховена: Сонатно-симфонические циклы. Ор. 1–81 / В. В. Протопопов. – М. : Музыка, 1970. – 332 с.
18. **Выготский, Л. С.** Психология искусства / Л. С. Выготский. – М. : Искусство, 1968. – 576 с.
-

Петрова Светлана Андреевна

кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра литературы и русского языка, Ленинградский государственный университет им. А. И. Пушкина

E-mail: siversl@yandex.ru

Petrova Svetlana Andreevna

Candidate of philological sciences, senior lecturer, sub-department of literature and Russian language, Leningrad State University named after A. S. Pushkin

УДК 821.161.1.09

Петрова, С. А.

Интермедиаальная специфика повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» / С. А. Петрова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 116–122.

«НЕЙТРАЛЬНОЕ» И «РАЗГОВОРНОЕ» В УСТНОМ ДИСКУРСЕ: СИЛЬНАЯ И СЛАБАЯ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье анализируются понятия «нейтрального» и «разговорного» в синтаксисе устного дискурса на немецком языке, рассматриваются условия для использования нейтральных и разговорных высказываний, определяются суть и содержание разговорных структур. При этом указывается на системный характер речи и на возможность выявления парадигматических отношений между определенными формами устных высказываний. Анализируются понятия сильной и слабой позиции и их соотношение с нейтральными и разговорными построениями в немецком устном дискурсе.

Ключевые слова: устный дискурс, немецкий язык, нейтральное высказывание, разговорное высказывание, парадигматические отношения, сильная и слабая позиция.

Abstract. The article analyzes the concepts of "neutral" and "colloquial" in the syntax of verbal discourse in German language. The author examines the use of neutral and colloquial utterances, and determines the essence and the content of colloquial structures. Besides that, the article deals with systematic characteristics of speech and with the possibility of revealing the paradigmatic relations between the certain types of utterances. It also analyzes the concepts of strong and weak positions and their correlations with neutral and colloquial constructions.

Key words: verbal discourse, German language, neutral utterance, colloquial utterance, paradigmatic relations, strong and weak position.

Существует достаточно много определений понятия «дискурс», но нет пока такого, которое могло бы стать абсолютно единственным и общепринятым, поэтому любое исследование в области дискурса начинается с уточнения позиции автора в отношении этого языкового феномена. Справедливости ради следует отметить, что большинство определений дискурса являются в той или иной степени интерпретацией известного определения, данного Н. Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре».

Наиболее компактным и простым, на наш взгляд, является понимание дискурса, сформулированное Е. Ф. Кировым: «Дискурс представляет собой цепочку речевых актов, из чего следует, что дискурс также имеет локуцию, иллокуцию и перлокуцию в целом» [1, с. 68]. Отталкиваясь от этого определения, подчеркнем, что в системном изучении синтаксиса устного дискурса обязательно необходимо учитывать как его лингвистические, так и прагматические составляющие, прежде всего внелингвистический контекст, констатицию в терминологии Е. А. Земской [2]. Значение прагматических составляющих устной коммуникации замечено уже давно, и неоднократно подчеркивалась их важная роль. Напомним лишь известный пример Ш. Балли из его книги «Общая лингвистика и вопросы французского языка», к которому часто обращаются лингвисты:

«...Каким образом вещи, существа, движения, события, воспринимаемые нашими чувствами в момент, когда мы говорим, могут фигурировать в

нашей речи? А между тем нам вполне достаточно указать на самолет и одновременно произнести: «Regardez!» «Смотрите!», чтобы этот самолет стал составной частью предложения – в частности объектным дополнением глагола» [2, с. 196].

Возможность интеграции в языковую ткань дискурса внелингвистической ситуации и ее компонентов обуславливает специфику структурно-синтаксической организации устного дискурса, т.е. использование разнообразных по структурной полноте синтаксических построений, что позволяет исследователю говорить о «нейтральном» или «разговорном» компоненте в синтаксисе устного дискурса.

Чтобы представить себе сущность нейтральных и разговорных структур, обратимся к описанию взаимодействия языка и субъязыка в теории Ю. М. Скребнева, известного коллоквиалиста. Как отмечает ученый, в различных сферах языкового общения используются языковые системы, различающиеся по составу единиц, поэтому общую систему национального языка целесообразно рассматривать как совокупность частных систем, или подсистем. Для обозначения частных языковых «подсистем» он использует понятие субъязыка. Одни единицы субъязыка могут быть употребительны только в данной узкой сфере, другие – в двух или нескольких или же практически во всех сферах действия национального языка. Пространственно система субъязыков может быть представлена в виде эллипсисов, вписанных в окружность, очерчивающую границы национального языка. Все субъязыки так расположены внутри круга, что имеют область взаимного пересечения. Эта общая для всех субъязыков область является областью нейтральных языковых единиц, т.е. общеупотребительных единиц, в то время как непересекающиеся участки эллипсисов, наиболее удаленные друг от друга, представляют собой области специфических единиц каждого отдельного субъязыка. Таким образом, в субъязыке выделяются, с одной стороны, специфические единицы, а с другой стороны, нейтральные (неспецифические), общие для всех или для нескольких субъязыков единицы [3].

По сути, система субъязыков в концепции Ю. М. Скребнева является совокупностью различных типов дискурсов, поскольку речь идет о специальном употреблении языка в речи, ориентированном на определенные прагматические задачи.

В устном дискурсе, таким образом, мы выделяем неспецифические (нейтральные) и специфические (разговорные) построения, которые целесообразно называть высказываниями, поскольку понятие высказывания распространяется на весьма широкий спектр синтаксических построений, функционирующих в речи и по-разному воплощающих модели (структурные схемы) языка. Поясним сказанное.

Как известно, структурная схема реализуется через предложение, что является общепринятым в современной лингвистике, другими словами, предложение – это языковой образец. Однако в речи образец может быть воплощен не в полном объеме. Вот это воплощение образца в речи и является высказыванием. При этом важно подчеркнуть, что воплощение образца в речи без самого образца невозможно. Подобное теоретическое решение проблемы соотношения единиц языка и речи было осуществлено ранее всего в фонологии, однако такое решение потребовало обязательно введения понятия пози-

ции, что явилось достижением, прежде всего, Московской фонологической школы [4]. Из этого следует, что для решения данной проблемы в синтаксисе также потребуется выработка и введение понятия синтаксической позиции – сильной, слабой и сверхслабой, а также соответствующего инвентаря синтаксических единиц. В рамках данной статьи будем говорить о двух синтаксических позициях: сильной и слабой.

Предположим, что нейтральные синтаксические построения в устном немецкоязычном дискурсе – это высказывания, строго и полностью актуализирующие языковые модели, т.е. предложения-высказывания, образованные по моделям языка. Они функционируют в речи, не претерпевая каких-либо существенных семантических или структурных деформаций, поэтому и могут использоваться в различных типах дискурсов, особо не нуждаясь в контекстном окружении. Разговорные синтаксические построения, воплощая в себе проекцию структурной схемы предложения языка, могут представлять ее в редуцированном или искаженном виде. Разброс в плане внешнего совпадения схемы высказывания речи со схемой предложения языка может быть разным – от более или менее полного совпадения внешней структуры до очень бледной копии структурной схемы предложения в структуре высказывания. В данном случае уместным оказывается использование понятия позиции:

– если схемы совпадают, то это сильная синтаксическая позиция, в структуре высказывания не происходит нейтрализации элементов полной схемы предложения. Например, предложение *Es ist ein tolles Wetter heute* («Сегодня хорошая погода») и высказывание *Es ist ein tolles Wetter heute* («Сегодня хорошая погода») совпадают, что означает: высказывание как реализация предложения не редуцировано и поэтому практически независимо от вневлигвистического контекста;

– если в схеме высказывания имеются лакуны, то это слабая синтаксическая позиция, приводящая к нейтрализации некоторых синтаксических элементов, т.е. к неполному насыщению данной синтаксической единицы различительными признаками. Например, предложению *Es ist ein tolles Wetter heute* («Сегодня хорошая погода») может соответствовать высказывание *Es ist toll!* («Сегодня хорошо»), которое на уровне языка можно считать архипредложением, поскольку это высказывание может символизировать несколько предложений в разных контекстах типа: «Сегодня хорошая погода», «Мне стало хорошо», «У меня сегодня отличное настроение», «Ответ студента сегодня хороший» и т.д. Только употребление архипредложения в конкретном контексте превращает его в реальное и конкретное высказывание речи. Таким образом, осуществляется структурная градация в синтаксисе устного дискурса: высказывания в сильной позиции менее зависимы от контекста и ситуации, а высказывания в слабой позиции обязательно нуждаются в «контекстной поддержке», выступая, таким образом, в зависимой позиции. При таком подходе к синтагматике речи уместно говорить о наличии парадигмы устного высказывания, т.е. о системном характере речи. Парадигма предложений в речи представляет собой своего рода позиционные варианты предложений при наличии сильных (независимых) и слабых (зависимых) позиций. Иными словами, речь идет о возможности выбора из форм реализации предложения-высказывания необходимых вариантов грамматического, семантического, информативного и прагматического устройства [5, с. 249; 6, с. 418].

Итак, нейтральные высказывания (сильная синтаксическая позиция) по основным параметрам совпадают с синтаксическими единицами, реализующими схемы-модели языка. Для монопредикативных высказываний это прежде всего реализация двусоставности, вербальной и адъективной рамочной конструкции в немецких предложениях-высказываниях. Для полипредикативных высказываний в сильных синтаксических позициях характерна реализация в речи моделей сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в более или менее полном объеме составных элементов.

Немецкими лингвистами были проведены исследования сложных построений в различных дискурсах и получены статистические данные о длине нейтральных полипредикативных высказываний в различных типах устных текстов, о числе зависимых предикативных единиц, о встречаемости отдельных членов высказывания в их синтаксических позициях; в результате было установлено, что по тем параметрам, которые были выбраны, существенных отличий в структурной организации сложных высказываний в различных типах дискурсов не наблюдается [7, 8].

Тем не менее есть все основания говорить о разговорной специфике устного дискурса в целом, которая распространяется, пусть не столь очевидно, и на нейтральные структуры в сильной синтаксической позиции. В нейтральных структурах, сформированных в условиях устного общения, для дифференциации смысловых отношений, например, используется меньший набор подчинительных союзов, чем в художественном дискурсе: в основном употребляются союзы *dass* (вводит 40 % придаточных), *wenn* и *weil*. Эти три самых распространенных союза охватывают 67 % придаточных предложений [9, с. 210].

Специфика синтаксических структур в слабых синтаксических позициях исследовалась как на уровне простых и идиоматических конструкций, так и на уровне сложных полипредикативных построений. Было установлено, что так называемая «разговорная» специфика в синтаксисе устного дискурса выражается как в особой «отмеченности» языковых средств, их «маркированности», так и в неизбежной редукации синтаксической структуры высказывания по отношению к эталону предложения языка, что можно было выявить лишь при сопоставлении с нейтральным, немаркированным образцом высказывания в речи. По словам В. Д. Девкина, разговорность всегда выявляется с опорой на «нейтральное» в синтаксисе [10, с. 12]. Фактически это означает сопоставление редуцированной или избыточной конструкции с ее полной структурой при разнице синтаксических позиций – сильной и слабой. Данное положение распространяется на все структурные типы синтаксических единиц. Своеобразие таких разговорных единиц по сравнению с нейтральными построениями заключается в наличии определенных структурно-семантических изменений, обусловленных спецификой устного дискурса, возникающих в результате изменения синтаксических позиций – сильных и слабых соответственно, что, как было показано выше, связано с большей или меньшей зависимостью высказывания от внелингвистического контекста.

Устный дискурс, как известно, формируется высказываниями разного порядка. Остановимся на таком существенном вопросе, как разграничение полипредикативных высказываний и сверхфразовых единств, представляющих собой объединения самостоятельных высказываний. Опираясь на кри-

терий полипредикативности при этом не представляется возможным, так как полипредикативность сама по себе не является признаком, позволяющим установить границу между полипредикативным высказыванием и сверхфразовым единством, поскольку объединение самостоятельных высказываний в сложную смысловую единицу также основано на полипредикативности.

Процесс квантования устной речи носит субъективно окрашенный характер, достаточно сложно отграничить полипредикативные высказывания от единиц больших, чем названные.

Можно выделить два существенных признака для определения полипредикативного высказывания: соединение компонентов по определенной схеме и функционирование в качестве единой коммуникативной единицы. Ведущим критерием отграничения полипредикативного высказывания как специальным образом структурированной речевой единицы от объединения самостоятельных высказываний в смысловой блок следует считать его структурно-семантическую организацию: компоненты полипредикативного высказывания взаимообусловлены, т.е. появление одного из компонентов предполагает и появление другого, необходимого как для структурного, так и для семантического завершения сложной синтаксической единицы. В зависимости от коммуникативной или (и) прагматической установки говорящего высказывания могут группироваться в блоки, выступающие как сложные смысловые структуры – сверхфразовые единства [11, с. 61]. Отчетливой границы между такими синтаксическими конструкциями нет. Возникает вопрос: «А есть ли вообще критерий дифференциации подобных структур в синтаксисе устного дискурса?».

Одним из достаточно объективных критериев выделения полипредикативных единиц в речи, на наш взгляд, является принцип закрытости или открытости структуры [12]. Компоненты открытых синтаксических структур находятся в одинаковых логико-синтаксических отношениях, этот ряд может быть продолжен, но он и легко распадается, поскольку его компоненты связаны между собой лишь внешними по отношению к самим структурам факторами. Конструкции открытой структуры характеризуются синтаксическим параллелизмом, в иной терминологии – топологическим параллелизмом [13], структурно-семантической независимостью компонентов друг от друга. Открытыми могут быть немецкие полипредикативные высказывания с союзами *und*, *und dann*, а также бессоюзные полипредикативные высказывания.

Приведем пример полипредикативного высказывания открытой структуры: *Und dieser Großvater hatte eine goldene Uhr mit einem Springdeckel und dann nahm er mich auf den Schoss und wurd dann drauf gedrückt und dann sprang die Uhr auf und wieder zu und wieder auf...* [14, с. 10].

Данный пример наглядно иллюстрирует возможности открытой структуры. Предикативные единицы в ее составе, вводимые соединительными словами *und dann* и *und*, как бы нанизываются одна на другую (принцип сегментного построения, типичный для разговорных конструкций), и этот ряд легко может быть продолжен. По всем обозначенным признакам полипредикативное высказывание открытой структуры совпадает со сверхфразовым единством – сложным высказыванием. Выделение данных синтаксических единиц из различного рода последовательностей самостоятельных высказываний в речевом потоке затруднено, лингвистический статус таких образова-

ний не достаточно определен. В силу этого целесообразно отказаться от их дифференциации по признаку «одно высказывание – несколько высказываний» и рассматривать их в устном дискурсе как явления одного порядка, т.е. как полипредикативные высказывания открытой структуры большего или меньшего объема.

Полипредикативным высказываниям закрытой структуры присущ иной тип объединения компонентов. Полипредикативные высказывания закрытой структуры – это такие синтаксические построения, в которых отчетливо выделяются две или несколько внутренних групп, находящихся в различных логико-синтаксических отношениях, причем признак закрытости структуры не нарушается, если один из взаимодействующих компонентов расширяется за счет дополнительных речевых сегментов.

Закрытость структуры обеспечивается целым рядом средств единства, ведущим из которых является одно- или двунаправленная смысловая зависимость. Она может эксплицироваться союзами и относительными словами, незамещенной валентной позицией или не эксплицироваться вовсе, оставаясь латентной. Однако в таких полипредикативных высказываниях всегда есть структурно или семантически главные и зависимые компоненты. Приведем пример: *Es war in der alten Zeit ein sehr gastfreues Haus und wenn die Gäste etwas zu lange blieben, kam er am Abend um zehn Uhr mit einer Laterne herunter* [14, с. 33]. Данное высказывание распадается на две смысловые части: семантически главным (обобщающим) компонентом является первая часть (*Es war in der alten Zeit ein sehr gastfreues Haus*); далее следует разъяснение, почему дом был гостеприимным, и структурно эта часть соединена с последующей частью высказывания сочинительным союзом *und*, во второй части присутствует отношение подчинения между последующими сегментами: ***wenn (подчинительный союз) die Gäste etwas zu lange blieben, kam er am Abend um zehn Uhr mit einer Laterne herunter***. Так осуществляется тесная структурно-семантическая спаянность всех компонентов высказывания.

Полипредикативные высказывания закрытой структуры, состоящие более чем из двух предикативных единиц, обнаруживают в своем строении некоторые признаки сложного высказывания, однако они отличаются от сложных высказываний открытой структуры более тесными структурно-семантическими связями между предикативными единицами, основанными на их внутреннем сцеплении.

Полипредикативные высказывания открытой и закрытой структуры могут быть как нейтральными, так и разговорными построениями устного дискурса. Однако их отношение к синтаксическим позициям (сильной или слабой) иное, чем в монопредикативных высказываниях. В слабых позициях находятся лишь отдельные части полипредикативных высказываний, а другие при этом являются контекстным окружением, способствующим реализации высказывания в конкретной ситуации. Приведем пример: ***Das gefiel unwahrscheinlich gut*** | *wir hatten auch schönes Wetter* | *und haben abends dann in einer Jugendherberge übernachtet die an dem großen Vätersee in der (Mitte von Schweden also Südschweden) Mitte von Südschweden liegt* [14, с. 55]. Жирным выделена часть высказывания, которая находится в собственно слабой синтаксической позиции, так как без конкретного контекстного окружения ее понимание затруднено. Суть же полипредикативного высказывания в целом заклю-

чается в последовательном уточнении ситуации, что в конечном итоге приводит к тому, что все высказывание целиком, не утрачивая разговорной маркированности, занимает сильную синтаксическую позицию. Более детальный системный анализ подобных построений еще предстоит.

Подведем итог: нейтральными можно считать высказывания, совпадающие по основным структурным параметрам с предложениями языка, представленными в сильной синтаксической позиции в разных типах дискурса, а разговорными высказываниями – построения по преимуществу в слабых синтаксических позициях, маркированные признаком «разговорность», встречающиеся только в устном дискурсе. Разговорную специфику высказываний следует искать в сочетаемости компонентов и в структурно-семантических изменениях как целого, так и его частей.

Список литературы

1. **Киров, Е. Ф.** Начала концептуально-дискурсивной лингвистики [Текст] / Е. Ф. Киров // Система языка и языковое мышление. – М. : «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 66–97.
2. **Земская, Е. А.** Русская разговорная речь [Текст] / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 275 с.
3. **Скребнев, Ю. М.** Введение в коллоквиалистику [Текст] / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 209 с.
4. **Киров, Е. Ф.** Фонология языка [Текст] / Е. Ф. Киров. – Ульяновск : СВНЦ, 1997. – 541 с.
5. **Левицкий, Ю. А.** Основы теории синтаксиса : учеб. пособие / Ю. А. Левицкий. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : КомКнига, 2005. – 368с.
6. **Гладров, В.** Модель предложения и модель высказывания [Текст] / В. Гладров // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. IV Международный конгресс исследователей русского языка. – М. : Изд-во МГУ, 2010. – С. 418.
7. **Höhne-Leska, Chr.** Statistische Untersuchungen zur Syntax gesprochener und geschriebener deutscher Gegenwartssprache: Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig [Text] / Chr. Höhne-Leska // Philologisch-historische Klasse. – Berlin : Akademie-Verl., 1975. – Bd. 59. – H. 1. – 164 S.
8. **Weiss, A.** Syntax spontaner Gespräche. Einfluss von Situation und Thema auf das Sprachverhalten [Text] / A. Weiss. – Düsseldorf : Schwann-Verl., 1975. – 168 S.
9. **Wackernagel-Jollis, B.** Untersuchungen zur gesprochenen deutschen Standardsprache: Beobachtungen zur Verknüpfung spontanen Sprechens [Text] / B. Wackernagel-Jollis. – Göppingen : Kümmerle, 1971. – 267 S.
10. **Девкин, В. Д.** Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика [Текст] / В. Д. Девкин. – М. : Международные отношения, 1979. – 256 с.
11. **Ванников, Ю. В.** Синтаксис речи и синтаксические особенности русской разговорной речи [Текст] / Ю. В. Ванников. – М. : Русский язык, 1979. – 295 с.
12. **Орлова, Н. В.** Бессоюзные предложения открытых и закрытых структур со словами-скрепами компонентов в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Орлова Н. В. – Новосибирск, 1970. – 20 с.
13. **Поликарпов, А. М.** Топологический параллелизм в паратаксисе немецкой разговорной речи [Электронный ресурс] / А. М. Поликарпов. – URL: <http://www.pomorsu.ru/body.php?page=sin50312>, свободный.
14. **Wackernagel-Jollis, B.** Untersuchungen zur gesprochenen deutschen Standardsprache: Beobachtungen zur Verknüpfung spontanen Sprechens [Text] / B. Wackernagel-Jollis. – Göppingen : Kümmerle, 1971. – 267 S.

Беляева Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук,
профессор, кафедра немецкого языка
и современных технологий обучения,
Институт иностранных языков,
Московский городской
педагогический университет

E-mail: beljaeva-mv@mail.ru

Belyaeva Mariya Vyacheslavovna

Candidate of philological sciences,
professor, sub-department of German
language and modern educational
technologies, Institute of Foreign
Languages, Moscow State Pedagogical
University

УДК 811.11

Беляева, М. В.

«Нейтральное» и «разговорное» в устном дискурсе: сильная и слабая синтаксические позиции (на материале немецкого языка) / М. В. Беляева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 123–130.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье обоснована проблема формирования логической культуры у преподавателя высшей школы. Выявлены типичные недостатки в логических знаниях и умениях преподавателей вузов; представлены различные подходы к определению средств и методов совершенствования логической подготовки преподавателей вузов.

Ключевые слова: логическая культура, формирование логической культуры преподавателя, недостатки логических знаний преподавателей вузов, подготовка и переподготовка преподавателей вузов, методологические семинары, приложения логики к педагогическому процессу в вузе.

Abstract. The article reads about the problem of a higher school teachers' logical culture formation. The author reveals some typical drawbacks in higher school teachers' logical knowledge and skills. The article introduces different approaches to defining the means and methods of higher school teachers' logical culture development.

Key words: logical culture, higher school teachers' logical culture formation, drawbacks of university teachers' logical knowledge, teachers' training and re-training, methodological seminars, application of logics in teaching.

Проблема формирования у обучающихся способности логически мыслить перед учителями и преподавателями стояла всегда, и в последние десятилетия она переросла в одну из первостепенных задач отечественного образования. На рубеже XX–XXI вв. в центре внимания ученых, педагогов, психологов оказались следующие проблемы: развития культуры мышления школьников и студентов (Л. П. Безуглова (2000, 2005), П. В. Гуменюк (2006)); развития логического мышления будущего учителя (О. Б. Полищук (2002)); формирования культуры логического мышления будущих учителей (С. Ф. Мустафина (2002), Л. Н. Фаткуллова (2007)); раскрытия сущности и структуры логической культуры мышления личности (В. Н. Ксенофонтов (2005)); изучения различных аспектов формирования логической культуры школьников и студентов (Л. Н. Удовенко (1996), С. А. Севастьянова (1996), А. Д. Гетманова (1999), Г. Ю. Лаврешина (2000), А. А. Кирсанов (2002), И. В. Демидов (2004), Г. М. Дьяченко (2005), Р. С. Сафарова (2005), Е. В. Яковлева (2003, 2009)). Обзор научных публикаций показал, что большинство исследований, направленных на изучение такого феномена, как логическая культура личности, не выходит за рамки детского и юношеского возраста. В то же время имеется несколько публикаций, например М. Алексеева [1], А. Д. Гетмановой [2], Д. А. Гусева [3], в которых актуализируется вопрос о важности логической культуры в преподавательской деятельности.

А. Д. Гетманова справедливо отмечает: «Учителю необходимо умение эффективно и корректно вести различные диалоги, критически воспринимать аргументацию оппонентов, уметь находить свои нужные аргументы, культурно и логически грамотно опровергать ложные или недосказанные тезисы, встречающиеся в полемике, дискуссиях, диспутах и других формах диалога» [2]. Мы солидарны с мнением ряда исследователей, что введение курса логики в высших педагогических учебных заведениях призвано способствовать формированию логической культуры у будущих учителей школ. Однако в большинстве случаев сам подход к формированию логической культуры происходит стихийно, неорганизованно, а потому является малопродуктивным и малоэффективным. Вместе с тем считается, что у самих преподавателей высшей школы приемы логического мышления полностью сформированы.

С нашей точки зрения, проблема формирования логической культуры у преподавателя высшей школы не менее актуальна и значима, чем проблема формирования логической культуры обучающегося. Кроме того, она органично вписывается в широкий спектр задач, стоящих перед системой обучения в высшей школе, что обусловлено, в первую очередь, смещением акцента на формирование таких мыслительных умений, которые потребуются выпускнику в будущей профессиональной деятельности. Следует признать справедливым замечание Ч. Куписевича: специфика нашей эпохи состоит прежде всего в том, что впервые в истории человечества общество столкнулось с ситуацией, когда образование должно подготовить новое поколение людей к жизни в условиях, которых пока нет, а также к решению тех задач, которые сегодня оно еще не сформировало [4]. Действительно, можно только догадываться, какой будет жизнь через 30–40 лет, с какими новыми технологиями столкнутся сегодняшние выпускники вузов в ходе профессиональной деятельности. Поэтому одна из важнейших задач преподавателя высшей школы состоит в том, чтобы регулярно вести целенаправленную работу по формированию логической культуры мышления у студентов как составную часть комплексного процесса профессиональной и мировоззренческой подготовки специалистов. Но он не сможет успешно выполнять эту задачу без знания приемов правильного логического мышления, умения применять научно обоснованные методы преподавания и учета мыслительных способностей и закономерностей мышления студентов. От преподавателей вузов требуется высокий уровень развития логической культуры, абстрактно-теоретического мышления, наличие профессиональных качеств, основанных на умении поставить цель, задачу, проблему, сформулировать гипотезу исследования. Проявление логической культуры преподавателя вуза пронизывает все виды его деятельности – как в учебном процессе, так и вне занятий: в процессе подготовки к учебным занятиям, при написании программ, пособий, руководств, методических разработок для использования в образовательном процессе, а также различных форм организации НИР и НИРС.

Между тем на основании анализа проведенных психолого-педагогических исследований в высшей школе, наших многолетних наблюдений и диагностических экспериментов были обнаружены следующие типичные недостатки в логических знаниях и умениях преподавателей вузов:

1) в процессе изложения знаний игнорируют особенности их логической структуры;

2) не видят взаимосвязи процесса обучения студентов и развития их логической культуры;

3) часто не умеют логически структурировать лекционный материал с учетом наибольшего соответствия этой структуры развитию логического мышления студентов;

4) иногда отсутствует четкая логика изложения учебного материала, позволяющая проследить последовательность сделанных умозаключений;

5) при решении поставленных задач испытывают затруднения в выявлении и формулировании противоречий и поэтому инстинктивно стремятся избегать их в рассуждениях;

6) часто, сталкиваясь с неразрешимой задачей, полностью отказываются от ее решения, потому что затрудняются, не изменяя условий, заменить ее другой, поддающейся решению;

7) нередко объекты, процессы и явления рассматриваются несистемно, в отрыве друг от друга;

8) при изложении знаний не умеют правильно применять логические методы и формы, с помощью которых глубоко и доступно раскрывались бы студентам изучаемые явления, теории, законы;

9) не всегда способны предусмотреть возможность нескольких различных вариантов последовательного изложения учебного материала и выбрать наиболее оптимальный в конкретных условиях, с учетом отведенного на его изучение времени, уровня подготовки студентов, специфики их будущей профессиональной деятельности;

10) имеют слабое знание требований к определению научных понятий;

11) иногда логическую процедуру научного объяснения подменяют процедурой внешнего описания объектов или эмпирическим обобщением;

12) не всегда знакомят студентов с различными классификациями одних и тех же объектов и их характеристикой: достоинствами и недостатками, степенью приближенности к оптимальной классификации на данном этапе развития науки;

13) логические операции индуктивного и дедуктивного умозаключения нередко подменяют обыкновенными обобщениями фактов;

14) испытывают затруднения во взаимосвязанном применении индуктивных и дедуктивных методов, не умеют применять гипотетико-дедуктивный метод;

15) часто опираются на сочетание логического мышления с природной интуицией;

16) испытывают затруднения в выдвижении, развитии и доказательстве гипотезы, иногда подменяют гипотезу обыкновенными догадками;

17) не всегда соблюдают правила постановки вопросов;

18) не знают социально-психологических аспектов аргументации;

19) не всегда ясно представляют, какой исходный уровень знаний требуется от обучающихся, чтобы они могли усвоить предлагаемый материал, насколько он соответствует реальным знаниям и умениям, сформированным в средней школе или на предшествующих вузовских курсах, а также что необходимо для их актуализации или восполнения;

20) испытывают затруднения в прогнозировании уровня усвоения студентами научных знаний и сформированности их умений и навыков;

21) при изложении материала не поясняют студентам, какая степень воспроизведения предложенного материала потребуется на зачете, экзамене, учебной или производственной практике, какова его теоретическая важность и практическая значимость, что необходимо знать на память, что приведено лишь в качестве примера, к чему могут привести широко распространенные при его освоении логические ошибки и заблуждения и т.д.

Проблема формирования логической культуры преподавателя высшей школы сложна, многоаспектна и требует тщательного рассмотрения.

Это обусловлено прежде всего тем, что, во-первых, лишь незначительная часть работников высшей школы знакома с законами формальной и диалектической логики, понимает роль логического мышления в различных сферах деятельности человека, знает, как формировать и развивать элементы логической культуры у обучающихся в ходе их профессиональной подготовки, соответствующей современным мировым требованиям.

Во-вторых, существует острая проблема подготовки преподавательского корпуса. К преподаванию вузовских дисциплин привлекаются наиболее квалифицированные по соответствующему преподаваемому предмету учителя среднего образования или специалисты из конкретных научных областей, которые получили высшее образование, не ориентированное на педагогическую деятельность в сфере высшего профессионального образования. Более того, существуют различия между целями среднего и высшего профессионального образования. Даже на младшей ступени в вузе необходимо включение в учебный материал профессионально значимых знаний, направленных на формирование у будущего специалиста определенных умений и навыков, в том числе и логических. С другой стороны, значительная часть абитуриентов, поступивших в вуз, не владеет даже минимальными логическими операциями, необходимыми для успешного освоения вузовской программы. Здесь от преподавателя требуется огромное методическое мастерство, выдержка, терпение, даже большее, чем у учителя средней школы, а тем более специалистов в области техники и производства. Безусловно, многие преподаватели за долгие годы работы в вузе становятся профессионалами высокого класса. Но сегодня важно, чтобы преподавание любой дисциплины в вузе даже начинающими преподавателями осуществлялось в соответствии с законами логики и теми познавательными процедурами, которые исторически сложились. Как известно, разная логическая последовательность изложения одного и того же учебного материала может определять не только различные способы его усвоения, но и качество формируемого мышления, в том числе и логического. Кроме того, с целью установления причинно-следственных связей между явлениями и более глубокого понимания их сущности необходимо излагать новые знания, широко привлекая к объяснениям уже известный студентам материал и их жизненный опыт. Итак, новые приоритеты высшего образования требуют от преподавателя не только знания своего предмета, но и способности к развертыванию этого знания на основе следующих закономерностей: 1) логики учебно-познавательной деятельности студента; 2) логики своей педагогической деятельности; 3) логики развертывания научного знания; 4) логики профессиональной деятельности.

В-третьих, используемые преподавателем высшей школы формы и методы учебного процесса должны способствовать как прочному усвоению научных знаний по отдельным вузовским дисциплинам, так и формировать

мыслительные умения и навыки. Важно, чтобы преподаватель в своей практической работе постоянно заботился о применении тех методических средств, которые в наибольшей степени активизируют мысль студентов. Это, несомненно, позволит ему добиться глубокого, осознанного знания студентами материала изучаемой дисциплины.

Однако вряд ли можно сформировать логическую культуру преподавателя, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить логическую культуру, например, в умении рассуждать, логическом структурировании учебного материала, создании и разрешении проблемных ситуаций на лекционных занятиях, ведении диалога, быстром и рациональном принятии решений, умении предвидеть результаты своей педагогической деятельности и т.д.

Одним из направлений в решении проблемы может стать копирование преподавателем высшей школы представленных ему образцов логического структурирования учебного материала по отдельным учебным курсам, фрагментов моделирования и разрешения проблемных ситуаций на основе сочетания методов формальной и диалектической логики, а также самостоятельное их применение в минимально измененном виде. Таким образом, преподаватели могут поднять свой профессиональный уровень и уровень логической культуры непосредственно в процессе практической деятельности и путем самообразования. Однако следует иметь в виду, что в плане реализации данного направления этот процесс осуществляется стихийно, а потому восполнение имеющегося пробела в логической подготовке преподавателей может затянуться на долгие годы и потребует обеспечения положительной как внутренней, так и внешней мотивации преподавателей.

Другое направление заключается в том, чтобы в процессе последиplomного образования, реализуемого через дополнительное профессиональное образование (повышение квалификации) преподавателей высших учебных заведений, дать основы логических знаний и сделать это путем проектирования слушателем методов и приемов собственной профессиональной деятельности на поиск подходов формирования элементов логической культуры у студентов средствами своей учебной дисциплины. Необходимо отметить, что данное направление успешно реализуется доцентом Л. В. Рединым в Центре подготовки и повышения квалификации преподавателей вузов Поволжья и Урала Казанского государственного технологического университета для слушателей, получающих дополнительную квалификацию «Преподаватель высшей школы», «Преподаватель ДПО» в рамках дисциплины «Культура логического мышления в профессиональной деятельности» (16 часов) [5]. В то же время следует подчеркнуть, что на современном этапе развития профессиональной школы актуальным является не только периодическое повышение квалификации преподавателей, но и их непрерывное образование.

Предварительные результаты нашего исследования позволяют в качестве третьего направления выделить органичное сочетание первого и второго, которые должны быть дополнены систематическим проведением в вузах методологических семинаров со своеобразными приложениями логики к педагогическому процессу в вузе, на которых преподавателям необходимо представлять эталон логической культуры по широкому спектру обсуждаемых проблем, связанных как с научными знаниями и проблемой отбора содержания учебного материала, так и с методикой преподавания вузовских дисциплин.

лин. Во главу угла ставится личность преподавателя, которая имеет собственную точку зрения, не единственно верную, а лишь одну из возможных, умеет ее аргументировать, четко и последовательно высказывать свои идеи и не боится взять на себя ответственность за их воплощение, т.е. преподаватель, который готовит студента к определенным видам будущей профессиональной деятельности в постоянно меняющемся мире, учит их мыслить и знает, как это сделать. Приведем примерную тематику вопросов, которые, по нашему мнению, целесообразно обсудить с заинтересованными преподавателями на соответствующих семинарах под руководством квалифицированных специалистов:

- Логика как наука. Роль формальной логики в формировании логической культуры специалиста.
- Методологические требования к введению понятий.
- Суждения как логическая форма мышления. Методология истинности суждений.
 - Дедукция, индукция и аналогия в преподавательской деятельности.
 - Логические законы и их использование в процессе обучения.
 - Гипотеза.
 - Логика объяснения и доказательства.
 - Теория аргументации и ее логические основы.
 - Логика и методология вопросов и ответов.
 - Использование элементов диалектической логики в преподавательской деятельности.
- Методологические и психолого-педагогические основы формирования логической культуры у студентов высших учебных заведений.
- Технология формирования логической культуры у студентов высших учебных заведений в процессе их профессиональной подготовки.
 - Диагностика логической культуры.
 - Общая методология научного познания.
 - Логика научного исследования.
 - Работа над учебными программами и учебно-методическими комплексами как средство повышения логической культуры преподавателя вуза.

По нашему мнению, проведение таких методологических семинаров направлено на решение триединой задачи: формирование логического мышления, логической грамотности и логической компетентности преподавателя вуза, что неизбежно повлечет за собой изменение характера информации, предъявляемой на занятиях, форм, методов и средств обучения, стиля взаимоотношений между студентом и преподавателем. В этом случае формирование логической культуры преподавателя высшей школы возможно как за счет активного использования своих внутренних ресурсов, так и возможностей, определяемых конкретными условиями вузовской среды, т.е. особой атмосферы, необходимой для полноценного и эффективного совершенствования мыслительных способностей. Речь идет о том, чтобы целенаправленно готовить преподавателя к постоянной реконструкции своих знаний, приобретенных стереотипов мышления и логической культуры, сформировавшейся как на основе житейского опыта, образования, так и в ходе профессиональной педагогической деятельности. Это своего рода острая необходимость современного образования: ведь именно преподаватели высшей школы способны

обеспечить не только фундаментальную подготовку будущих специалистов, но и научить их мыслить, что во многом будет определять интеллектуальный потенциал нашей нации в ближайшие десятилетия.

Список литературы

1. **Алексеев, М. Н.** Логика в работе учителя / М. Н. Алексеев // Народное образование. – 1970. – № 6. – С. 133–142.
2. **Гетманова, А. Д.** Формирование логической культуры педагогов – важное условие гуманитаризации и фундаментализации образования / А. Д. Гетманова. – URL: <http://www.ito.su/1999/I/2/246.html>
3. **Гусев, Д. А.** Логическая культура в преподавательской деятельности / Д. А. Гусев // Преподаватель XXI век. – 2005. – № 1. – С. 15–21.
4. **Куписевич, Ч.** Основы общей дидактики / Ч. Куписевич. – М. : Высшая школа, 1986. – С. 7
5. Учебно-программное обеспечение методологического и информационно-технологического блоков образовательной программы «Педагогика высшей школы» : учеб.-метод. пособие / под ред. В. В. Кондратьева. – Казань : РИЦ «Школа», 2009. – С. 115–122.

Яковлева Елена Владимировна

доктор педагогических наук, профессор,
кафедра физики, Нижнекамский химико-
технологический институт (филиал) Ка-
занского государственного
технологического университета

E-mail: YakovlevaEV@inbox.ru

Yakovleva Elena Vladimirovna

Doctor of pedagogical sciences,
professor, sub-department of physics,
Nizhnekamsk Institute of Chemical
Engineering (affiliated branch of Kazan
State Technological University)

УДК 378.126

Яковлева, Е. В.

Формирование логической культуры преподавателя высшей школы / Е. В. Яковлева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 131–137.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОТБОРУ СОДЕРЖАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена отдельному аспекту становления системы дистанционного образования в Ульяновской области – подходам к отбору содержания образования. Выделены основополагающие из них: андрагогический, лично ориентированный и компетентностный. Выявлена специфика требований к содержанию дистанционного образования в регионе, зависящая от образовательных потребностей местного населения.

Ключевые слова: дистанционное образование, региональная система дистанционного образования, андрагогический подход, лично ориентированный подход, компетентностный подход.

Abstract: The article is devoted to a separate aspect of remote education system formation in Ulyanovsk region. The article describes the approaches to selecting the content of education including the andragogical, person-oriented and competence-based approaches. The author ascertains the specific character of requirements to the content of remote education in the region, depending on the educational needs of the local population.

Key words: remote education, regional system of remote education, andragogical approach, person-oriented approach, competence-based approach.

Создание перспективной системы образования, способствующей социальному становлению российского общества в целом и каждого человека в отдельности, – одна из ведущих тенденций, поддерживаемая на уровне государственной политики. Признание образования приоритетным направлением во внутренней политике индустриально развитых держав, возрастание расходов на образование и другие положительные перемены в жизни общества обусловили необходимость перехода от традиционных к новым формам образования. Развитие образовательной системы в современных условиях определяется необходимостью непрерывного, открытого образования, массовой формой которого в современной мировой образовательной практике является дистанционное образование. Интегрируясь в общество, система дистанционного образования опирается на общие постулаты педагогики, однако подходы к отбору содержания в региональных системах дистанционного образования обладают определенной спецификой, зависящей от образовательных потребностей местного населения.

Конкретный ответ на вопрос о **содержании образования** логическим образом вытекает из цели системы дистанционного образования и концептуальных подходов к ее реализации. Содержание образования, в котором реализуются ценностные, смыслообразующие, гуманистические и творческие компоненты жизни региона, выступает ведущим фактором его развития. Потребности личности и государства, уровень развития науки, техники и культуры, направления развития общества определяют содержание образования [1, с. 10]. Современные ученые трактуют содержание образования как педагогически адаптированную систему знаний, умений, навыков, опыта творческой дея-

тельности и эмоционально-волевого отношения, усвоение которой призвано обеспечить формирование всесторонне развитой личности, подготовленной к воспроизведению и развитию материальной и духовной культуры общества [2, с. 350].

При анализе становления и развития системы дистанционного образования Ульяновской области нам удалось выделить следующие основополагающие подходы к отбору содержания образования: *андрагогический, лично-отношенческий, ориентированный и компетентностный*.

Андрогогический подход – системное использование особенностей обучения взрослых. Позиция взрослых обучающихся в процессе обучения – это своеобразная позиция творца, определяющего содержание образования [3]. Поэтому при отборе содержания для системы дистанционного образования Ульяновской области учитываются все особенности взрослых учащихся [4]. Большое внимание уделяется обоснованию того, зачем нужно изучить данный курс или раздел. Взрослые сами решают, стоит ли тратить время и силы на изучение того, что им предлагают. И только *назревшая необходимость* в изучении того содержания, которое предлагается системой дистанционного образования, становится залогом готовности взрослых учащихся к обучению.

При отборе содержания дистанционного образования также учитывается важная черта их самосознания – *потребность в самостоятельном принятии решений и способность нести за них ответственность*. В отличие от школьников и студентов, которым предъявление учебного материала предопределяет необходимость его усвоения, обучающимся в системе дистанционного образования дается возможность самостоятельного выбора из нескольких альтернатив: какие предметы изучать в первую очередь, по какой технологии (с помощью электронной обучающей системы (ЭОС) или с помощью кейс-технологий). Личный опыт взрослых обучающихся становится существенной опорой для изложения материала, источником примеров и иллюстраций изучаемого материала. Наличие определенного профессионального и социального опыта позволяет включить его в содержание образования, а намеченная самим обучающимся цель обеспечивает мотивацию и самоконтроль процесса обучения [5].

Множество бытовых, пространственных, финансовых ограничений в учебе у взрослых обучающихся в региональной системе дистанционного образования также наложили отпечаток на содержание образования, что проявилось в необходимости безотлагательного применения знаний, умений, навыков, полученных ими в ходе обучения. В конечном итоге *практическая направленность*, сконцентрированная вокруг конкретных жизненных потребностей взрослых учащихся, стала проявлением андрогогического подхода при отборе содержания образования. В классической системе образования учебный материал выстраивается в соответствии с логической структурой теоретического научного знания. Система же дистанционного образования Ульяновской области ориентируется на реальные задачи в реальных ситуациях: общая модель и общий подход излагаются так, чтобы действия, включенные в рабочий контекст, приводили к желаемым результатам. Приобретаемые знания и умения тематически привязаны к типичным ситуациям, носят ситуативный характер. Именно особенности интенсивного обучения взрослых в системе дистанционного образования в виде коротких периодов, свободных

от основного вида деятельности, привели к необходимости при отборе содержания образования идти от конкретного к общему, выстраивать другую логику отбора содержания образования – логику реальных действий, источником которой является анализ реальных рабочих потребностей обучающихся и общества в целом.

В ряде исследований (В. В. Сериков, И. С. Якиманская) найдена отраженная выделенная нами как одна из основополагающих концепция *лично ориентированного подхода* к отбору содержания образования. Оно должно быть сориентировано на потребности обучающегося и построение личной траектории развития, уважение и признание личности обучающегося, сотрудничество с обучающимися [6, с. 31]. Результатом усвоения содержания образования выступают развитые мыслительные, творческие, рефлексивные, мотивационно-ценностные сферы личности.

В свете лично ориентированного подхода В. А. Сластенин сформулировал ряд требований, которые должны учитываться при отборе содержания образования. По его мнению, содержание профессионального образования должно:

- быть ориентированным на обеспечение самоопределения личности и создание условий для самореализации;
- быть направлено на получение профессии и квалификации, воспроизводство и развитие кадрового потенциала общества;
- обеспечивать развитие общества, укрепление и совершенствование правового государства;
- формировать соответствующий уровень общей и профессиональной культуры, научной картины мира [7, с. 258].

Применение новых информационных технологий в структуре лично ориентированного образования дает возможность для расширения содержания образования за счет поддержки систем обучения и стимулирования творческих сил обучающихся, саморефлексии ими механизмов развития [8, с. 180].

Следующий выделенный нами в качестве одного из основополагающих – *компетентностный подход*, который развивает лично ориентированную направленность отбора содержания образования, ставит на первое место умение решать проблемы, непосредственно связанные с практической деятельностью обучающихся в региональной системе дистанционного образования. Как уже отмечалось выше, обучающиеся являются взрослыми людьми, работодатели которых предъявляют требования не столько к уровню знаний, умений, навыков, сколько к способности применения их на практике, умению ориентироваться в нестандартных производственных ситуациях, нести ответственность за свои действия. Для них особенно актуальна европейская формула подготовки специалистов: «Одна профессия – множество карьерных возможностей» [9, с. 7].

В связи с этим отбор содержания образования в свете решений Болонской конференции и Копенгагенской конвенции в системе дистанционного образования Ульяновской области строится на основании компетенций – совокупности взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [4].

Авторитетными авторами в области компетентностного подхода компетенции группируются различным образом. Например, в результате работы программы TUNING, в которой приняли участие более 100 университетов из 16 стран, подписавших Болонскую декларацию, выделены **общие** компетенции, включающие *инструментальные* (способность к анализу и синтезу, к организации и планированию; базовые знания в различных областях; подготовка по основам профессиональных знаний; письменная и устная коммуникация на родном языке; знание второго языка; навыки работы с компьютером; умение находить и анализировать информацию из различных источников; решение проблем; принятие решений), *межличностные* (способность к критике и самокритике; работа в команде; навыки межличностных отношений; способность работать в междисциплинарной команде; способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия), *системные* (способность применять знания на практике; исследовательские навыки; способность учиться; способность адаптироваться к новым ситуациям; способность порождать новые идеи (креативность); лидерство; понимание культур и обычаев других стран; способность работать самостоятельно; разработка и управление проектами; инициативность и предпринимательский дух; забота о качестве; стремление к успеху) и *специальные* (профессиональные) компетенции [10]. Национальный фонд подготовки кадров в основу стратегии положил *ключевые* компетенции [11, с. 9].

Нам же представляется наиболее объективной следующая группировка компетенций:

– ключевые – общие компетенции человека, необходимые для продуктивной деятельности специалиста (концептуальные, инструментальные, ценностно-этические, интегративные, адаптационные);

– базовые – универсальные умения в определенной профессиональной области (самообразования, коммуникации, организации деятельности);

– специальные – универсальные умения, необходимые для выполнения конкретных задач или решения проблем (проективные, конструктивные, аналитические, развивающие, рефлексивные) [12].

В системе дистанционного образования Ульяновской области отбор содержания образования на основе компетентностного подхода включает следующие основные этапы:

– этап разработки модели компетенций – создание перечня ключевых компетенций, формирование профилей должности сотрудников;

– этап разработки программ обучения и учебно-методических материалов – формирование содержания образования на основе должностных инструкций сотрудников и выполняемых ими бизнес-процессов [13, с. 108].

Реализация компетентностного подхода к отбору содержания образования обеспечивается интегрированной средой разработки и использования сетевых (электронных) курсов, условно названной «Технологии образовательных ресурсов» (ТОР). Специалистами разработаны базовые блоки схемы, представленные на рис. 1: «Мастер компетенций» – совокупность методов и средств, позволяющих протестировать специалиста на знание/незнание ключевых компетенций; «Мастер курсов» – совокупность методов и средств, предоставляющих курсы в соответствии с теми или иными запросами. Она дает возможность двухвариантной схемы отбора содержания.

Рис. 1. Варианты использования подсистемы TOP

Вариант № 1

1. Из имеющегося перечня ключевых компетенций (1–9) выбирается компетенция, по которой проводится тестирование.

2. Тестируемый дает ответ на каждый из 15 вопросов (субкомпетенций) по каждой компетенции.

3. Программа дает правильный ответ после предоставления пользователем собственного ответа.

4. Программа делает подсчет количества правильных ответов и выводит результаты по каждой компетенции.

5. Блок «Мастер компетенций» формирует список курсов, рекомендованных к изучению в соответствии с выявленными пробелами в знаниях с целью развития недостающих субкомпетенций в рамках каждой компетенции.

6. Результаты тестирования из блока «Мастер компетенций» поступают в блок «Мастер курсов».

7. Блок «Мастер курсов» обеспечивает предоставление содержания необходимых курсов.

Вариант № 2

Этот вариант предназначен для обучающихся, владеющих навыками рефлексии, умеющих самостоятельно определить, обладает ли он той или иной компетенцией. В этом случае тестирование не проводится. Выбрав любую ключевую компетенцию, обучающийся получает из «Мастера компетенций» перечень субкомпетенций, а из «Мастера курсов» набор материалов, необходимых для освоения этих субкомпетенций.

В подсистеме ТОР существует возможность автоматизации процессов двухвариантной схемы отбора содержания образования: организация тестирования, формирование набора курсов, занесение результатов в учетную карточку специалиста.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что отбор содержания образования в системе дистанционного образования Ульяновской области обладает рядом особенностей и своеобразием подходов. Содержание же образования, в котором реализуются ценностные, смыслообразующие, гуманистические и творческие компоненты жизни, выступает ведущим фактором развития региона.

Список литературы

1. **Филиппов, В. М.** Актуальные проблемы и направления инновационной деятельности в российском образовании [Текст] / В. М. Филиппов // Инновации в образовании. – 2001. – № 1. – С. 5–7.
2. **Лернер, И. Я.** Российская педагогическая энциклопедия. Содержание образования [Текст] / И. Я. Лернер. – М.: БСЭ, 1999. – Т. 2. – 351 с.
3. **Капитанская, А. К.** Особенности образования взрослых [Электронный ресурс] / А. К. Капитанская // Вопросы интернет-образования. – URL: http://vio.fio_30/cd_site/Articles/art-2-5.htm
4. **Кларин, М. В.** Андрагогика: наука обучения взрослых [Электронный ресурс] / М. В. Кларин. – URL: http://www.elitarium.ru/2004/08/25/andragogika_nauka_obuchenija_vzroslykh.html
5. **Полат, Е. С.** Проблемы образования в канун XIX в. / Е. С. Полат // Интернет-журнал «Эйдос». – 1998. – 11 ноября. – URL: <http://www.eidos.ru/jornal/1998/1111-07.htm>

6. **Якиманская, И. С.** Разработка технологии личностно-ориентированного обучения [Текст] / И. С. Якиманская // Вопросы психологии. – 1995. – № 2. – С. 31–42.
7. Педагогика профессионального образования: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / Е. П. Белозерцев [и др.] ; под ред. В. А. Сластенина. – М. : Академия, 2004. – 368 с.
8. **Сериков, В. В.** Личностно ориентированное образование: поиск новой парадигмы / В. В. Сериков. – М. : УлГТУ, 1998. – 215 с.
9. **Ганчеренок, И. И.** Инновационная деятельность и высшее образование: европейское видение до 2020 года [Текст] / И. И. Ганчеренок // Инновации в образовании. – 2005. – № 2. – С. 5–8.
10. Компетентностный подход: реферативный бюллетень [Электронный ресурс] / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – URL: <http://www.elitarium.ru/2004/08/25andragagika-nauka-obuchenija-vzroslykh.html>
11. Стратегия модернизации общего образования : Материалы для разработчиков документов по модернизации общего образования [Электронный ресурс] – URL: <http://ycon.pstu.ac.ru/pedsovet/programm/13.html>
12. **Хуторской, А. В.** Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.html>
13. **Петухов, М. А.** Компетентностные основы профессионально-педагогического образования : учеб.-метод. пособ. / М. А. Петухов. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – 215 с.

Белухина Наталья Николаевна

ассистент, кафедра педагогики,
Ульяновский государственный
педагогический университет

E-mail: Bgk73@mail.ru

Belukhina Natalya Nikolaevna

assistant, sub-department of pedagogy,
Ulyanovsk State Pedagogical University

УДК 378

Белухина, Н. Н.

Концептуальные подходы к отбору содержания дистанционного образования / Н. Н. Белухина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 138–144.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ КАДАСТРОВЫХ ИНЖЕНЕРОВ С ПОЗИЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье анализируются ценностно-смысловые компетенции будущих кадастровых инженеров с позиции компетентностного подхода. Автор показывает, что основным аспектом формирования ценностно-смысловых компетенций является формирование социально значимых ценностей и ценностных ориентаций студентов. Автор статьи утверждает, что система ценностных ориентаций будущего кадастрового инженера по мере прохождения им этапов профессиональной подготовки становится более насыщенной и разнообразной.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентность, ценностно-смысловые компетенции, ценности, ценностные ориентации.

Abstract. The article analyzes the value competencies of the future cadastre engineers from the point of view of the competence-based approach. The author shows that the main aspect of the value competencies' forming is the formation of the socially important values and valuable orientations of students. The author maintains that the system of the valuable orientations of the prospective cadastre engineer becomes more informative and diverse as he progresses in his professional course.

Key words: competence-based approach, competence, value competencies, valuable orientations.

В настоящее время необходимость перехода образования на компетентностный подход очевидна. Но, как показывает анализ психолого-педагогической литературы, концепция компетентностного подхода еще только формируется.

Ряд российских исследователей (В. И. Байденко, В. А. Болотов, И. Я. Зимняя, Ю. Г. Татур, В. Д. Шадриков и др.) считает, что для отечественной высшей школы компетентностный подход не является истинно новаторским, как для многих стран – участниц Болонского процесса. Элементы этого подхода в России всегда были неотъемлемой частью системы управления качеством обучения и профессиональной подготовки специалистов на уровне всей системы образования. «Российская система образования в отличие от западной модели, ориентированной на академические нормы оценки, всегда была компетентностной, т.е. ориентированной на сферу профессиональной деятельности» [1].

Для периода 90-х гг. XX в. характерна трактовка компетентности как синонима профессионализма или как одной из его составляющих. Более того, компетенции уже рассматриваются как результат процесса образования. Отечественные ученые (Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, Л. А. Петровская, Л. М. Митина) начинают не только исследовать компетенцию и строить обучение, имея в виду ее формирование как конечный результат этого процесса, но и выделяют различные виды компетентности, предлагают конкретные специальные формы тренингов для формирования этого интегративного

свойства личности [2], разрабатывают содержание социальных компетенций. В конце 1990-х гг. в документах и материалах ЮНЕСКО очерчивается круг компетенций, которые уже необходимо рассматривать как желаемый результат образования. В докладе Международной комиссии по образованию для XXI в. «Образование: сокрытое сокровище» (1996) Жак Делор сформулировал «четыре столпа», на которых основывается образование: «научиться жить вместе, научиться познавать, научиться работать, научиться жить» [3], тем самым определяя базовые компетенции.

Достаточно широкое применение терминов «компетенция» и «компетентность» в педагогической литературе связано с необходимостью обновления содержания образования. По мнению А. Дахина, эти понятия можно «модифицировать в педагогическом контексте и построить специальную терминологическую конструкцию «образовательная компетенция» – уровень развития личности учащегося, связанный с качественным освоением содержания образования. Что значит качественное освоение – определяется требованиями и нормами к подготовке выпускника» [4].

С. Адам (университет Вестминстера, Великобритания) подчеркивает, что термин «компетенция» трактуется различными специалистами по-разному, и считает, что компетенции используются в контексте результатов обучения, но в более широком понимании компетенция включает в себя способности, умения, навыки и т.д. и представляет собой сочетание этих характеристик [5].

В рамках проекта TUNING education Structures in Europe (Настройка образовательных структур в Европе, 2000), в котором задействовано более 150 вузов, компетенции определяются как понятие, включающее в себя знание и понимание, «знание, как действовать», «знание, как быть» [6].

Глоссарий терминов ЕФО (1997) определяет компетенцию так:

- 1) способность делать что-либо хорошо или эффективно;
- 2) соответствие требованиям, предъявленным при устройстве на работу;
- 3) способность выполнять особые трудовые функции.

Здесь же отмечается, что «...термин «компетентность» используется в тех же значениях. Компетентность обычно употребляется в описательном плане» [7].

Не проводя различий между понятиями «компетенция» и «компетентность», профессор Ю. Г. Татур, также отталкиваясь от латинских корней понятия «компетентность», определяет компетентность как «...качество человека, завершившего образование определенной ступени, выражающееся в готовности на его основе к успешной (продуктивной, эффективной) деятельности с учетом ее социальной значимости и социальных рисков, которые могут быть связаны с ней» [8].

На основе анализа различных точек зрения, имеющих в педагогической литературе относительно определений компетенций и исходя из предмета нашего исследования, мы считаем целесообразным принять в нашем исследовании определение компетенции как «способности применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области», принятой в проекте ФГОС ВПО 22.02.2007 г. Это определение, на наш взгляд, четко обозначает категории, входящие в понятие «компетенция», и позволяет подобрать диагностический инструментарий для отслеживания

динамики формирования компетенций, ориентируясь на категорию «способность» [9].

В настоящее время нет точного перечня ключевых компетенций человека, которые необходимо формировать в высшей школе. Наиболее распространенной является классификация А. В. Хуторского.

Ценностно-смысловые компетенции – это компетенции, связанные с ценностными ориентирами студента, его способностью видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения. Данные компетенции обеспечивают механизм самоопределения студента в ситуациях учебной и иной деятельности. От них зависит индивидуальная образовательная траектория студента и программа его жизнедеятельности в целом.

Ценностно-смысловые компетенции обеспечивают успешность ценностно-смысловой ориентации специалиста в мире, готовность и стремление познать и совершенствовать самого себя, готовность будущего специалиста к общественно одобряемой продуктивной деятельности и способствуют осознанию необходимости непрерывного самообразования, постоянной мотивации к обучению на протяжении всей жизни, определению ценностей, необходимых для того, чтобы жить в условиях сложного демократического общества, овладение высоким уровнем педагогической культуры.

Анализируя ФГОС ВПО по направлению подготовки 560600 «Землеустройство и земельный кадастр», можно сделать вывод, что настоящий стандарт находится на стадии разработки. Доказательством этому служит тот факт, что стандарт не включает в себя достаточный набор компетенций, необходимых для формирования ценностно-смысловых компетенций профессионала.

По нашему мнению, будущий кадастровый инженер должен обладать не только социально-личностными, общекультурными, инструментальными и профессиональными компетенциями, но и ценностно-смысловыми компетенциями. В перечне ключевых компетенций, определенном А. В. Хуторским, ценностно-смысловые компетенции занимают ведущую позицию. В классификации, рекомендованной для разработки проектов ФГОС ВПО (В. И. Байденко, Н. А. Селезнева), ценностно-смысловые компетенции занимают четвертое место, но это, на наш взгляд, не делает их менее важными, чем социально-личностные, общекультурные, инструментальные и профессиональные компетенции. Согласно данной классификации, будущий кадастровый инженер должен обладать следующими ценностно-смысловыми компетенциями:

- 1) способностью переносить полученные знания в социальную реальность;
- 2) знаниями, касающимися работы на природу и общество;
- 3) следованием социальным стандартам и этике (приверженность этическим ценностям);
- 4) социальной компетенцией;
- 5) духовной организацией человека.

Социальные компетенции (классификация Совета Европы), в свою очередь, включают в себя:

- 1) способность принимать ответственность;

- 2) участие в принятии групповых решений;
- 3) разрешение конфликтов.

Основным аспектом формирования ценностно-смысловых компетенций является формирование социально значимых ценностных ориентаций студентов.

Проблема ценностей и ценностных ориентаций является предметом изучения ряда наук о человеке и обществе, в частности философии, социологии, психологии, педагогики. Для ряда отечественных авторов характерно отнесение ценности к сфере должного, которое выступает в качестве нормы, цели, идеала, но в реальной жизни не осуществлено. Ценности – это материальные или идеальные предметы, обладающие значимостью для данного социального субъекта с позиций удовлетворения его потребностей и интересов. В такой обобщенной формулировке можно представить те многочисленные определения ценностей, которые существуют в отечественной науке.

В ценностях резюмируется весь жизненный опыт личности, этот компонент структуры личности, с позиций ученых, «представляет собой некоторую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы» [10].

Как подчеркивает Э. Фромм, большинство людей колеблются между разными системами ценностей и потому никогда не развиваются полностью в том или ином направлении; у них нет ни особых добродетелей, ни особых пороков; они похожи на стершуюся монету, так как в них нет самости, нет тождественности себе [11]. Таким образом, ценности – это ядро структуры личности, определяющее ее направленность, высший уровень регуляции социальным поведением личности.

Одним из наиболее распространенных подходов к изучению ценностей и ценностных ориентаций является концепция М. Рокича. Он стимулировал оживленный интерес к ценностям среди психологов тем, что предложил четкое определение понятия и разработал легкий в использовании инструмент. На концепцию Рокича в последние десятилетия в той или иной мере опираются многие исследователи данной проблемы.

Концепция человеческих ценностей Рокича включает в себя следующие постулаты:

- общее число ценностей невелико;
- все люди обладают одними и теми же ценностями, но одни и те же ценности имеют для разных людей разный «вес»;
- ценности организованы в системы;
- истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе, общественных институтах и самой личности человека;
- влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах [12].

В социальных, психологических и педагогических исследованиях используются как понятие ценности, так и понятие ценностных ориентаций. Однозначного различения этих понятий в литературе не прослеживается. Часто они употребляются как равнозначные. При изучении характеристик общества, культуры и отдельных социальных групп используется термин «ценность». При изучении отдельных индивидов возможно употребление как понятия «ценностная ориентация», так и понятия «ценность». Под ценностными ориентациями понимается отражение в сознании человека ценностей,

признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Ценностные ориентации – это интериоризированные личностью ценности социальных групп. Таким образом, оказывается вполне оправданным говорить о ценностях личности как ее ценностных ориентациях [12].

Решение проблемы личностных достижений студентов вряд ли возможно вне исследования сформированности ценностной сферы личности. Более того, мы считаем, что именно с позиций данной сферы могут быть правильно определены и оценены другие компоненты структуры личности, например характер, способности, фонд знаний и навыков, механизм самосознания, характер поведения и деятельности и др.

Проблема исследования ценностных ориентаций личности достаточно глубоко представлена в работах отечественных социологов и психологов: М. И. Бобневой, А. Г. Здравомыслова, Н. И. Лапина, И. О. Мартынюка, Н. Ф. Наумовой, В. Б. Ольшанского, А. А. Ручки и др.

Под ценностными ориентациями понимаются «абстрактные идеи, положительные или отрицательные, не связанные с определенным объектом или ситуацией, выражающие человеческие убеждения о типах поведения и предпочитаемых целях» [12].

На развитие и формирование ценностных ориентаций личности влияет целый ряд внешних и внутренних факторов.

К внешним факторам можно отнести элементы микросреды (группы членства, референтные группы и их ценности) и макросреды (традиционная система общечеловеческих ценностей, социальных ролей, средства массовой коммуникации, социальные институты и т.д.).

К внутренним факторам можно отнести возраст, пол, особенности темперамента, задатки, способности, ведущие внутрисубъектные потребности, уровень развития самосознания [13].

Ценностные ориентации – это широкая система ценностных отношений личности, поэтому они проявляются как избирательно-предпочтительное отношение не к отдельным предметам и явлениям, а к их совокупности, т.е. выражают общую направленность индивида на те или иные виды социальных ценностей. Ценностные ориентации не всегда реализуются в деятельности непосредственно, управляя общим, «стратегическим» подходом к содержанию деятельности, формам поведения личности, представляя собою опорные критерии принятия личностью жизненно важных решений. От установок их отличает прежде всего уровень обобщенности объекта диспозиции. Ценностные ориентации разворачиваются в целях, идеалах, интересах, жизненных планах, принципах, убеждениях, являются образованием идейно-целевого плана, генеральной линией жизни человека. Свое проявление они находят в вербализованных программах и реальном поведении людей. Система устойчивых ценностных ориентаций личности является показателем того, что можно ожидать от индивида. О социально-политической позиции, о духовном мире личности можно судить по тому, на достижение каких ценностей она направляет свои усилия, какие объекты являются для нее наиболее значимыми, т.е. ценностные ориентации выступают как обобщенный показатель направленности интересов, потребностей, запросов личности, социальной позиции и уровня духовного развития.

Ценности и ценностные ориентации обычно рассматриваются как индивидуальные формы репрезентации общественных (культурных, групповых и т.д.) ценностей. Таким образом, ценностные ориентации представляют собой основные формы функционирования ценностей на уровне личности.

Ценностные ориентации личности имеют важное значение в профессиональной подготовке. Как правило, студенты вузов являются представителями разных социальных групп и, в первую очередь, носителями их конкретных ценностей. Однако система ценностей личности не является жестко заданной, она находится в состоянии постоянного развития и изменения. То одни, то другие ценности и мотивы способны выходить на передний план и определять поведение, решения человека в различных ситуациях жизнедеятельности. Поэтому на каждом этапе жизни система ценностей каждого человека может быть разной.

Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношения к окружающему миру, к другим людям, к себе самой и основу мировоззрения, ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и философии жизни.

Согласно М. Рокичу, различают два класса ценностей:

- терминальные – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;
- инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

В свою очередь, инструментальные ценности могут группироваться в этические ценности, ценности общения, ценности дела, индивидуалистические и конформистские ценности, альтруистические ценности, ценности самоутверждения и ценности принятия других и т.д. [14].

В рамках исследования «Формирование ценностно-смысловых компетенций будущих кадастровых инженеров в процессе профессиональной подготовки» нами было проведено изучение ценностных ориентаций студентов первого и второго курсов факультета «Управление территориями» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства с целью установления тех принципов, которыми они руководствуются в своей жизни. Мы выделили по пять ценностей, наиболее важных для респондентов в каждом списке.

Терминальными ценностями студентов-первокурсников являются: 1) уверенность в себе; 2) общественное признание; 3) продуктивная жизнь; 4) развитие; 5) наличие хороших и верных друзей.

Список инструментальных ценностей студентов-первокурсников включает в себя: 1) честность; 2) жизнерадостность; 3) рационализм; 4) твердую волю; 5) ответственность.

Проанализировав данные о ценностных ориентациях студентов-первокурсников, можно сделать выводы о том, что главными среди терминальных ценностей являются ценности личной жизни и личного благополучия. Это объясняется желанием каждого из них добиться уважения в студенческом коллективе. Естественно, придя в новый коллектив, человек хочет, чтобы его уважали. Для этого ему необходима уверенность в себе. А если у студента есть общественное признание, то ему проще приобрести хороших и верных друзей. Среди инструментальных ценностей наиболее важными для

студентов оказались индивидуалистические ценности и ценности самоуверждения.

Наши исследования развития ценностных ориентаций студентов были продолжены на втором курсе. Как показали результаты опросов, ценности студентов изменились.

Терминальными ценностями студентов-второкурсников стали: 1) уверенность в себе; 2) духовная и физическая близость; 3) счастливая семейная жизнь; 4) общественное признание; 5) творчество; а инструментальными – 1) образованность; 2) жизнерадостность; 3) воспитанность; 4) рационализм; 5) самоконтроль.

Сравнительный анализ ценностных ориентаций студентов на первом и втором курсах показывает, что, если такие ценности, как «уверенность в себе», «общественное признание» среди терминальных и «рационализм», «жизнерадостность» среди инструментальных, сохраняются, то на место ценностей «продуктивная жизнь», «развитие», «наличие хороших и верных друзей» приходят ценности «духовная и физическая близость», «счастливая семейная жизнь», «творчество», а на место ценностей «честность», «твердая воля» и «ответственность» приходят ценности «образованность», «воспитанность» и «самоконтроль». Это говорит об изменениях в самоопределении студентов как в актуальной жизни, так и на перспективу. Студенты хотят получить высшее образование не для престижа среди своих сверстников, а потому, что они желают стать специалистами именно в своей профессии.

Следовательно, можно констатировать, что ценностные ориентации первокурсников и второкурсников отличаются. Данные, полученные с помощью методики М. Рокича, мы дополнили результатами теста, составленного профессорами Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова В. Добрыниной и Т. Кухтевичем [15]. Согласно ответам, полученным от студентов-первокурсников, главной ценностью для них является семья и дети (51 %), они не повторили бы свой выбор профессии (38 %), не знают, будут ли работать по избранной ими специальности (55 %), то уже на втором курсе успехом в жизни студенты считают интересную работу (56 %), лишь 12 % семью и детей, 67 % опрошенных повторили бы свой выбор профессии, и 73 % хотели бы работать по избранной ими специальности.

Все это говорит о том, что по мере прохождения человеком этапов профессиональной подготовки его ценностно-мотивационная сфера становится более насыщенной, богатой и разнообразной. Все больше ценностей и мотивов включаются во взаимодействие, усиливая друг друга. На каждом последующем этапе профессиональной подготовки в это взаимодействие включаются новые ценности и мотивы, причем старые связи не теряют своей актуальности, они не пропадают, а обогащаются новыми ценностями и мотивами.

Список литературы

1. **Шадриков, В. Д.** Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход / В. Д. Шадриков // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 8. – С. 26–31.
2. **Кузьмина, Н. В.** Акмеологическая теория качества подготовки специалистов образования / Н. В. Кузьмина – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. – 104 с.
3. **Делор, Ж.** Образование: сокрытое сокровище / Ж. Делор // Университетская книга. – 1997. – № 4. – С. 26–36.

4. **Дахин, А.** Компетентность и компетентность: сколько их у российского школьника? / А. Дахин // Народное образование. – 2004. – № 4. – С. 136–143.
5. Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие (документы международных форумов и мнения европейских экспертов) / под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. В. И. Байденко. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002. – 408 с.
6. Болонский процесс: поиск общности европейских систем высшего образования (проект TUNING) / под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. В. И. Байденко. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 211 с.
7. **Зимняя, И. А.** Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. / И. А. Зимняя. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 38 с.
8. **Татур, Ю. Г.** Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста / Ю. Г. Татур // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 20–26.
9. **Миханова, О. П.** Формирование и развитие универсальных компетенций студентов вуза в процессе обучения иностранному языку (на примере неязыковых специальностей) : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Миханова О. П. – Пенза, 2008. – 204 с.
10. **Здравомыслов, А. Г.** Отношение к труду и ценностные ориентации личности / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов // Социология в СССР. – М. : Мысль. – 1966. – Т. 2. – С. 187–207.
11. **Фромм, Э.** Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М. : Республика, 1993. – 415 с.
12. **Карандашев, В. Н.** Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. – СПб. : Речь, 2004. – 70 с.
13. **Райе, Ф.** Психология подросткового и юношеского возраста : учеб. пособие / Ф. Райе. – СПб. : Питер, 2000.
14. Практическая психодиагностика. Методика и тесты : учеб. пособие / сост. Т. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ. – М., 2006.
15. **Добрынина, В.** Ценностные ориентации учащейся и студенческой молодежи: особенности и тенденции / В. Добрынина, Т. Кухтевич // Вестник высшей школы. – 2003. – № 2. – С. 13–15.

Раскачкина Елена Владимировна

старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

E-mail: Raskachkina@mail.ru

Raskachkina Elena Vladimirovna

Senior lecturer, sub-department foreign languages, Penza State University of Architecture and Construction

УДК 378.04

Раскачкина, Е. В.

Формирование ценностно-смысловых компетенций будущих кадастровых инженеров с позиции компетентностного подхода / Е. В. Раскачкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 144–152.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА НА ОСНОВЕ ПАРАДИГМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация. В статье на основе анализа психолого-педагогической литературы определено понятие готовности к профессиональной деятельности, выделены ее разновидности, подходы к ее достижению, компоненты готовности к профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта. Обоснована актуальность проблемы профессионально-педагогической направленности будущего специалиста. Раскрыта суть парадигмы педагогической поддержки, формы ее реализации, значение в формировании педагогической направленности будущего педагога-музыканта.

Ключевые слова: готовность к профессиональной деятельности, педагогическая парадигма, педагогическая поддержка, профессионально-педагогическая направленность, профессиональная компетентность.

Abstract. The article determines a concept of readiness, types of readiness, components and approaches to achieve readiness of a music teacher to be engaged in professional activity. The investigation is based on the analysis of psychological and pedagogical literature. The author substantiates urgency of the problem of professional pedagogical orientation of a future specialist. The article expands on the paradigm of pedagogical support, its realization and meaning in the process of formation of pedagogical orientation of prospective music teachers.

Key words. Professional activity readiness, pedagogical paradigm, pedagogical support, professional pedagogical orientation, professional competence.

В современной педагогической науке важное место занимает формирование готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов, непосредственно связанное с повышением уровня их профессиональной подготовки. Понятие «готовность» можно обнаружить в психологической литературе в связи с исследованиями Б. Г. Ананьева человека как субъекта деятельности (50–60 гг. XX в.). Встречается это понятие и в толковом словаре В. Даля со значением «состояние или свойство готового» [1]. В свою очередь, в «Словаре русского языка» [2] понятие «готовый» означает «изготовленный, доведенный до полной оконченности, совершенства».

1. Очень часто в психолого-педагогической литературе можно встретить дифференцированное употребление понятия «готовность» и «подготовка», хотя готовность является вторичной по отношению к подготовке, его результатом. При этом подготовка является путем достижения готовности.

Проанализировав философскую и психолого-педагогическую литературу, мы не находим единого общепринятого определения готовности. На сегодняшний день в это понятие вкладывается различный смысл, существует различное множество его трактовок. Так, например, В. А. Крутецкий называет «готовностью к деятельности тот ансамбль свойств личности», которым определяется успешность деятельности [3], В. Н. Пушкин считает «готовность» «бдительностью», Н. Д. Левитов определяет ее как «предстартовое состояние».

Современными психологами-исследователями (М. И. Дьяченко, А. Д. Ганюшин, А. А. Ухтомский и некоторые другие) понятие «готовность» воспринимается как качественный показатель способности конкретной личности к саморегуляции на различных уровнях протекания психических процессов. Ими доказано, что именно уровень саморегуляции определяет поведение личности в физическом, психическом и социальном контексте.

В современной интерпретации ряд авторов выделяют временную (ситуативную) и долговременную (устойчивую) готовность (Л. С. Персесян и др.), психологическую и практическую (Б. Ф. Райский), функциональную и личностную (Ф. Генов, Б. В. Пуни), специальную и общую (Б. Г. Ананьев), готовность к умственной и физической деятельности (А. Г. Ковалев), психологическую готовность к деятельности (Ю. К. Бабанский), готовность к труду как свойству профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности (К. М. Дурай-Новакова). В своих работах Ю. В. Енотова подчеркивает то, что готовность – это не только предпосылка, но и регулятор реальной деятельности, обеспечивающий включенность субъекта в ее исполнение.

Формирование готовности к профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта является сложным, многоуровневым, системным, в первую очередь личностным образованием человека. Так, К. К. Платонов определяет готовность специалиста как субъективное состояние личности, считающей себя способной к выполнению соответствующей профессиональной деятельности и стремящейся к ее выполнению. В. А. Крутецкий отмечает, что «готовность к деятельности» есть тот комплекс свойств личности, который способствует успешности деятельности. Составляющими компонентами такой готовности он называет способности и общие психологические условия, необходимые для успешного осуществления деятельности. М. И. Дьяченко и некоторые другие исследователи трактуют готовность как психологическое состояние, т.е. актуализацию и приспособление возможностей личности для успешных действий в данный момент, включающее в себя следующие компоненты: познавательный, мотивационный, эмоционально-волевой.

2. В процессе формирования готовности к профессиональной деятельности ряд исследователей выделяют две взаимосвязанные ее разновидности: предварительную (потенциальную) и непосредственную готовность. Первая разновидность представляет собой соответствующе подготовленную личность к соответствующей деятельности, вторая, соответственно, – ситуативную готовность как состояние мобилизованности, функциональной настроенности психики специалиста на решение конкретной задачи в соответствующих условиях. Эта разновидность профессиональной готовности будущего специалиста характеризуется высокой динамичностью, подвижностью и зависимостью от ситуативных обстоятельств, а также состояния психического и физического здоровья будущего специалиста, морально-психологической атмосферы в коллективе, социальной среде и других факторов [4].

Первая разновидность готовности будущего специалиста к профессиональной деятельности (предварительная, потенциальная) включает в себя систему достаточно устойчивых компонентов – знаний, умений и навыков по профилю деятельности; профессионально важных качеств личности; мотивации, предпочтений и т.п., что в целом составляет необходимый профессиональный потенциал личности. Потенциальная готовность является непосредственной, ситуативной основой. Таким образом, подготовка будущего спе-

специалиста в вузе выступает как процесс формирования у него достаточного для профессиональной деятельности уровня предварительной готовности, устойчивых статических компонентов его профессиональной готовности.

Готовность будущего педагога-музыканта к профессиональной деятельности является важным показателем полноценной профессиональной подготовки, а ее формирование – актуальная цель и результат вузовского этапа обучения. Проанализировав состояние рассматриваемой проблемы в психолого-педагогической литературе, мы выделили различные подходы к достижению готовности к профессиональной деятельности. Данному вопросу посвящены монографии Ф. Н. Гоноболина, Н. В. Кузьминой, А. И. Щербакова и других авторов. В частности, Н. В. Кузьмина анализирует мотивы профессионально-педагогической деятельности и пути формирования удовлетворенности ею, показывает трудности работы учителя, преодоление которых рождает подлинное творчество и мастерство [5]. В свою очередь, профессиональное мастерство В. А. Сластенин рассматривает как уровень готовности к профессиональной деятельности, связанный с формированием у будущего учителя общепедагогических умений [6].

Понятие «готовность к профессиональной деятельности» в психолого-педагогических исследованиях используется довольно часто. Готовность к профессиональной деятельности рассматривается как целостная интегративная характеристика личности, включающая мотивационный, когнитивный и деятельностный компоненты, обеспечивающие социально-психологическую и функциональную готовность [7]. Ряд исследователей определяют структуру готовности как фонд действенных знаний, в который входят не все знания и не любые свойства личности, а лишь те, «которые обеспечивают ей необходимую продуктивность» [8].

С психологической точки зрения готовность не просто совокупность качеств личности, а определенный уровень их сформированности: ценностных ориентаций, мотивов, волевых черт, теоретических знаний, обеспечивающих информационную осведомленность, и практических умений, сформированных в результате профессиональной подготовки. Таким образом, можно сделать вывод о том, что готовность есть результат профессиональной подготовки специалиста, обеспечивающей длительную потенциальную готовность к определенному виду деятельности.

Применительно к парадигме педагогической поддержки, влияющей на личностно ориентированное образование, понятие «готовность» приобретает следующий смысл: способность будущего специалиста в нужный момент активизировать все свои потенциальные возможности и, опираясь на накопленные знания, умения, принимать самостоятельные решения сообразно сложившейся ситуации и в соответствии с конечными целями деятельности.

Этот аспект также подчеркивает в своем исследовании К. М. Дурай-Новакова, которая особое значение придает профессионально значимым свойствам и функциональным возможностям личности будущего педагога-музыканта, оценка которых позволяет разработать пути и средства дальнейшего развития и совершенствования профессионального мастерства. Ей было доказано, что профессиональная готовность педагога выступает либо в виде качества личности, либо в виде актуального психологического состояния, следовательно, профессиональная готовность будущего педагога – это регулятор педагогической деятельности, личностная предпосылка ее эффективно-

сти. Как качество личности К. М. Дурай-Новакова определяет следующие компоненты готовности будущего педагога-музыканта к предстоящей профессиональной деятельности: положительное отношение к профессии, черты характера, способности, знания, умения и навыки, устойчивые профессионально важные качества (память, образное мышление, воображение и т.д.) [9].

Анализируя различные определения готовности в психолого-педагогической литературе и учитывая разнообразные подходы к ее достижению, мы определяем готовность к профессиональной деятельности как интегрированный показатель эффективности всего образовательного процесса по воспитанию будущего педагога-музыканта, как сложную динамическую систему, отражающую качество педагогической подготовки специалиста в вузе и предполагающую соответствие выпускника требованиям профессиональной деятельности.

3. Являясь целостным системным образованием, готовность имеет свою структуру, сформированность компонентов которой являются критериями подготовленности будущего педагога-музыканта к профессиональной деятельности. В нашем исследовании этими компонентами являются профессионально-педагогическая мотивация, компетенция (общая и специальная), коммуникативная структура, способность к самосовершенствованию, саморазвитию, самореализации, профессионально-педагогическая направленность. Остановимся на каждом из них подробнее.

В психолого-педагогической литературе мы часто встречаем мысль о том, что в основе формирования личности лежит развитие мотивационной сферы, которая служит условием организации деятельности по подготовке будущего педагога-музыканта. Занятие такой деятельностью связано прежде всего с интересом к ней, который становится подвижником совершенствования знаний, умений и навыков будущего специалиста. Таким образом, можно сказать, что интерес является одним из важнейших мотивов деятельности и выступает как результат формирования и развития личности. По мнению психологов, интерес является побудителем активности личности, так как все психические процессы начинают протекать наиболее интенсивно, а деятельность, которой она занимается, становится более результативной и приобретает увлекательный характер.

Интерес становится мотивом тогда, когда на основе общественных потребностей и чувств он побуждает человека к деятельности. Для любой профессиональной деятельности мотивы имеют огромное значение, они отражают внутреннюю позицию личности, ее направленность, ее увлеченность. Следовательно, мотивы деятельности формируются на основе возникающих потребностей, развивающихся в ходе не только подготовки к деятельности, но также и в самой деятельности.

Таким образом, в процессе формирования у студента готовности к профессиональной деятельности мотивы имеют огромное значение, так как возникают на основе интереса и способствуют выработке объективного отношения к собственным знаниям и умениям, активизируют творческие возможности, стимулируют мыслительные процессы при решении познавательных задач, являются одним из основных условий проявления потребности к самосовершенствованию.

На современном этапе развития российского общества проблема профессионально-педагогической направленности стала достаточно острой, так

как большая часть выпускников педагогических вузов не связывает свою будущую деятельность с профессией учителя. Таким образом, необходимо повышение качества педагогической подготовки выпускников, конструирование содержания вузовского образования, так как при правильно организованной учебно-воспитательной деятельности начинают взаимно влиять друг на друга интерес к учебной дисциплине и интерес к профессиональной деятельности, что создает почву для углубления профессионально-педагогической направленности.

Профессионально-педагогическая направленность определяется комплексом способностей и личностных качеств, владея которыми будущий педагог-музыкант приобретает профессиональное мастерство, именно она оказывает влияние на качество знаний студента и на потребность их приобретения.

Профессионально-педагогическая направленность будущего специалиста является основным условием формирования и совершенствования не только отдельных качеств его личности, но и его компетентности, как общей, так и специальной.

Общепедагогическая компетентность включает в себя знания, умения, которыми должен владеть выпускник педагогического вуза. Сформированность профессионально значимых умений является необходимым условием для становления профессионального мастерства, показателем профессионализма в педагогической деятельности. Общепедагогические умения включают в себя конструктивные, организационные, коммуникативные, гностические, информационные, развивающие, умение руководить познавательной деятельностью учащихся, процессом их самовоспитания, умение изучать передовой педагогический опыт.

Для подведения итогов, оценки полученных результатов и определения новых педагогических задач будущему специалисту необходимы также такие общепедагогические умения, которые позволят ему провести анализ педагогической ситуации. Все это формируется в процессе изучения студентом общественных и психолого-педагогических дисциплин.

Профессиональные (специальные) знания будущего педагога-музыканта формируются путем изучения дисциплин специального направления, а также в процессе освоения различных видов практической деятельности. Они проявляются в решении педагогических, познавательных задач и связаны с освоением конкретных специальных знаний, приобретением специальных навыков и умений. Решение педагогических задач способствует развитию творческого мышления и познавательного интереса, а также является важнейшим средством формирования готовности студента к будущей профессионально-педагогической деятельности.

Формирование у будущего педагога-музыканта готовности к профессионально-педагогической деятельности также связано с решением задач развития навыков самостоятельности и интеллектуальной активности, которые повышают качественный уровень обучения и способствуют подготовке будущего выпускника к дальнейшему приобретению знаний в повседневной практической деятельности, его самосовершенствованию.

В связи с этим необходимо выстроить целенаправленно организованный процесс формирования готовности будущего специалиста к профессиональной деятельности, находящий свое выражение как в многообразных формах конкретных педагогических действий и отношений, так и в система-

тизированной педагогической концепции, т.е. модели образовательного процесса.

4. Каждая базовая модель образовательного процесса соответствует определенной педагогической парадигме.

В переводе с древнегреческого слово «парадигма» означает образец. В философию науки это понятие ввел Г. Бергман, однако широкое распространение оно получило после выхода в свет в 1962 г. книги американского науковеда Т. Куна «Структура научных революций». Т. Кун под парадигмой понимал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [10]. Развивая идеи Т. Куна, С. Гроф писал о том, что «в широком смысле парадигма может быть определена как набор убеждений, ценностей и техник, разделяемых членами научного сообщества» [11]. В отечественной науке, по мнению некоторых авторов, «парадигма в педагогике (педагогическая парадигма) – это устоявшаяся, ставшая привычной точка зрения, определенный стандарт, образец в решении образовательных и исследовательских задач» [12].

Наиболее близко нам понятие педагогической парадигмы образования, данное Г. Б. Корнетовым. Под педагогической парадигмой образования Корнетов понимает «совокупность устойчивых повторяющихся смыслообразующих характеристик, которые определяют сущностные особенности схем теоретической и практической педагогической деятельности и взаимодействия в образовании независимо от степени и форм их рефлексии» [13].

Необходимость выделения и обоснования рассматриваемой нами парадигмы педагогической поддержки обуславливается объективной потребностью в упорядочении и систематизации учебно-воспитательного процесса.

В рамках парадигмы педагогической поддержки решается проблема организации образовательного процесса таким образом, чтобы его участники были равноправными сотворцами, без явного или неявного руководства воспитателя и совместно двигались к достижению педагогических целей.

Суть поддержки состоит в том, чтобы помочь студенту преодолеть то или иное препятствие, трудность, ориентируясь на имеющиеся у него реальные и потенциальные возможности и способности, развивая потребность в успешности самостоятельных действий [14].

Модель образования, соответствующая парадигме педагогики поддержки, принципиально отличается от привычных подходов к организации образовательного процесса. Реализующий ее педагог изначально стремится к тому, чтобы не вести обучаемого за собой, не управлять им, его развитием, а создавать условия для самоопределения, самоидентификации и самореализации, поддерживать его в осуществлении своей самости, помогать ему в решении собственных проблем.

Педагог, начинающий образовательный процесс, не должен стремиться к тому, чтобы изначально определить цели, способы и средства его образования. Первостепенной становится задача знакомства со студентом, установления с ним продуктивной коммуникации, базирующейся на принятии друг друга, взаимном уважении, доверии и интересе, а в идеале – и на взаимной любви.

Установив контакт со студентом, педагог решает вторую задачу – пытается познать его, стремится понять, каковы потребности и способности

студента, каковы мотивы его поведения, чем он интересуется. Необходимо понять, в чем заключается глубинный личностный потенциал каждого конкретного студента, научиться улавливать возникающие у него ситуативные актуальные интересы, определять, какие у него проблемы, выявить их причины.

Таким образом, решив указанные задачи, педагог, действующий в рамках модели поддерживающего образования, может делать следующие шаги, осуществляемые в трех основных направлениях.

Первое направление связано с поддержкой студента в познании самого себя как будущего педагога-музыканта, в осознании накопленного им опыта, в осмыслении им своих интересов и возможностей. Сформулировав совместно со студентом цели его образования, а в идеале предоставив возможности, позволяющие ему самостоятельно определить эти цели из собственных потребностей, педагог оказывает будущему педагогу-музыканту помощь в их достижении, создавая для этого необходимые условия.

Второе направление связано с тем, что, действуя в рамках парадигмы педагогической поддержки, педагог может помогать студенту в реализации им своего актуального интереса, который возникает сиюминутно, т.е. является ситуативным и может не иметь глубинного характера и обладать потенциальной возможностью стать более или менее устойчивым и, следовательно, более или менее значимым для дальнейшего образования, а затем и для дальнейшей профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта.

Третье направление ориентирует педагога на содействие студенту в осознании своих собственных проблем, в понимании истинных причин, в формировании целей, связанных с необходимостью решения этих проблем и создания условий для их достижения.

Таким образом, в рамках педагогической поддержки цель образовательного процесса по формированию готовности к профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта оказывается продуктом совместных усилий педагога и студента. Эта цель определяется представлениями студента о том, каким он должен быть при самом непосредственном, активном и все более возрастающем его участии.

Модель образования, построенная на парадигме педагогической поддержки, ставит перед педагогом две проблемы. Первая заключается в необходимости создания условий, стимулирующих участие студента в качестве сотворца процесса собственного образования с опорой на имеющиеся у него потребности и способности, мотивы и интересы. Вторая – нейтрализация (недопущение) возможных антисоциальных и личностно-деструктивных целей. В данном контексте речь не идет о том, что педагог предписывает студенту конкретную линию поведения, а о том, что он вводит некоторые социально и личностно значимые ограничения, предоставляя ему возможность для свободного выбора, ориентированного на его собственный внутренний мир, создавая необходимые условия для самоопределения и самореализации будущего педагога-музыканта.

Еще раз подчеркнем, что, определив совместно со студентом цели его образования, а в идеале создав условия для определения студентом целей собственного развития, педагог поддерживает его в их достижении, содействует ему в движении по направлению к ним. Модель поддерживающего образования практически исключает неприятие педагогических целей педагога студентом, так как педагог не стремится навязать студенту свои цели, а дол-

жен делать цели студента своими. При этом повышается эффективность образовательного процесса.

Педагогическая поддержка направлена на то, чтобы помочь студенту познать самого себя как будущего специалиста, уловить свою уникальность и неповторимость, реализовать собственную индивидуальность, построить присущую только ему одному линию собственного образования. Следовательно, цели и задачи образовательного процесса, направленного на формирование готовности к профессиональной деятельности в контексте педагогической поддержки, корректируются по мере развития студента, возникновения у него новых интересов и проблем, потребностей и способностей, изменения мотивов его поведения, при все возрастающем участии студента в организации собственного образования, участии, которое становится все более осознанным, активным и самостоятельным.

В процессе поддерживающего образования педагог и студент оказываются равноправными субъектами, сотворцами образовательного процесса, отношения между ними приобретают субъект-субъектный характер. Педагог выступает как субъект, так как именно от него зависит, будет ли избрана рассматриваемая модель педагогического взаимодействия. Педагог должен стремиться к тому, чтобы формировать готовность к профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта исходя из него самого, при его непрерывном активном, самостоятельном и все более возрастающем участии. Таким образом, педагог в течение всего образовательного процесса должен не только организовывать и направлять развитие студента, но и осознанно и целенаправленно развиваться и изменяться вместе с ним, формируя в ходе общения совместную траекторию движения.

При таком подходе студент становится подлинным субъектом собственного развития, поддерживаемого наставником.

Исходя из сказанного выше и учитывая специфику парадигмы педагогической поддержки, формирование готовности к профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта мы можем рассматривать как профессиональную деятельность педагога, направленную на становление личностных характеристик будущего специалиста – педагогической направленности, а также профессиональной компетентности и способностей, как инструментов компетентности, обеспечивающих профессиональное развитие в целом.

Список литературы

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великого русского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : ГИС, 1955. – Т. 1. – С. 388.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.
3. **Крутецкий, В. А.** Основы педагогической психологии / В. А. Крутецкий. – М., 1972.
4. **Дьяченко, М. И.** Психология высшей школы: Особенности деятельности студентов и преподавателей вуза / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбин. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – С. 79–84.
5. **Кузьмина, Н. В.** Методы исследования педагогической деятельности / Н. В. Кузьмина. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1970. – 115 с.
6. **Сластенин, В. А.** Формирование личности учителя советской школы в процессе профессиональной подготовки / В. А. Сластенин. – М., 1976. – 160 с.

7. **Ксепцова, Г. Ю.** Оценочная деятельность учителя / Г. Ю. Ксепцова. – М., 1999. – С. 136.
8. **Сериков, В. В.** Формирование у учащихся готовности к труду / В. В. Сериков. – М. : Педагогика, 1988. – С. 192.
9. **Дурай-Новакова, К. М.** Формирование профессиональной готовности студента к педагогической деятельности : дис. ... д-ра пед. наук / Дурай-Новакова К. М. – М., 1983. – 356 с.
10. **Кун, Т.** Структура научных революций : [пер. с англ.] / Т. Кун. – М., 1977. – С. 11.
11. **Гроф, С.** За пределами мозга: [пер. с англ.] / С. Гроф. – М., 1993. С. 19–20.
12. **Бондаревская, Е. В.** Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания / Е. В. Бондаревская, С. В. Кульневич. – М. ; Ростов н/Д, 1999. – С. 217.
13. **Корнетов, Г. Б.** Педагогика: Теория и история / Г. Б. Корнетов. – М. : УРАО, 2003. – 256 с.
14. **Григорьева, А. И.** Педагог как профессиональный воспитатель: теория и технология поддержки профессионального развития педагогов школы / А. И. Григорьева. – Тула : ИПКиППРО ТО, 1999. – С. 50.

Макарова Светлана Викторовна
ассистент, кафедра музыки и методики
преподавания музыки, Пензенский
государственный педагогический
университет им. В. Г. Белинского

Makarova Svetlana Viktorovna
Assistant, sub-department of music and
methods of music teaching, Penza State
Pedagogical University named after V. G.
Belinsky

E-mail: sv_kis@mail.ru

УДК 371.1

Макарова, С. В.

Формирование готовности к профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта на основе парадигмы педагогической поддержки / С. В. Макарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 153–161.

**ФОРМИРОВАНИЕ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К МУЗЫКАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АНАЛИЗА МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
НА ВНЕУРОЧНЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ЗАНЯТИЯХ**

Аннотация. В статье предложены методические подходы к интегрированному формированию ценностного отношения младших школьников к музыкально-эстетической деятельности на внеурочных комплексных занятиях. Анализируются особенности восприятия младшими школьниками музыкальных произведений в контексте различных видов искусства.

Ключевые слова: ценностное отношение, музыкально-эстетическая деятельность, взаимодействие и интеграция искусств, интегрированное формирование, комплекс искусств, комплексные занятия, художественный анализ музыкальных произведений.

Abstract. The article suggests integrated methodological approaches to creating value attitude of primary school pupils to music and aesthetic activity at the after-hour complex lessons. The author analyses the features of the primary school pupil's perception of music pieces taken from various arts.

Key words: value attitude, music and aesthetic activity, interaction and integration of arts; complex of arts; complex lessons; artistic analysis of musical compositions.

Модернизация деятельности современной системы образования в рамках реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» предусматривает, в частности, обновление содержания образования. По мнению Г. А. Монаховой, «...магистральный путь обновления содержания образования – интеграция как ведущая форма организации содержания образования на основе всеобщности и единства законов природы, целостности человека и целостности восприятия субъектом окружающего мира» [1, с. 52].

Реализация интегрированного подхода к образованию соответствует идее целостности и системности развития личности и процессов, сопровождающих качественные изменения в человеке. Прежде всего необходима интеграция развития эмоциональной, когнитивной и волевой сфер личности. Это позволит решить проблему духовно-нравственного, эстетического и когнитивно-компетентностного сопровождения педагогом становления образа мышления и чувствования креативной личности в процессе познавательной деятельности, поскольку в младшем школьном возрасте ребенок, с одной стороны, сензитивен по отношению к музыкально-эстетической деятельности, с другой – обладает преимущественно наглядно-образным мышлением.

В современных научных исследованиях по проблемам интеграции искусств отмечается, что большие сложности в решении этой задачи возникают особенно в младшем школьном возрасте, когда доминирует наглядно-образное мышление. Обозначенная проблема осложняется тем, что художественно-образные методы познания, лежащие в основе искусства и опирающиеся на синтез искусств, представлены в школе недостаточно.

По мнению ведущих психологов, занимающихся решением проблемы креативности детей, для организации творческой деятельности необходимо наличие определенных условий: эмоционального общения с взрослыми; предметно-манипулятивной деятельности и педагогического сопровождения детей в разных видах художественно-эстетической деятельности. Однако в практике педагогической деятельности недостаточно уделяется внимания развитию личностного отношения учащихся к анализу музыкальных произведений, их креативности в области музыкально-эстетической деятельности.

В педагогике музыкального образования школьников стало общепринятым начинать развитие творческих способностей на игровой основе и на основе комплексного подхода к изучению различных видов искусств. Сам процесс творчества развивается на основе двух подходов. С одной стороны, как указывал Л. С. Выготский, нужно культивировать творческое воображение, с другой стороны, развивать способность воплощения образов, создаваемых творческой деятельностью личности, основы которой закладываются в младшем школьном возрасте.

Развитие художественно-творческого потенциала младшего школьника и педагогическое сопровождение музыкально-эстетической деятельности должны направляться на акмеологическое взаимодействие педагога и ребенка по формированию готовности ученика к реализации основ ассоциативного и интонационного мышления. Решение этой задачи имеет музыкально-эстетическую деятельностьную основу и осуществляется в соучастии педагога и ученика, в организации процесса восприятия музыкального произведения в контексте произведений смежных искусств.

В целом речь идет об интегрированном подходе к организации музыкально-эстетической деятельности школьников. Эта деятельность предполагает развитие не только чисто музыкальных, но и общих способностей. Развиваются мышление, эмоции, воспитывается творческое воображение. Качество этих процессов взаимосвязано с особенностью младшего школьного возраста, характеризующегося синкретичностью восприятия ребенком произведений искусства в их жанровом многообразии.

Важнейшим условием формирования ценностного отношения младших школьников к музыке является ориентирование в том, что в музыковедении называют «музыкальный язык». М. Ш. Бонфельд в книге «Введение в музыковедение» обращает внимание педагогов на вербальную интерпретацию музыки. Он отмечает: «Слово о музыке, которое перестает быть словом быденной или научной речи и становится художественным эквивалентом речи музыкальной. И это, конечно, и есть та цель, к которой должен стремиться всякий, пытающийся интерпретировать музыку словом» [2, с. 208–210]. Следовательно, интерпретация музыки словом – это сотворчество! Тезис «восприятие музыки как творчество» рассматривается в истории музыкальной педагогики и в современной методике не только как репродуктивный вид деятельности, направленный на воссоздание художественного образа, но и как продуктивный вид музыкальной деятельности. Удачные детские сочинения о музыке и другие продуктивные работы не конечная цель, а «промежуточный продукт», отражающий их личностное отношение к музыкальным произведениям.

В современной научно-методической литературе разрабатываются концептуальные основы и модели реализации познания музыкального языка в русле художественно-педагогического анализа музыкальных произведений

на уроках музыки в общеобразовательных школах: интонационно-смысловой анализ (В. Медушевский) [7, с. 261–270]; содержательный анализ (В. Школяр) [4, с. 176–184]; художественно-педагогический анализ (Т. Вендрова, О. Апраксина) [5]; художественное познание (А. Пиличяускас) [6]; художественный анализ (В. Бахтин) [7].

Необходимо также отметить тот факт, что художественный анализ (именно художественный, а не музыковедческий) неизбежно несет в себе элемент субъективности, поскольку проводит его конкретный человек со своим музыкальным и жизненным опытом, своими особенностями восприятия. Из этого следует, что музыка становится средством коммуникации. Музыка выражает еще и человеческую психику, ее нравственные, эстетические и другие ценности. Нередко мы слышим в ответах школьников: «мне представляется, что...», «возможно, что в музыке...», «а мне кажется, что для музыки подходит другое». Эти и подобные высказывания ребят указывают на вариативность музыкального выражения и изображения и, следовательно, свидетельствуют о том, что музыкальные образы – это не просто «копии» жизненных образов, а образы, возникающие через посредство музыки в воображении, представлении слушателя. Исходя из возрастных возможностей, художественного опыта детей младшего школьного возраста и особенностей музыкальных произведений выбираются различные пути раскрытия нравственно-эстетического содержания произведений:

- 1) через эстетическое восприятие (прекрасное пробуждает доброе);
- 2) через показ противоречий жизни (борьба Добра и Зла);
- 3) через обобщение аналогичных качеств в однотипных произведениях (исходя из идеала, существующего в жизни);
- 4) через личность авторов (соотнесение стиля, характера произведения с «гражданственным портретом» автора).

Каждый из этих путей должен опираться на принципы, в совокупность которых можно включить следующие:

- гуманность и эмоционально-компетентностный характер анализа музыкального произведения и деятельности личности, создавшей его;
- интеграция вербальных и ролевых технологий в объяснении и восприятии сущности музыкального произведения;
- субъектность музыкального познания на основе имеющегося социокультурного опыта личности в восприятии и толковании сути музыкальных произведений;
- практико-ориентированная основа восприятия и анализа музыкальных произведений;
- опора на воображение, интуицию и ассоциативный ряд в процессе восприятия и анализа музыкального произведения;
- опора на субъективный уровень ощущений, возникающих на уровне субъективного восприятия музыки.

Реализация перечисленных выше принципов позволяет эффективно осуществить основные подвиды художественного анализа музыкальных произведений, выступающие в качестве ценностного отношения как основы для интегрированного подхода к соотнесению слова и образа в процессе восприятия и осмысления идеалов того или иного произведения. К ним относятся историко-художественный и эмоционально-смысловой подвиды художественного анализа. Детям можно предложить ответить на вопросы, касающиеся

их личностного отношения к данному произведению и характеризующие их общую художественную культуру:

1. Как ты понимаешь название музыкального произведения?
2. Какое свое название ты дал бы этой музыке?
3. Какие выразительные средства здесь главные?
4. Что выражает или изображает музыка?
5. Какую другую музыку напоминает это произведение?
6. Какое стихотворение напоминает эта музыка?
7. Какую картину напоминает эта музыка?

Конечно, содержание и количество вопросов зависит от возраста и подготовленности учащихся. При повторном аналитическом прослушивании можно сформулировать специальные вопросы, учитывающие музыкальный опыт ребенка, его личностное отношение к музыкальным произведениям. На третьем этапе, вторичном и целостном, ставятся вопросы, связанные с нравственно-эстетическим контекстом музыкального произведения.

В процессе подготовки словесной характеристики музыки составляются модели музыкальных образов. Это своего рода микротемы, образующие план сочинения. Модели музыкальных образов могут составляться с помощью терминов и словосочетаний, характеризующих смысловое содержание музыки и эмоциональное впечатление слушателей. При подборе этих терминов за основу можно брать словарь, составленный В. Ражниковым [8]. Для написания сочинения детям можно предложить следующий план, нацеливающий восприятие учащихся на определенные ценностные ориентации:

1. *Выразительность в музыке:*
 - а) чувства многих людей;
 - б) чувства одного человека.
2. *Изобразительность в музыке:*
 - а) изобразительные приемы и средства выразительности;
 - б) время года и время суток.
3. *Что дает мне эта музыка:*
 - а) наслаждение, утешение, поддержку;
 - б) радость общения с прекрасным;
 - в) помогает размышлять о чем-то?

По высказываниям школьников относительно того, что они видят и слышат в предлагаемой им музыке, мы можем составить представление о направленности их ценностных ориентаций, которую мы вслед за В. И. Петрушиным разделяем на три вида – на собственное благо, благо другого человека, благо общества [9, с. 173]. В дальнейшей работе можно также выявлять и типы эмоциональной направленности учащихся в соответствии с классификацией чувств Б. И. Додонова [10]. Многократное прослушивание музыкальных произведений углубляет интерес к ним, усиливает эмоциональный отклик, расширяет круг музыкальных притязаний.

Но главное, что «при частом повторении чувства, вызываемые произведениями искусства, входят в «эмоциональный фонд» учащихся, обогащают их духовную сущность, делают доступным понимание таких положений, с которыми они не сталкивались, и, наконец, начинают влиять на их поведение» [11, с. 125]. Большую помощь учителю при проведении такого анализа окажет «метод создания художественного контекста» (Л. Горюнова).

Поиски ассоциативного ряда – один из резервов усиления глубины и действительности анализа музыкальных произведений, считает Т. Вендрова [5, с. 15].

В «Программе внеурочных занятий с учащимися начальных классов» [12, с. 95] отмечено, что внеклассная работа имеет широкую воспитательную направленность и включает в себя разнообразные формы, одной из которых являются комплексные занятия. На этих занятиях могут чередоваться игровая форма взаимодействия педагога и учащихся, интегрированная с беседой, может быть реализована игра на простых инструментах с инсценировками, пение, слушание музыки и т.д. Такие занятия готовят благодатную почву для дальнейшего изучения многообразных связей музыки с другими видами искусства в средних и старших классах. На комплексных внеурочных занятиях музыкально-эстетическая деятельность младших школьников может осуществляться в следующих направлениях:

- 1) МЫ – КОМПОЗИТОРЫ. Направление предполагает:
 - словесное «сочинение» музыки на основе литературного или живописного сюжета (с помощью терминов-характеристик);
 - моделирование музыкального образа (с помощью словосочетаний);
 - сочинение мелодии песни на четверостишие (на заданную зерноинтонацию);
- 2) МЫ – ИСПОЛНИТЕЛИ. Направление ориентирует:
 - на вокализацию мелодий инструментальных и оркестровых сочинений (с закрытым ртом; на гласный звук; сочинить слова);
 - на импровизацию на детских музыкальных инструментах (на ритмических и мелодических инструментах);
- 3) МЫ – СЛУШАТЕЛИ. Направление предполагает историко-художественный и эмоционально-смысловой анализ музыкальных произведений;
- 4) МЫ – ПОЭТЫ. Направление нацеливает:
 - на литературную подтекстовку, сочинение стихов на музыку;
 - на сочинение стихотворения к любимому музыкальному произведению;
- 5) МЫ – ПИСАТЕЛИ. Направление предполагает:
 - словесное описание музыки (с помощью терминов-характеристик, словосочетаний);
 - написание рассказов (сочинений) о музыке (описание музыкальных «портретов», картин природы, душевных состояний);
- 6) МЫ – ХУДОЖНИКИ. Направление способствует:
 - воспроизведению музыкальных образов в рисунках;
 - графическому моделированию музыки;
 - цветовому моделированию музыки;
- 7) МЫ – РЕЖИССЕРЫ. Направление нацеливает:
 - на подбор музыки к стихам и стихов к музыке;
 - на подбор музыки к картинам и плакатам;
 - на составление музыкально-поэтических и литературно-музыкальных композиций.

Список литературы

1. **Монахова, Г.** Образование как рабочее поле интеграции / Г. Монахова // Педагогика. – 1997. – № 5.
2. **Бонфельд, М.** Введение в музыкознание / М. Бонфельд. – М., 2001.

3. **Медушевский, В.** Интонационно-смысловой анализ на уроке музыки / В. Медушевский // Теория и методика музыкального образования детей / Л. В. Школяр, М. С. Красильникова [и др.]. – М., 1998.
4. **Школяр, В.** Метод содержательного анализа инструментальных произведений / В. Школяр // Музыкальное образование в школе. – М., 2001.
5. **Вендрова, Т.** Художественно-педагогический анализ на уроке музыки / Т. Вендрова // Музыка в школе. – 1989. – № 3.
6. **Пиличяускас, А.** Познание музыки как педагогическая проблема / А. Пиличяускас // Музыка в школе. – 1989. – № 1.
7. **Бахтин, В.** Педагогическое сопровождение познавательной деятельности младших школьников в процессе художественного анализа музыкальных произведений : учебно-метод. рекомендации / В. Бахтин. – Пенза, ПГПУ. – 2010.
8. **Ражников, В.** Резервы музыкальной педагогики / В. Ражников. – М. : Знание, 1980.
9. **Петрушин, В.** Музыкальная психология / В. Петрушин. – М. : Владос, 1997.
10. **Додонов, Б.** Эмоция как ценность / Б. Додонов. – М., 1978.
11. **Лук, А.** Эмоция и личность / А. Лук. – М. : Знание, 1982.
12. Программы внеурочных занятий с учащимися начальных классов. – М., 1988.

Бахтин Вячеслав Васильевич

доцент, кафедра музыки и методики преподавания музыки, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

E-mail: Bachtinvv@mail.ru

Bakhtin Vyacheslav Vasilyevich

Associate professor, sub-department of music and methods of music teaching, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky

УДК 374

Бахтин, В. В.

Формирование у младших школьников ценностного отношения к музыкальной деятельности в процессе художественного анализа музыкальных произведений на внеурочных комплексных занятиях / В. В. Бахтин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 162–167.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье предложена методика изучения геометрических преобразований пространства, включающая в себя рассмотрение основных вопросов, касающихся введения понятия «преобразование», изучение его свойств. Рассмотрены взаимосвязи между преобразованиями, методика изучения композиций преобразований пространства. Выделены геометрические ситуации, приводящие к использованию преобразований пространства.

Ключевые слова: геометрическое преобразование пространства, изометрия, композиция преобразований, методика решения задач с использованием геометрических преобразований пространства.

Abstract. The article describes a methodology of studying geometrical transformation of space, considering the basic questions concerning the introduction of the concept of "transformation" and the analysis of its properties. The author considers the technique of studying compositions of space transformations as well as the relations between geometrical transformations. The article points out the geometrical situations leading to the application of space transformations.

Key words: geometrical transformation of space, isometry, compositions of space transformations, problem-solving methodology implementing geometrical transformations of space.

Целенаправленный переход к профильному обучению в 10–11 классах общеобразовательных школ подразумевает три типа учебных предметов: базовые, профильные и элективные. Примерное соотношение объемов данных типов учебных предметов соответственно 50:30:20. Выбор профильных и элективных учебных предметов в совокупности составляет индивидуальную образовательную траекторию обучающихся.

Учебные предметы федерального компонента представлены на двух уровнях – базовом и профильном. В **стандарте базового** уровня акцент делается на формирование общей культуры и в большей степени связан с мировоззренческими, воспитательными и развивающими задачами общего образования, а в **стандарте профильного** уровня основное внимание уделяется подготовке учащихся к продолжению образования или к профессиональной деятельности по избранному направлению.

Роль и значение геометрических преобразований в математике как науке и, в частности, в геометрии значительна. Еще в XIX столетии известным немецким математиком Ф. Клейном было обосновано, что преобразования могут быть положены в основу определения самого предмета геометрии. На важность обучения школьников преобразованиям указывали многие исследователи XX в. Так, например, В. Г. Болтянский отмечает: «Знание свойств движений и других геометрических преобразований, умение применять их к доказательству теорем и решению задач – важный элемент математической культуры, может быть, самый важный метод (наряду с умением применять векторный аппарат и логически мыслить), который должны вынести учащиеся из школьного курса геометрии» [1, с. 110].

К сожалению, преобразования пространства в современном образовательном процессе занимают далеко не первое место. Так, в государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования по математике в качестве целей изучения предмета выделено формирование представлений об идеях и методах математики, развитие логического и пространственного воображения. Однако в обязательный минимум содержания основных образовательных программ для базового и профильного уровней вынесены всего лишь темы: симметрии куба, параллелепипеда, призмы и пирамиды; понятие о симметрии пространства (центральная, осевая, зеркальная). Вместе с тем можно увидеть противоречие между поставленными целями обучения математике и содержанием школьного курса математики, которое в таком малом объеме не позволяет их достигать. Однако выше было сказано, что обучение преобразованиям пространства позволяет развивать пространственное воображение и является методом решения задач, наряду с такими методами, как классический, алгебраический, векторный и координатный, а также дает возможность использования данного метода для решения задач на построение, доказательство и вычисление.

В данной статье перечислим основные направления, по которым возможно изучать данную тему в условиях профильного обучения.

Важно отметить еще одну важную проблему, которая не реализуется в школьном математическом образовании. Дело в том, что функции в курсе алгебры и начал анализа и геометрические преобразования в курсе геометрии – это практически один и тот же объект, но об этом ничего не говорится в школе. По этому поводу академик А. Н. Колмогоров пишет: «Понятие отображения (функции) является в современной математике одним из наиболее употребительных понятий. Геометрические преобразования – тоже функции. Поэтому было бы естественным продолжать игнорировать использование геометрических преобразований в школьном курсе геометрии, как это делалось в наших программах до сих пор» [2, с. 9]. При изучении преобразований пространства мы должны стремиться к тому, чтобы сделать изложение материала взаимосвязанным и взаимодополняющим. Написать здесь подробно об этом не представляется места, поэтому ограничимся определением геометрического преобразования, которое используем.

Определение: Если каждой точке A пространства по правилу f поставить в соответствие единственную точку этого пространства A_1 , то говорят, что задано геометрическое преобразование пространства. Точку A_1 называют *образом* точки A , а точку A – *прообразом* точки A_1 .

Таким образом, при введении основных понятий мы используем внутривидовые взаимосвязи геометрии и алгебры и начал анализа, поэтому при формировании основного понятия «геометрическое преобразование пространства» используется взаимосвязь с понятием «функция», что показывает их родственность. Аналогично при введении понятий «обратное преобразование», «обратимое преобразование» и «композиция преобразований» целесообразно учитывать взаимосвязь с понятиями «обратная функция», «обратимая функция» и «сложная функция» соответственно.

Здесь, безусловно, возникает масса сопутствующих вопросов. А именно говорим ли мы о преобразовании пространства или фигуры, как построить систему упражнений, формирующих понятие геометрического преобразования, как связать этот материал с курсом алгебры и начал анализа? Предлага-

ется система задач на формирование понятия «преобразование пространства», включающая в себя две группы. Первая группа задач связана с формированием у школьников умения по заданному соответствию точек пространства установить, является ли оно преобразованием или нет. Вторая группа задач связана с формированием у них умения самостоятельно устанавливать соответствие между точками пространства и доказывать, что это соответствие является геометрическим преобразованием пространства. С целью закрепления у учащихся умения различать обратное и обратимое преобразование, формирования у них представления о «композиции преобразований» также предлагаются разнообразные задачи.

Большое внимание в школьной практике уделяется преобразованиям, которые сохраняют расстояния между соответствующими точками. За последние десятилетия много говорилось о соответствующей терминологии. Это происходило потому, что для указанных преобразований есть три примерно одинаковых термина: «движение», «перемещение» и «изометрия». Традиционно в математической литературе и большинстве школьных учебников используется термин «движение». Академик А. Н. Колмогоров не разделял эту точку зрения и писал: «...изометрию на физическом языке более естественно называть *перемещением*, а не движением (движение есть процесс, а перемещение – его результат)» [3, с. 3]. Вместе с тем термин «перемещение» оказался неудачным: он занят в курсе физики. В цитате А. Н. Колмогорова упоминается термин, которым и будем пользоваться, – это термин «изометрия». Другой не менее важный вопрос: какие общие свойства изометрии следует изучать на базовом и профильном уровнях? Среди этих свойств следует рассматривать на базовом уровне свойства изометрии переводить прямую в прямую, отрезок в равный отрезок, луч в луч, угол в равный угол и плоскость в плоскость, а на профильном уровне добавить свойство обратимости любой изометрии, свойство переводить три точки, лежащие на одной прямой, в три точки, лежащие на одной прямой, причем точку, лежащую между двумя другими, переводить в точку, лежащую между образами двух других точек.

Большую часть учебного материала по изучению преобразований пространства занимает изучение конкретных видов преобразований. В разных учебниках число этих видов различно, определение понятий и методика их введения также бывает различной. Отметим, что программа изучения преобразований пространства должна включать в себя центральную симметрию, осевую симметрию, зеркальную симметрию, вращение вокруг оси и, конечно, параллельный перенос.

Особенностями разработанной методики изучения видов изометрий в условиях профильного обучения являются следующие:

а) введение определения каждого вида преобразования начинается с описания правила, на основании которого задается соответствие между точками (для каждого преобразования свое правило), что позволяет связать теорию о преобразованиях пространства с каждым конкретным преобразованием;

б) для каждого уровня обучения обязательным является доказательство теоремы о том, что каждое из рассматриваемых преобразований является изометрией пространства; это позволяет общие свойства преобразований отнести к свойствам каждого вида изометрии;

в) изучение взаимосвязей между видами изометрий пространства: вместо сложного доказательства того факта, что осевая симметрия является изометрией, можно использовать взаимосвязь осевой симметрии и вращения вокруг оси и упростить его изучение; при доказательстве, что параллельный перенос является изометрией, возможно использование центральной симметрии, что упростит его изучение; рассмотрение теорем о взаимосвязи элементов изометрий указывает на взаимосвязи между преобразованиями.

Так, все симметрии пространства связаны между собой теоремой.

Теорема 1: Если фигура имеет плоскость симметрии и в ней центр симметрии, то она имеет еще ось симметрии, проходящую через центр перпендикулярно плоскости.

Также справедливы следующие теоремы.

Теорема 2: Если фигура имеет ось и на ней центр симметрии, то она имеет плоскость симметрии, проходящую через центр перпендикулярно к оси.

Теорема 3: Если фигура имеет перпендикулярные ось и плоскость симметрии, то она имеет и центр симметрии в точке их пересечения.

Например, известно, что цилиндр имеет ось симметрии – ось цилиндра, середина оси симметрии является центром симметрии цилиндра. Если провести плоскость через центр симметрии перпендикулярно оси симметрии, мы получим плоскость симметрии цилиндра, в которой находится бесконечное множество осей симметрии, проходящих через центр симметрии. Помимо этой плоскости симметрии цилиндр имеет бесконечное множество плоскостей симметрии, проходящих через ось симметрии. Ось цилиндра является его осью вращения, причем число вращений цилиндра вокруг своей оси симметрии бесконечно и приводит к его самосовмещению. Можно привести много таких примеров, если рассматривать куб, сферу, конус и другие тела в пространстве.

Другой чрезвычайно важный вопрос связан с изучением композиций преобразований пространства. Для полного изучения этого вопроса практически нет учебного времени. Вместе с тем без композиции преобразований нет теории преобразований. Существует следующий выход из этой сложной ситуации. Рассматривая достаточно известную литературу о геометрических преобразованиях пространства, можно выделить наиболее простой способ, который возможен для изучения, – это рассмотрение композиций на базовом и профильном уровнях по направлениям: 1) по видам преобразований в той последовательности, в которой они появляются в школьной программе, где изучение может идти по двум путям: рассмотрение композиций одноименных и разноименных преобразований; 2) по степени использования композиций при изучении теоретического и практического материала.

В результате этих исследований получаем следующую последовательность действий в изучении композиций в условиях профильного обучения (табл. 1).

Анализ учебно-методических пособий показывает, что использование композиций преобразований пространства при изучении теоретического материала очень незначительно. Можно констатировать применение композиций преобразований пространства при изучении теоретического материала, например при изучении композиций параллельных переносов, которая является, с одной стороны, суммой двух заданных векторов, а с другой, является последовательным выполнением двух параллельных переносов.

Изучение композиций преобразований пространства на базовом и профильном уровнях

Базовый уровень	Профильный уровень
$Z_O^{-1} \circ Z_O = Z_O \circ Z_O^{-1} = E$ и $Z_O^{-1} = Z_O$, где O – центр симметрии	$Z_O^{-1} \circ Z_O = Z_O \circ Z_O^{-1} = E$ и $Z_O^{-1} = Z_O$, где O – центр симметрии, $Z_{O_2} \circ Z_{O_1} = \Pi_{2\overline{O_1O_2}}$, где O_1 и O_2 – центры симметрии и $O_1 \neq O_2$, $Z_{O_n} \circ Z_{O_{n-1}} \circ \dots \circ Z_{O_1} = E$ (или Π), если n – четное, $Z_{O_n} \circ Z_{O_{n-1}} \circ \dots \circ Z_{O_1} = Z$, если n – нечетное
$S_l^{-1} \circ S_l = S_l \circ S_l^{-1} = E$ и $S_l^{-1} = S_l$, где l – ось симметрии	$S_l^{-1} \circ S_l = S_l \circ S_l^{-1} = E$ и $S_l^{-1} = S_l$, где l – ось симметрии, $S_m \circ S_l = \Pi_{2\overline{AB}}$, где l и m – оси симметрии, $m \parallel l$, $S_m \circ S_l = R_h^{2\angle(l,m)}$, где l и m – оси симметрии, $m \cap l = O$, $h \perp l$, $h \perp m$, $O \in h$
$S_\alpha^{-1} \circ S_\alpha = S_\alpha \circ S_\alpha^{-1} = E$ и $S_\alpha^{-1} = S_\alpha$, где α – плоскость симметрии	$S_\alpha^{-1} \circ S_\alpha = S_\alpha \circ S_\alpha^{-1} = E$ и $S_\alpha^{-1} = S_\alpha$, где α – плоскость симметрии, $S_\beta \circ S_\alpha = \Pi_{2\overline{AB}}$, где α и β – плоскости симметрии, $\alpha \parallel \beta$, $S_\beta \circ S_\alpha = R_l^{2\angle\varphi}$, где α и β – плоскости симметрии, $\alpha \cap \beta = l$ и $\varphi = \angle(\alpha, \beta)$
	$R_l^\beta \circ R_l^\alpha = R_l^{\alpha+\beta}$, где l – ось симметрии, α и β – углы вращения
$\Pi_{\vec{b}} \circ \Pi_{\vec{a}} = \Pi_{\vec{a+\vec{b}}}$, где \vec{a} и \vec{b} – векторы переносов	$\Pi_{\vec{b}} \circ \Pi_{\vec{a}} = \Pi_{\vec{a+\vec{b}}}$, где \vec{a} и \vec{b} – векторы переносов

Особо важно применение композиций при обосновании групповых свойств изометрий пространства, а именно: множество всех изометрий пространства образует группу относительно операции композиции. Так, операция ассоциативности для композиций выполняется, единичным элементом является тождественное преобразование, а обратным элементом является обратное преобразование. Данная тема может быть рассмотрена в элективном курсе для учащихся старшей школы и позволит познакомить учащихся с понятием «группа», что соответствует цели профильного обучения – обеспечить преемственность между общим и профессиональным образованием, более эффективно подготовить выпускников школы к освоению программ высшего профессионального образования.

Есть вечная проблема – «как решать задачи», есть более частная задача – «как решать геометрическую задачу методом геометрических преобразований». Вопросами решения задач с использованием геометрических преобразований занимались многие математики и методисты: В. Г. Болтянский, В. А. Гусев, С. Н. Дорофеев, Я. П. Панарин, Е. В. Потоскуев, Г. И. Саранцев, А. И. Фетисов, И. Ф. Шарыгин, И. М. Яглом и др. Однако не удается найти разработанной методики решения таких задач, которая бы подсказывала соответствующий метод и необходимость использования того или иного пре-

образования. Особенно сложно обстоит дело с преобразованиями пространства, потому что этот метод вообще не описан. Если даже и есть какие-нибудь положения, связанные с методикой решения таких задач, то они чаще всего идут через примеры конкретных задач, поэтому методика решения задач с использованием геометрических преобразований пространства является на сегодняшний день недостаточно разработанной. Исходя из анализа учебных пособий, задачи, решаемые с использованием геометрических преобразований, можно разделить на два вида: 1) задачи, связанные с изучением свойств различных геометрических преобразований и взаимосвязей между ними; 2) задачи, в формулировке которых не входят геометрические преобразования, но которые решаются с их применением. По первому виду существует огромное количество задач, методика решения которых нуждается в совершенствовании, но рассмотрение таковых задач не входит в рамки данного исследования. Нас интересует гораздо более сложная проблема – решение различных геометрических задач методом геометрических преобразований, где метод решения задач не следует из условия задачи, в связи с этим разрабатывается одно наиболее перспективное направление – выделение геометрических ситуаций, приводящих к использованию преобразований.

Например:

а) известно, что точка пересечения диагоналей параллелепипеда является его центром симметрии. Этот факт может использоваться в разных ситуациях, решаемых с применением центральной симметрии. Например, если требуется доказать, что отрезок любой прямой, проходящий через точку пересечения диагоналей параллелепипеда и заключенный внутри него, делится этой точкой пополам; если требуется доказать, что два тела, полученных при пересечении параллелепипеда плоскостью, проходящей через точку пересечения его диагоналей, равны и имеют равные объемы;

б) известно, что правильный тетраэдр имеет три оси симметрии, проходящие через середины противоположных ребер. Данный факт можно использовать в ситуации, например, если нужно доказать, что плоскость, проходящая через отрезок, соединяющий середины противоположных ребер тетраэдра, делит его на равные два тела;

в) если нужно доказать, что точка, лежащая в плоскости, находится на наименьшем или наибольшем расстоянии от двух других точек, не лежащих в плоскости, то можно использовать зеркальную симметрию;

г) если требуется доказать, что в правильной треугольной пирамиде плоскость, проходящая через ребро и биссектрису треугольника в основании, делит пирамиду на два равных тела, имеющих равные объемы, то можно использовать зеркальную симметрию;

д) если нужно две фигуры, лежащие в разных плоскостях, перевести в одну плоскость и провести сравнительный анализ, то целесообразно применить вращение вокруг оси;

е) для совмещения двух фигур в пространстве, лежащих в одной плоскости или в параллельных плоскостях.

Здесь обозначены не все геометрические ситуации, приводящие к использованию геометрических преобразований пространства, так как их круг можно много расширить.

Суть методики решения геометрических задач с использованием геометрических преобразований пространства состоит в следующем: анализируя текст задачи, мы, как всегда, совершаем аналитико-синтетическую деятель-

ность по нахождению следствий из условия задачи и вырабатываем стратегию по решению той или иной задачи. Путь от условия задачи до момента использования геометрического преобразования может быть различным: можно сразу увидеть использование того или иного преобразования, или нужно проделать дополнительную работу, чтобы увидеть использование геометрического преобразования. Вместе с тем практическая значимость преобразований заключается в применении их к решению задач.

Задача: В основании пирамиды $SABCD$ лежит квадрат $ABCD$. Ребро SA пирамиды перпендикулярно ее основанию. Через середину ребра SB проведено сечение, параллельное плоскости (ASD) . Какова площадь сечения, если площадь грани ASD равна 32 см^2 ?

Решение:

1. Дана пирамида $SABCD$, где $ABCD$ – квадрат. Ребро $SA \perp (ABC)$, $KB = KS$. Через точку K проходит сечение, параллельное (ASD) . $S_{\Delta ASD} = 32 \text{ см}^2$ (рис. 1).

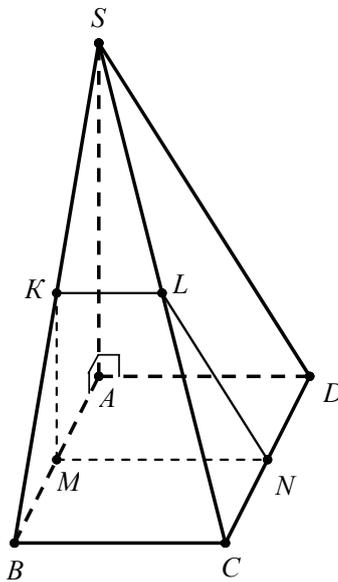

Рис. 1

2. Требуется найти $S_{\text{сечения}}$.
3. Чтобы решить задачу, сначала необходимо построить искомое сечение. Известно, что через точку K проходит сечение, параллельное (ASD) .
4. Если в грани ΔABS через точку K проведем прямую, параллельную плоскости (ASD) , то прямая пересечет ребро AB в точке M , принадлежащей искомому сечению. Аналогично находим точки L и N , где $KL \parallel (ASD)$ и $MN \parallel (ASD)$.
5. Получаем в сечении четырехугольник $KLMN$, причем плоскость (KLN) параллельна плоскости треугольника ASD .
6. Если в прямоугольном ΔABS через середину K проведена прямая KM , параллельная стороне AS , то точка M является серединой AB (по теореме Фалеса).
7. Аналогично в ΔBSC точка L – середина ребра SC , и в ΔCSD точка N – середина ребра CD (по теореме Фалеса).

8. Значит, искомая плоскость (KLN) проходит через середины сторон SB, SC, CD, AB (п. 6, 7).

9. Если $ABCD$ – квадрат, то $AM = DN$ (п. 1, 8).

10. Если плоскость сечения параллельна плоскости (ASD), то точки K, M, N и L равноудалены от плоскости (ASD) (п. 1, 9).

Мы взяли из условия все возможные данные, которые могут помочь в решении. Условие задачи нам не подсказывает метод решения задачи. Но в п. 10 мы получили вывод, что плоскость сечения равноудалена от грани, это позволяет нам сформулировать гипотезу: нам в решении задачи может помочь геометрическое преобразование – параллельный перенос. За вектор переноса вполне справедливо взять расстояние между параллельными плоскостями. Параллельный перенос позволяет совместить две фигуры, лежащие в разных плоскостях, что подтверждает имеющуюся проблемную ситуацию.

11. За расстояние между плоскостями (KLN) и (ASD) примем длину вектора \overline{AM} . Тогда при параллельном переносе на вектор \overline{AM} мы получаем, что $\Pi_{\overline{AM}}(A) = M$, $\Pi_{\overline{AM}}(D) = N$, $\Pi_{\overline{AM}}(S) = S_1$ (по определению параллельного переноса) (рис. 2).

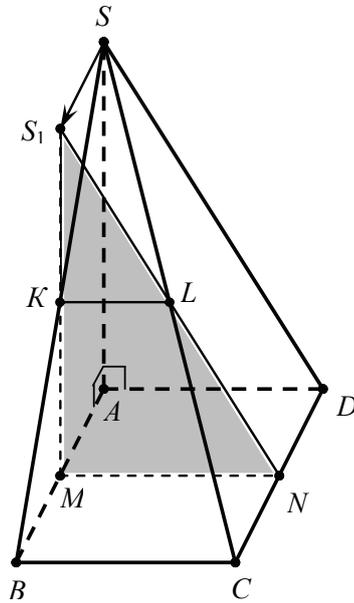

Рис. 2

12. Тогда $\Pi_{\overline{AM}}(AD) = MN$, $\Pi_{\overline{AM}}(DS) = NS_1$, $\Pi_{\overline{AM}}(AS) = MS_1$ (по свойству изометрии переводит отрезок в отрезок).

13. Получаем, что при параллельном переносе $\Pi_{\overline{AM}}(\Delta ASD) = \Delta MS_1N$.

14. $\Delta ASD = \Delta MS_1N$ (п. 13, свойство изометрии).

15. Имеем, что $S_{\Delta ASD} = S_{\Delta MS_1N} = 32 \text{ см}^2$.

16. Если обозначим сторону квадрата $ABCD$ за $2a$, то

$$S_{\Delta ASD} = \frac{1}{2} AD \cdot AS = \frac{1}{2} MN \cdot MS_1 = \frac{1}{2} \cdot 2a \cdot MS_1 = a \cdot MS_1.$$

17. Но с другой стороны, если $S_{\Delta ASD} = 32 \text{ см}^2$, то из п. 16 получаем, что $MS_1 = \frac{32}{a}$.

18. Четырехугольник $KLNM$ – прямоугольная трапеция (так как $KL \parallel MN$, $KM \parallel AS$, $AS \perp KM$).

19. В трапеции $KLNM$

$$S_{KLMN} = \frac{1}{2}(KL + MN) \cdot KM = \frac{1}{2}(a + 2a) \cdot \frac{16}{a} = 24 \text{ см}^2.$$

Ответ: 24 см^2 .

В ходе исследования был разработан элективный курс по теме «Геометрические преобразования пространства и их применение к решению задач», основанный на описанных выше особенностях обучения данной теме. Он является примером реализации разработанной методики обучения преобразованиям пространства, учитывает внутривидовые взаимосвязи курсов «Геометрия» и «Алгебра и начала анализа», способствует повышению качества знаний учащихся по геометрии в целом, формированию и развитию логики мышления и пространственного воображения обучаемых, что позволяет достичь поставленных целей обучения математике. При проектировании курса была разработана программа, рассчитанная на 28 часов. Данный элективный курс предназначен для учащихся старших классов, позволяет систематизировать и углубить их знания о геометрических преобразованиях и содержит основные темы, которыми должны владеть учащиеся старших классов.

В данной статье мы описали основные проблемы, которые поднимаются при изучении этой темы, а также способы их решения. Представляется, что материал статьи показывает важность и сложность обучения геометрическим преобразованиям пространства учащихся старшей школы.

Список литературы

1. **Болтянский, В. Г.** Поворот и центральная симметрия / В. Г. Болтянский // Математика в школе. – 1989. – № 6. – С. 108–119.
2. **Колмогоров, А. Н.** Геометрия 6 класс : метод. пособие / А. Н. Колмогоров. – М. : Просвещение, 1970.
3. **Колмогоров, А. Н.** Современная математика и математика в современной школе / А. Н. Колмогоров // Математика в школе. – 1971. – № 6. – С. 2–3.

Хевсокова Марина Юрьевна
аспирант, Московский педагогический
государственный университет

Khevsokova Marina Yuryevna
Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University

E-mail: viva82@mail.ru

УДК 513 (077)

Хевсокова, М. Ю.

Особенности методики изучения геометрических преобразований пространства в условиях профильного обучения / М. Ю. Хевсокова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 168–176.

РЕЦЕНЗИИ

С. В. Шелохаев. Д. Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 339 с.

Переходный период развития современного российского общества стимулирует необходимость осмысления исторического опыта реализации преобразований в контексте модернизационной парадигмы. В этой связи очевиден интерес историков, политологов, представителей экспертного сообщества к исследованию феномена либерально-консервативного синтеза в реалиях меняющейся России. Противоречия формирования гражданского общества и многопартийности, гармоничность сочетания традиций и новаций в социально-экономической и политической сферах являлись предметом дискуссий в среде либеральной и консервативной элит в конце XIX – начале XX вв.

Современная историография обогатилась в течение последнего десятилетия рядом исследований, в которых проанализированы особенности деятельности ярких фигур российского либерализма [1–4]. Монография кандидата исторических наук С. В. Шелохаева посвящена изучению жизненного пути, общественно-политическим воззрениям Дмитрия Николаевича Шипова, являвшегося ярким представителем либерально-консервативного спектра политической жизни позднеимперской России, хорошо известным своей многогранной деятельностью в земском движении, структурах «Союза 17 октября» и Партии мирного обновления.

Изданию рецензируемой монографии предшествовал выход из печати мемуаров Д. Н. Шипова [5] – яркого источника в изучении политической истории дореволюционной России. Подготовленное С. В. Шелохаевым переиздание воспоминаний, ставших библиографическим раритетом, думается, будет способствовать интенсивному исследованию теоретического наследия российских либералов.

Рассматривая содержание монографии, прежде всего хочу обратить внимание на тщательную разработку автором комплекса источников, отложившихся в фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Центрального исторического архива города Москвы. Вне внимания автора не остались материалы периодической печати, а также воспоминания лидеров либерального движения. Уместно заметить и то обстоятельство, что более половины объема книги содержит приложение, представляющее переписку Д. Н. Шипова с видным общественным деятелем, Московским городской головой, членом ЦК Конституционно-демократической партии Михаилом Васильевичем Челноковым и его супругой Елизаветой Карповной. Содержание писем позволяет приблизиться не только к уяснению обстоятельств личных взаимоотношений незаурядных личностей. В переписке отражено восприятие творчества Л. Н. Толстого. Как видно, на

Д. Н. Шипова глубокое впечатление произвела повесть Л. Н. Толстого «Крейцера соната», в которой ее автор «показывает, до какого болезненного и отчаянного положения может дойти человек вследствие брака, имеющего в своем основании исключительно материальную сторону человека-животного. Он обращает внимание на то, что в нашем обществе, преимущественно в светском, при знакомстве и общении между женщинами и мужчинами имеется в виду произвести впечатление на чувственную сторону человека и игнорируется сторона духовная» (с. 181). Небезынтересны суждения Д. Н. Шипова о реалиях западноевропейской жизни: «Там, мне кажется, человек, руководясь идеей борьбы за существование, поглощен государством. Заботы об экономическом благосостоянии, о правовом положении отодвигают на задний план духовную сторону человека заурядного и не дают развиваться сознанию нравственного долга пред самим собой и пред ближними» (с. 208). Для исследователей будут ценны оценочные суждения Д. Н. Шипова о соотношении религиозного сознания и религиозных убеждений, взглядах П. Б. Струве и Н. Н. Львова, перспективах внутренней и внешней политики России в начале XX в. Таким образом, содержание приложения ценно для представления духовного облика Д. Н. Шипова, разделившего либерально-консервативные взгляды на будущее Родины.

Возвращаясь к содержанию исследования, хотелось бы отметить, что структура книги отличается продуманностью и соответствием ее цели – изучению диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности мировоззренческой системы ценностей и общественно-политической деятельности Д. Н. Шипова (с. 3).

На мой взгляд, особое значение приобретают авторские наблюдения, сформулированные в главе, посвященной формированию личностных и мировоззренческих принципов. Речь идет о попытках либералов-консерваторов конкретизировать аргументы в пользу необходимости общественно-политических преобразований с учетом культурно-исторических традиций русского народа.

В самодержавии Шипов усматривал прежде всего «идею союза и взаимодействия власти с народом» на основе их морально-нравственной солидарности (в этом было принципиальное отличие от воззрения славянофилов, признававших божественное происхождения самодержавной власти монархии (с. 29). Анализируя роль права в эволюции государственности, Шипов отстаивал выполнение им вторичной функции, выделяя в качестве приоритета этико-нравственную идею. В этой связи достаточно своеобразным представлялось понимание природы государства, которое «не может не быть учреждением правовым, но право, нормирующее жизнь государства, всегда должно стремиться к постепенному установлению в государстве высшей правды и справедливости...» (с. 31). Будучи прагматиком, обладавшим опытом земской деятельности (этот сюжет разработан во второй главе монографии), Шипов был убежден в том, что народное представительство должно вносить в государственную жизнь глубокое знание местных условий, что, на его взгляд, было весомым аргументом в пользу представления права избрания народных представителей земствам и городским думам. Эта мера гарантировала отбор компетентных общественных деятелей в общероссийское народное представительство.

Автор резюмирует, что конструкция воззрений Д. Н. Шипова отличалась подлинным «здравым смыслом», поскольку позволяла провести объективно назревшие преобразования без социальных и политических катаклизмов, сохраняя при этом преемственность власти и учитывая культурные традиции русского народа» (с. 35). Между тем, на наш взгляд, было бы желательно в первой главе сопоставить воззрения Д. Н. Шипова с суждениями его оппонентов как среди либералов, так и консерваторов, что позволило бы более четко сформулировать причины отсутствия поддержки либерально-консервативных теоретических конструкций властными структурами и интеллигенцией¹.

Автором обстоятельно рассмотрены перипетии политических маневров, связанных с попытками создания правительства с участием общественных деятелей, осмыслена роль Д. Н. Шипова, выдвинувшего программу постепенного преобразования России в конституционную монархию. Обреченность позитивного замысла Д. Н. Шипова была очевидна в контексте усиления разногласий с А. И. Тучковым и с П. А. Столыпиным, рассчитывавшим использовать имидж политиков-либералов для реализации своей реформаторской программы. Впрочем, единомышленники Д. Н. Шипова не обольщались, расценивая маневры главы правительства как приглашение либералов «на роли наемных детей при дамах легкого поведения» (с. 109). В этих пертурбациях в очередной раз проявились не только разобщенность, организационная слабость либералов, но и отношение высшей бюрократии к этому спектру политической жизни. Уход из политики Д. Н. Шипова был предопределен данными обстоятельствами.

Насыщены драматизмом страницы последней главы монографии, где раскрыты обстоятельства арестов и смерти Д. Н. Шипова в Бутырской тюремной больнице, последовавшей на 69-м году жизни.

В заключительной части книги четко сформулированы приоритеты, позволяющие выделить сущностные черты либералов-консерваторов: особая роль нравственно-этического миропонимания; принципиальное отрицание всех форм насилия; попытка придать «русской идее» новый динамизм в условиях модернизационного процесса.

Представляемая монография С. В. Шелохаева придаст новый стимул в осмыслении феномена либерально-консервативных концепций переустройства России на различных этапах ее истории.

Список литературы

1. Российские либералы : сб. списки / под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. – М., 2001.
2. **Аронов, Д. В.** Первый спикер: Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева / Д. В. Аронов. – М., 2006.
3. Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. – М., 2004.
4. **Кузьмина, И. В.** Князь Шаховской: Путь русского либерализма / И. В. Кузьмина, А. В. Лубков. – М., 2008.

¹ В этой связи необходимо обратить внимание на плодотворность дискуссий в рамках Всероссийских научно-практических конференций [6–8]. Сопоставление либеральной и консервативной парадигм может быть проведено с учетом основательного изучения облика последней [9–10].

5. **Шипов, Д. Н.** Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. – М., 2007.
6. Либеральный консерватизм: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2001.
7. Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры: Всероссийская научно-практическая конференция 10–12 сентября 2008 г. : пленарные доклады и материалы конф. – Ярославль, 2008.
8. Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии : сб. науч. ст. – Орел, 2009.
9. **Репников, А. В.** Консервативная модель / А. В. Репников // Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М., 2004. – С. 148–229.
10. **Репников, А. В.** Консервативные концепции переустройства России / А. В. Репников. – М., 2007.

В. Ю. Карнишин

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории,
Пензенский государственный
университет

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valery Yuryevich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history,
Penza State University

Внимание авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, философии, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- ***история***
- ***философия***
- ***филология***
- ***педагогика***
- ***социология***

Стоимость одного номера журнала – 250 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: факс (841-2) 56-34-96, тел.: 36-82-06, 56-47-33; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку на первое полугодие 2011 г. можно также оформить по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ» «Газеты. Журналы», тематический раздел «Известия высших учебных заведений». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 2011 г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____
(подпись) (ФИО)

Дата «___» _____ 2011 г.